

ЭЛЕОНОРА РАТКЕВИЧ

SHOUT **IT**
SHARE

- Элеонора РАТКЕВИЧ

Элеонора РАТКЕВИЧ

ДЖЕТ ИЗ ДЖЕТЕВЕНА

Бахту, как всегда, страшно потел, сопел и чесался. Более того, на его крыльце опять лежала кошка – наверняка та же самая, второй такой не сыщешь. Настолько облезлая и вонючая, что могла показаться мертвой, если б не уши: ушами она хоть изредка перебирала. Давным-давно можно было распрощаться и уйти и от Бахту, и от кошки, но Иллари внимательно слушал, как толстяк Бахту, икая, возносит кошке хвалу. Наконец, взглянув украдкой на садовые солнечные часы, Иллари встал, сослался в изысканных выражениях на неотложное дело, раскланялся с Бахту и не без труда похвалил кошку на прощанье. Через минуту он уже выводил коня через усадебные ворота. Садясь в седло, он содрогнулся: кошка решила мяукнуть ему вслед – и мяукнула.

Уф! Бахту и его кошка! Стерпеть их дольше полуминуты не в силах человеческих. Но Иллари, если уж нелегкая заносила его с визитом к Бахту, всегда покорно терпел и чудовищную плешистую тварь, и ее хозяина: уж слишком жарко возвращаться от Бахту посреди дня. Иллари предпочитал немного помучиться, слушая кошачью эпопею, но зато непременно дожидаться Часа Спящих листьев.

Сначала, пока солнце еще высоко, небесная синева отражается в белизне стенной кладки малого города, но вскоре, к Часу Ветров, солнце начинает клониться к закату, и на белых улицах не остается ничего белого. Все розовое и золотое, призрачно-легкое. Только тени синие, глубокие, тяжелые: даже непонятно, как из них вздымается в полосы света розовая, золотая, лимонная пыль. Серовато-синий камень мостовой словно течет, его разноцветные прожилки движутся, сливаясь и расслаиваясь. К концу пути, если подгадать время, можно выехать к городской стене, сложенной из темно-пурпурных плит, как раз тогда, когда ослепительно-алое солнце садится точно в центре распахнутых ворот. Розовый, лиловый, картинно-красный и бурый плющ ползет по стенам, почти невесомый, пронизанный предзакатными лучами. Гроздь красных ягод, осыпавших придорожные кусты, свешивается перед самым носом. Потом наступает долгожданная прохлада, и восхитительная минута – еще не вечер, уже не день – окрашивает мир в прохладные тона. Потом очень быстро сгущаются сумерки – легкие, розово-лиловые; и розово-серый гранит замковых стен растворяется в этих сумеречных тонах, тает, парит в воздухе, клубится, – и

собственный дом в этот миг всегда кажется Иллари томительно незнакомым и прекрасным. Ради этого стоит час – другой потерпеть Бахту и его кошку. К тому же белый город и днем небезопасен, а вечером – тем более. Кошелек, руку или голову здесь отрежут с равной и ошеломляющей легкостью. Зато сознание опасности заставляет взгляд еще более жадно впиваться в каждую мелочь. А уж если кто привяжется, возникает великолепная возможность подраться, а то и пустить в ход оружие. Ради саднящей боли в разбитых губах и содранных костяшках пальцев, ради чудесного чувства силы и уверенности тоже можно потерпеть излияния Бахту. Хорошая драка того стоит! Молодость и красота, сила и веселье, и грустные стихи сами слетают со смеющихся губ: «Станут синие камни синей волной... станут белые стены белой пеной...». Иллари задумался, подыскивая сквозную рифму, чуть ослабил повод, прожилки в камне задвигались, мостовая и вправду заплескалась перед его мысленным взором, реальность потихоньку начала исчезать, заволакиваясь золотой пылью: «...станут белые стены белой пеной...». И тут посреди строки чья-то рука высунулась из потоков света, что есть силы вцепилась в Иллари и дернула. Иллари из седла не вылетел, но, естественно, накренился. Когда он восстановил равновесие, опасность миновала: шарик, нацеленный из самострела ему в висок, пролетел мимо.

– Очень мило! – обрадовался Иллари, быстро выбрал из своих запасов шарик поувесистей и метнул его в незадачливого бандита, даже не прибегнув к помощи самострела. Бандит выругался и упал. Его товарищи попытались выместить на Иллари его неудачу, но Иллари очень доходчиво объяснил им, что если бандиту так уж хотелось испытать свою меткость, следовало выбрать другую мишень. Приятная дискуссия оказалась недолгой – так, несколько подбитых глаз и выбитых зубов. Вскоре, обратив бандитов в бегство, Иллари уже натягивал свои расшитые мягкие перчатки, сброшенные перед объяснением. Он оглянулся в поисках своего коня, опасаясь немного, что пока он учил местную пьянь уму-разуму, коня увели – такое с ним уже случалось. Но беспокойство оказалось напрасным. Та же рука, что потянула его вниз, крепко держала повод. Теперь только Иллари разглядел своего спасителя. Мальчик? Юноша? Высокий, ломкий, слишком худой для взрослого, но слишком сообразительный для подростка. У взрослых не бывает таких тонких рук, таких легких движений. А у детей не бывает таких настороженных глаз. Бездонно-черные глаза – до того черные, что кажутся лиловыми. Черные длинные волосы – наверное, красивые, да поди разберись, до того они грязные, спутанные. Хрупкое тело и живописные

лохмотья сплошь в пыли, в грязи, в потеках и разводах. Но этот взгляд... Странный бродяжка. Впрочем, в белом городе кого только не встретишь! Бродяги, торговцы, шаманы, нищие, беглые рабы, безумные лиловоглазые джеты, остролицые горцы, наемники из Междуречья...

Странный бродяжка придержал серебряное стремя, и Иллари легко вскочил в седло. Он уже стиснул коленями бока лошади, но с места не двинулся. Странный Бродяжка держал правой рукой стремя, левой – повод, и смотрел на Иллари.

– Что тебе нужно? – спросил Иллари, с трудом подавляя раздражение. Единственное, за что нельзя требовать ни платы, ни благодарности – это спасение жизни. Любой житель Иматравы скорей умрет, чем помыслит даже о вознаграждении. Разве вот только шваль распоследняя... и то нет. Ну, значит, совсем распоследняя. Одно дело, когда тебя спас человек, знающий законы чести, и совсем другое – если ты обязан жизнью какому-то подонку. Неприятно вроде. Унизительно.

– Что тебе нужно? – резко повторил Иллари.

– Жить, – коротко ответил бродяга. Иллари смягчился. Это еще куда ни шло. Жизнь за жизнь – с любой точки зрения приемлемо.

– Пить. Есть. Одеваться, – пояснил бродяга. Да, подумал Иллари. Действительно. Впалые щеки, прозрачные пальцы. И эти лохмотья, и грязь. Странно, что парень не попрошайничает. Пожалуй, это все же интересно.

– Что ты умеешь? – спросил Иллари.

– Ничего, – ответил бродяга с подкупающим спокойствием. Иллари усмехнулся.

– Действительно интересно, – произнес он. – До сих пор у меня не было вассалов, не умеющих ничего. Во всяком случае, ни один не признавался.

Юноша улыбнулся и отступил на шаг. Закатное солнце брызнуло ему в лицо. Иллари ахнул.

До сих пор он думал, что глаза бродяги только кажутся лиловыми, а теперь увидел, что они и в самом деле лиловые. Очень темные, до черноты, но все-таки лиловые.

– Во имя трех праведных солнц! – выдохнул Иллари. – Джет?!

Бродяга чуть наклонил голову и опустил ресницы, затеняя глаза.

– Впервые в жизни, – тихо и медленно, словно не веря собственным словам, выговорил Иллари, – я вижу не сумасшедшего джета. Слушай, а может, ты все-таки... того, а?

– Понятия не имею, – искренне ответил джет.

– Значит, все в порядке, – убежденно заключил Иллари. – Был

бы безумен – сказал бы, что в своем уме. Нет, но это и правда интересно. Вассала из джетов у меня никогда не было. И ни у кого не было.

Юноша как-то сразу тоскливо съежился, обмяк.

– Я, пожалуй, пойду, – неохотно сказал он.

– Пстой! – Иллари успел поймать его за худое плечо и развернуть к себе.

– Ты, похоже, действительно «того.» Что случилось?

– Вы слишком храбрый человек, – ответил джет.

– А что, это плохо? – развеселился Иллари.

– Для вас – да. Если вы будете всем и каждому рассказывать, что вам служит джет, я за вашу жизнь и обрезка ногтя не дам. Вы очень добры ко мне, и я не хотел бы отплатить вам черной неблагодарностью. Так что я пойду.

Он не попытался вырваться, но ждал с прежним спокойным достоинством, пока Иллари ослабит хватку. Иллари недолго размышлял. От слов юного джета явно пахло придурью, если не хуже, но говорил он с такой детской серьезностью...

– Послушай, – Иллари притянул юношу к себе и попытался придать своему голосу такую же детскую серьезность, – а если я не скажу никому? Ну? если это будет наша с тобой тайна? Пойдешь со мной?

– Да, господин, – ответил джет без колебаний.

Когда джет, чистенько отмытый и одетый во все новое, предстал перед Иллари, дабы принести ему вассальную клятву, сказать, сколько же ему лет, стало еще затруднительней. Слишком уж взрослое достоинство появилось в его походке. Но взглянув на нежную кожу на висках джета, Иллари решил, что первое впечатление было правильным: пятнадцать, от силы шестнадцать.

Юный джет оказался очень и очень недурен собой. Тонкие черты лица пребывали в спокойной гармонии. Кожа отливала ровным, нежным золотом, как речной песок на рассвете. Великолепные черные волосы то отблескивали вороново-синим, то наполнялись медовыми рыжими вспышками. Из этих волос джет соорудил себе замечательную челку, затенявшую взгляд.

– Думаешь, это тебе поможет? – усмехнулся Иллари при виде челки.

– Думаю, да, – серьезно ответил джет. – Все будут смотреть на челку, а в глаза – никто. Люди редко так наблюдательны, как вы, господин. Обычно человек невнимателен к себе подобным. Большинство людей не помнит, какого цвета глаза у лучшего друга, и под страхом смерти не вспомнит.

– Вообще-то да, – признал Иллари, – но слуг это не касается. Слуги – народ любопытный.

– У меня есть испытанный способ отваживать любопытных, господин.

– И какой же? – заинтересовался Иллари.

– А я не жду, когда меня начнут расспрашивать, кто я и откуда. Я говорю о себе сам. Сразу. Очень много. Очень долго. Очень скучно. С очень нудными подробностями. Это быстро надоедает, и меня оставляют в покое.

– В этом что-то есть, – согласился Иллари. – Ладно. Можешь идти.

Выпроводив джета, Иллари призадумался. Так-таки ничего не умеет мальчик? Не сказал бы. Любопытных он умеет отваживать мастерски. Интересно, какими талантами он еще обладает?

Что джет умеет драться, выяснилось на завтра же. Иллари проснулся от дикого гвалта под окном своей спальни. Морщась спросонья, Иллари завернулся в простыню и выглянул в окно. Под окном каталось нечто. Из него во все стороны торчали руки и ноги, оно вопило и пыхтело. Ударившись о стену, нечто раскатилось на составляющие. Состояло оно из шестерых слуг и джета. Слуги подбадривали себя воплями. Джет дрался молча, чуть склонив голову набок. Двигался он необыкновенно быстро, не давая никому зайти себе за спину. Удары его худых рук были точны и, судя по всему, крайне результативны. На скуле джета красовалась единственная ссадина, зато шестеро слуг щеголяли синяками разнообразной формы и размера.

Интересно, долго они еще собираются выяснять отношения? Непохоже, чтобы хоть кто-то собирался перестать. Иллари некоторое время понаблюдал, потом натянул штаны и вышел в сад. Поначалу увлеченные дракой слуги не замечали ничего. Потом кто-то крикнул в панике: «Господин!». Слуги отскочили от джета подальше и принялись приводить себя в благообразный вид. Джет стоял у стены, не опуская кулаков, готовый продолжить в любую секунду.

– Что здесь происходит? – поинтересовался Иллари. Слуги чуть замялись.

– Да мрак его знает, господин! – поспешил ответить Лохар. – Ну, ни с того, ни с сего...

Иллари вопросительно взглянул на джета.

– Мой талисман, – коротко сказал джет. – Пусть отдаст.

– Да не брали мы, – заканючил Лохар, – вот ей-слово, господин, не брали. Да на что нам его паршивый талисман? – для вящей убедительности Лохар сплюнул себе под ноги. – Вот! Придурок он, помяните мое слово, господин. Нет у нас никакого

талисмана. Вы ж меня знаете.

Лохара Иллари действительно знал. Не тратя лишних слов, он протянул руку ладонью вверх. Ждать ему пришлось недолго. Лохар, бормоча разнообразные извинения и оправдания, полез куда-то в свои одежды и вытащил оттуда небольшую вещицу, надетую на тонкий шнурок.

При виде талисмана джет напрягся, словно струна – того и гляди, порвется с тихим звоном. Иллари не спеша рассматривал талисман. Он представлял собой плоскую веточку, очищенную от коры и отполированную до блеска – явно не инструментом, а кожей владельца. По розово-смуглой поверхности дерева клубились прожилки, застывая невиданным причудливым узором. Пустынная вещица на первый взгляд, а завораживает. Неудивительно, что Лохар польстился. Шнурок нежный, шелковистый, не поймешь, из чего сплетен, но трогать приятно. И талисман на ощупь будто пальцы ласкает. Иллари поднес его к лицу, чтоб разглядеть попристальней, и сразу ощутил исходящий от него еле уловимый тонкий запах. Острый? Сладкий? Пряный? Невозможно определить. Но вместе с запахом Иллари вдохнул удивительную свежесть и ясность. Разум его и чувства обострились необыкновенно. Упоительное ощущение. Новое. Странное. Иллари вдохнул еще раз и с сожалением оторвался от талисмана. Лицо джета закаменело от еле сдерживаемого желания: вырвать талисман, схватить, унести... Над верхней губой выступил пот, сами губы стянулись в острую линию.

– Держи, – Иллари небрежно подкинул талисман в воздухе и вложил его в судорожно сведенную ладонь джета. Померещился Иллари тихий вздох облегчения сквозь стиснутые губы? Или нет?

– Благодарю, господин, – лицо джета ощутимо расслабилось, на губах снова затрепетала легкая улыбка.

– За спасение жизни не благодарят, – напомнил Иллари.

– Знаю. Это не талисман жизни. Это... ну, словом, другое. Но мне без него и вправду лучше умереть.

Джет надел свой талисман и пригладил волосы.

– Так и береги его. А говорил «ничего не умеешь», – передразнил джета Иллари, глядя вслед поспешно ретировавшимся слугам.

– Да я бы знал, господин, что по-вашему это называется умением, – ответил джет все с той же подкупающей искренностью.

Умел он не только драться. Казалось, он умел решительно все. Обязанности его в доме не были еще определены, и тем не менее без дела он не сидел.

Не раз Иллари вместо ботвы выдергивал из грядки храпящего садовника, когда смуглая спина джета сгибалась над каким-

нибудь заморским растением. Садовник в свое оправдание только и мог пробормотать: «У него лучше выходит», – и то было сущей правдой. Колючие кусты не царапали джета, жгучие цветы не обжигали. Ни разу не оборвал он лиловый выюн, выпалывая сорняки – а их он прямо таки под землей чуял. Иллари уже не удивлялся тому, что в первый вечер их знакомства джет с такой легкостью удержал его коня. Даже самые дикие кони не лягали его. Охотничьи собаки ластились и виляли не то, что хвостами – всей задницей. Лохар, которому Иллари не поскупился на внушение, затаил на джета злобу и однажды на пари подговорил его зайти к сторожевым змеям. Туда даже смотритель заходил не иначе, как в сапогах по самую глотку, и, едва покормив скользких тварей, выскакивал из змеюшника, как ошпаренный. Завидев джета после его визита в змеюшник, смотритель не переводя духу полдня ругался самыми непотребными словами, и немудрено: одну из змей джет попросту забыл у себя на шее. Жуткое зрелище: мальчишка прибирает двор, а смертоносная тварь, разнежившись в тепле, потягивается, щекочет его хвостом под мышкой, засматривает в глаза, шипит что-то нежное на ухо. Смотритель орал, что если этот пакостник еще хоть раз подойдет к его вотчине, то ноги его, смотрителя, здесь не будет. Под конец он размяк и унизительно канючил, выпрашивая у сопляка его удивительный секрет. Джет шурился и неизменно отвечал с доброжелательной серьезностью: «Уймись, что ты? Какой еще секрет?»

После визита в обитель змей джет пожелал сменить сферу деятельности и пристроился на кухню. Оторваться от его стряпни было положительно не в силах человеческих, и Иллари изгнал его оттуда собственноручно под горестные стенания всей дворни.

– Да пойми ты, – втолковывал он огорченному джету, – что у меня, других дел нет, кроме как жевать день напролет?!

Заживлять раны и заговаривать боль джет тоже умел. Коснется больного места своими тонкими пальцами, прошепчет что-то – и все. Но боль уходила, кровь останавливалась, раны затягивались прямо на глазах. Когда любимую лошадь Иллари доставили после охоты с развороченным брюхом, джет присел рядом, вложил в чудовищную рану жемчужно отливающие внутренности, едва сдув с них пыль, и сдавил вместе края раны. Даже зашивать не стал. Но деньков через десять лошадь бодро ступала по двору, помахивая хвостом. И шрама не осталось. Как-то раз Иллари взял джета с собой к толстому Бахту. Джет его кошку паршивую только на руки взял да погладил разок-другой. Но к следующему визиту кошка была достойна изливаемых на нее похвал.

Вконец осатанев от невероятной умелости джета, который одинаково легко управлялся с любым инструментом, что плотницким, что музыкальным – так вот, обозленный Иллари предложил джету заглянуть в оружейную. Оружием Иллари всегда занимался сам, и ничья святотатственная нога не преступала порога оружейной. Иллари впервые впустил еще кого-то в комнату, где раньше бывал только он сам. Оглядев результаты джетова труда, Иллари пришел в восторг на грани буйного помешательства.

– Вздуть бы тебя, поганца, чтоб ни сесть, ни встать, – посмеивался Иллари.

– За что, господин? – джет откидывал длинную челку и глядел на Иллари своими лиловыми глазищами.

– Преданный вассал своему господину не лжет, – наставительно вещал Иллари. – А ты меня обманул. «Ничего не умею.» Как же! С голоду он помирает. Да ты с такими руками и дня бы голодным не остался.

– Мне ваши места внове, – каждый раз спокойно и искренне отвечал джет. – Я и не знал, что у вас такая малость считается уменьем. Да и не много бы мне это помогло. Мне ведь не всякий господин годится.

– Знаешь, что погубило два неправедных солнца? – неизменно спрашивал Иллари.

– Гордыня. Да не то это, господин. Не в гордыне дело.

– А в чем?

– Расскажу как-нибудь.

– Вот я и говорю: всыпать тебе, как следует, – заключал Иллари.

Подобные разговоры продолжались до тех пор, пока Иллари не выяснил, чего юный джет действительно не умеет. Джет не умел слагать стихов. Напрочь. «Я слишком люблю стихи, чтобы писать их самому», – отшучивался он. Зато ценителем и советчиком джет оказался замечательным, тонко чувствовал малейшую слабость, и Иллари не одну ночь засиживался с ним до рассвета, обсуждая ту или иную строку.

Настоятельное желание как следует подраспросить джета о нем самом за всеми этими приятными занятиями куда-то уплыло, исчезло. Вспоминал о нем Иллари крайне редко, а вспомнив, тотчас забывал. Для Иллари подобное поведение было более чем странным. А страннее всего было то, что странным оно ему отнюдь не казалось.

Невзирая на долгие ночные посиделки, просыпался Иллари не только рано, но и легко. Он даже окна в спальне не

занавешивал, чтобы проснуться с первыми лучами солнца. И несколько минут после пробуждения он находил жизнь вполне прекрасной. Потом в его комнату заходил Лохар, чтоб одеть господина, и существование начинало казаться Иллари бессмысленно тяжким бременем. Но Лохара приходилось терпеть: не он, так другой. Все-таки лучше знать, кто именно из твоих слуг доносит на тебя. Но почему при этом обязательно каждый день видеть доносчика?

Настроение у Иллари еще недавно было безоблачным, как небо за окном. Эх, сложились все иначе, он и дня не потерпел Лохара в своем доме. Каждый раз, глядя в его плутоватые веселые глаза, Иллари только с большим трудом подавлял напряжение гнева. Больше всего на свете в такие минуты ему хотелось стереть нагловатую ухмылочку с губ Лохара, причем раз и навсегда. Кулаки Иллари так и чесались для ответного действия. К сожалению, он не мог позволить себе такую роскошь. Приходилось прибегать к совсем иным мерам.

– Туже затяни, – недовольно цедил Иллари, – туже, кому сказано!

Лохар сопел, пыхтел и потел, но туже не получалось. Иллари незаметно напрягал мышцы, и в результате нога болталась в сапоге, как цветок в вазе.

– Извольте сесть поудобнее, господин, – пропыхтел снизу вверх Лохар, орудуя над шнуровкой.

– Ты, кажется, что-то хотел сказать? – холодно осведомился Иллари, любуясь своим перстнем. – Или мне показалось?

– Хотел! Хотел, господин! Давно хотел! – с жаром выпалил Лохар.

Руки его разжались, и нога Иллари в недошнурованном сапоге стукнула об пол. Иллари мягко ткнул Лохара носком сапога в плечо.

– Ну, говори, раз делать ничего не умеешь. А когда наговоришься, пришли ко мне... – Иллари сделал паузу, будто раздумывал.

– Знаю, господин. Знаю, кого прислать. Змееныш, дрянь! С тех пор, как он в доме появился, все пошло кувырком.

– Не замечал, – возразил Иллари.

– Раньше по-другому было, господин. А теперь и то вам не этак, и это не так.

– Н-да, – рассеянно заметил Иллари, – раньше ты меня раздражал значительно меньше.

Лохар вскочил. Его хитроватая физиономия покраснела от злости.

– Это все он, сопляк, чтоб ему на собственной свадьбе

насмерть поперхнуться! И чем приворожил? Одумайтесь, господин! Вот вы его в дом привели, а вы ж его совсем не знаете. И ничего о нем не знаете.

– Я ценю твою заботу, – усмехнулся Иллари. – Поди, приведи его. А сам... будешь теперь охранять его комнату. Денно и ночью. Чтоб ты мог впредь не беспокоиться, что он ночью оттуда выйдет и перережет мне глотку.

Отпустив разъяренного Лохара, Иллари призадумался. Доля правды в его словах была. Парнишка его действительно приворожил. И Иллари о нем действительно ничего не знает. А в том, что знает, концы с концами не сходятся. И на любой вопрос у мальчишки находятся нужные отговорки. Иллари не особо раздумывал, взяв в свой дом экзотическую игрушку, какой нет ни у кого – разумного джета. Но Лохар прав: он ничего не знает о своей игрушке. И что самое странное: ведь не раз и не два хотел разузнать, расспросить, однако не расспросил же. То отшучивался парень, то у самого Иллари дела какие-то срочные, а то и вовсе забыл. Словно мешает что-то.

– Ладно же, – улыбнулся Иллари своим мыслям, – вот вечером вернусь с дуэли, подраспрошу.

Но вечером Иллари не спрашивал никого и ни о чем. Он не пришел с дуэли, его принесли. Иллари не помнил, кто и как его принес. Дорога домой оставила в его памяти лишь смутное удивление. Он изумлялся, что его вообще смогли поднять: ведь во всем его теле – тяжеленные камни, и их острые края врезаются в тело при каждом вдохе, и каждый камень весит не меньше самого Иллари. Человеческими руками такого не поднять. Значит, несут его не люди. Иллари очень хотел бы посмотреть, кто же его несет, но открыть глаза было слишком больно. Уже неподалеку от дома Иллари все же приподнял веки, но увидеть не успел ничего.

Сознание возвращалось медленно. Иллари не мог бы сказать, как долго бред перемешивался с реальностью. Да и что было реальностью, а что – бредом?

Очнулся Иллари утром неизвестно какого дня. Его щеки касался шелковистый ворс изголовья. В воздухе стоял чуть уловимый запах цветов, несомненный, но очень слабый, словно цветы недавно вынесли из комнаты. И еще пахло чем-то терпко-сладким, но уж никак не лекарствами. В прошлые четыре раза, когда Иллари возвращался домой с посторонней помощью, запах лекарств преследовал его неотступно еще с месяц после выздоровления.

Судя по положению светлого пятна на полу, солнце за окном стояло уже высоко и жарило вовсю, но свет его, проходя сквозь полупрозрачные занавеси, становился жемчужно-призрачным,

ласково прохладным.

– Совсем неплохо, – подумал Иллари. – Зря я раньше не занавешивал окна. Вполне приятное пробуждение. И, что главное, никакого Лохара.

Он все еще боялся пошевелиться. Слишком тяжела его рана, и если боль на время оставила его в покое, это ничего не значит. Стоит ему двинуться, и жгучие кремнистые острия снова вопьются в его тело. Лучше лежать спокойно и наслаждаться пробуждением. Сзади слышались шаги. Иллари не стал оборачиваться. Ну, вот и кончилось все удовольствие.

– Ложитесь на живот, господин, – рука джета коснулась его плеча, Иллари зажмурился, ожидая боли, но ничего страшного не произошло. Каким-то непостижимым образом Иллари оказался на животе, и притом в сознании. Не успел он разжать стиснутые зубы, благо боль оказалась вполне терпимой, как прохладные пальцы джета снова коснулись его тела.

Иллари вздохнул с облегчением. Боль и раньше воспринималась им, как тяжелые острые камни. Но сейчас с ними творилось нечто странное. Каменная тяжесть еще давила в левом боку – но и только. Острые края словно сгладились нежными струями воды. Иллари почти воочию видел эти камни сквозь прозрачную воду, сквозь изменчивые солнечные блики. Прохладная вода текла в тело Иллари из струящихся пальцев джета. Он массировал осторожно, то пальцами, то ладонью.

– Хорошо-о, – убежденно простонал Иллари, полусмежив веки.

– Да где там хорошо, – тихо, но так же убежденно возразил джет. – Три дня потеряли лишних. Мне бы сразу догадаться...

– О чем? – лениво поинтересовался Иллари, любуясь сквозь скрещенные ресницы пляской пылинок в солнечном луче.

– Чем отравили лезвие. Ну, теперь-то все будет просто, – беспечно ответил джет, продолжая источать кончиками пальцев целительную прохладу.

– Чем... что ты сказал? – Иллари не мог выскочить от изумления из постели, зато глаза его честь-честью чуть не выскочили из орбит.

– Чем отравили лезвие, – повторил джет.

– Ты уж тогда заодно догадайся, зачем, – посоветовал Иллари. – Нож, которым этот мерзавец меня достал, сам по себе штука серьезная и необычная. Вон развал раны какой...

– Лучше я догадаюсь, – парировал джет, – как это вас, господин, угораздило выйти на двуручный бой с одним клинком.

– Можно подумать, я знал, – пробурчал Иллари. – Уговаривались драться на прямых мечах, без левой руки. Равным

оружием ему против меня на равных. А что ему в голову придет в левую руку нож прихватить, я и представить себе не мог. За что и поплатился.

– Странно, – чуть слышно пробормотал джет.

– Еще бы не странно! – боль отпустила, отпустила Иллари насовсем, на волю, и он недоверчиво блаженствовал.

– Слушай, а может, он думал, что уж яд-то возьмет меня наверняка? Не иначе. Он ведь дуэльный кодекс нарушил. Раз я выжил – ему конец. Теперь, когда об этом узнают...

– Странно, господин, что кто-то так сильно хочет вас убить. Притащил неоговоренное в условиях оружие, да еще отравил для верности, да еще таким ядом, который здесь и не водится...

Джет говорил так, словно ему-то ничего не казалось странным – напротив, ему все было очень понятно и очень противно.

– И где же такие яды водятся? – поинтересовался Иллари, забавляясь тоном джета.

– В Джетевене, – сумрачно ответил джет.

– Интересное, я погляжу, местечко ваш Джетевен, – ухмыльнулся Иллари. – Чего там только нет.

Голова джета слегка запрокинулась, медленно и мучительно.

– Интересное, – так же медленно произнес он. – Даже очень.

Говорил он спокойно, равнодушно, но никогда раньше ни в одном человеческом взгляде Иллари не видел такой тоски.

– Тебе здесь не нравится? – спросил он напрямик.

– Мне здесь невыносимо, – тихо ответил джет, отчетливо и мерно, как шум дождя. – Нам всем. Джет может жить только в Джетевене.

Иллари не оскорбился слову «невыносимо». Он молчал и ждал.

– Невыносимо, – повторил джет. – А как бы вам, господин, понравилось жить в больнице? Когда все кругом глухие, немые, слепые, безрукие, безногие? И к тому же безумные.

И вновь Иллари не оскорбился. Снова джета наполняло отчаянье – такое огромное и безысходное, что один человек просто не может его вынести. Да и если вспомнить о невероятной умелости джета... не один же он такой у себя в Джетевене! Похоже, кое-какой смысл в его словах есть.

– Все до одного? – тихо спросил Иллари.

– В основном, – ответил джет твердо.

– А вот я, например? – настаивал Иллари.

– Вы всего лишь полоумный, господин. Глуховатый, подслеповатый, хромой, косорукий и полоумный.

– Наглец! – расхохотался Иллари.

– Бывает хуже, господин, – возразил джет. – С вами хотя бы можно говорить. С другими и того нельзя. Я же с самого начала сказал: мне не всякий господин годится.

– Премного польщен, – поблагодарил Иллари и, к своему немалому удивлению, сел. – Вот уж что верно, то верно. Любой другой тебя бы за такие слова прибил к воротам за пятки вверх ногами. А я тебе верю. После того, как сам испытал твоё искусство. Это у вас в Джетевене так лечат?

Джет кивнул.

– Примерно, – коротко ответил он.

– Н-да, – посочувствовал Иллари. – Трудно тебе с нами, дураками.

Джет через силу улыбнулся.

– Ничего, я привык, – ответил он.

– Чем бы мне тебя порадовать в таком горе? – вслух размышлял Иллари полунасмешливо-полувсерьёз. – А, знаю! Повышу-ка я тебя в вассальном ранге.

– Это как? – не понял джет.

– Теперь можешь называть меня на «ты». Ну, и ещё кое-какие мелочи. Устраивает?

– Ещё бы, – улыбнулся джет уже менее принужденно.

И вновь Иллари забыл, что собирался расспросить джета. И забыл спросить, что же он такое понял в его дуэли, чем и зачем отравили клинок, и почему джет, в глаза не видевший его противника, знает о дуэли больше его самого. И даже то, что джет в невольном порыве откровенности высказал, отчего-то не вызвало у Иллари особого интереса. Подобное равнодушие для Иллари было более чем странным, но тогда ему так не казалось. Дни снова потекли идиллически безмятежно: вино, стихи, дуэли, встречи с друзьями. Словом, все как всегда.

Идиллия продолжалась до того самого вечера, когда Иллари решил полюбоваться своей новой загородной резиденцией. Не такой уж, строго говоря, и новой. Месяц назад он решил сыграть в хайту и, к своему огромному удивлению, выиграл. Уходить из-за стола не захотелось – да и кто уйдет, выиграв впервые в жизни? Иллари остался, партнер удвоил ставку, затем утроил. Через полчаса обнаглевший Иллари предложил партнеру сыграть на меч и самострел, ибо иначе тому оставалось или встать из-за стола, или снять штаны. Играть на оружие партнер отказался, потребовал бумагу и положил на кон передаточную запись на небольшое именье. Чернила еще не просохли, когда Иллари взял бумагу со стола.

– И как это я так? – недоумевал потом Иллари, разглядывая

выигрыш.

– Наивный ты человек, господин, – смеялся джет. – Даже странно.

– А что тут странного? – поинтересовался Иллари, вытягивая ноги.

– Как это – что? – джет, присев на карточки, расшнуровывал его сапоги. – Он ведь профессионал, верно?

– Пожалуй, – лениво согласился Иллари.

– Профессионал, – уверенно возразил джет. – В хайту играют только профессионалы да лопухи вроде тебя, господин, которые ждут – не дождутся, чтоб их облапошили.

– Ну и что? Тем более странно.

– Он же тебя узнал, господин. Неужели не помнишь? Третьего дня, в том переулочке. Ты его тогда славно отделал.

– Если я буду помнить всех, кому я набил морду, – проворчал Иллари, – ни на что другое моей памяти не хватит. Голова лопнет. Я помню только тех, кто набил морду мне. Кстати, не хочешь попробовать?

– Если честно – нет, господин.

– Зря отказываешься, – недовольно поморщился Иллари. – Я, конечно, тяжелее, но твое положение совсем не безнадежно.

– В другой раз, господин. Хорошо? – джет откинул челку и серьезно посмотрел на Иллари. – Я бы очень не хотел. Если бы не этот поганец Лохар, ты бы и знать не знал, как я дерусь.

– Много воли взял, паршивец, – уступил Иллари. – Плащ приberi. Кстати, о Лохаре. Что это за талисман такой?

Джет снова посмотрел на Иллари.

– Это мой разум, господин, – тихо сказал он. – Без него я через неделю стану таким же, как все здешние джеты.

Иллари опешил. Талисман – единственное, о чем он продолжал спрашивать джета, но ответ получил впервые. И главное, Иллари понимал, что джет сказал правду. Он доверил свою самую страшную тайну. Почему-то для джета было очень важно, дозволит ли ему Иллари уклониться от драки. Вон как парнишка расслабился, поняв, что драки не будет. И в обмен на уступку господина уступил и он.

– Ладно, – ухмыльнулся Иллари, – считай, что я этого не слышал.

Передаточная запись была забыта. Лишь месяц спустя, разбирая старые бумаги, джет наткнулся на нее и показал Иллари. Много лет спустя Иллари гадал, как бы развернулись события, не выйди они в тот вечер из дома.

Вечер мягко и незаметно превращался в ночь, чистую и черно-прозрачную, как осенняя вода. Иллари ехал, не торопясь,

но слуги, зная его привычку к одиночеству, ехали еще медленнее. Они отстали шагов на двадцать, и Иллари мог их не замечать, наслаждаясь красотой прозрачных облаков, неспособных полностью скрыть луну, их почти незаметным розовым оттенком. Ночь начинала мерцать.

И внезапно тишина за спиной взорвалась грохотом и воплем. Иллари обернулся. Шесть черных силуэтов в тени дома склонились над чем-то. Не разберешь даже, над чем, очень уж темно. Над чем? Или над кем? Шесть черных фигур. Шесть. Значит, это седьмой распростерт на земле. Шесть. Даже ослики слуг сбежали. Во всяком случае, их не видно. Шесть. Праведные солнца, до чего темно! Кривоногий – это Лохар. Высокий, с квадратными плечами, это Ахарео. А на коленях стоит, конечно же, Лиу. Его тушу ни с чем не спутаешь. Седьмой. Седьмой!

Иллари, наконец, уяснил, кого он не видит среди шести неврежденных. Не хватало одного тела, тонкого и гибкого.

Иллари стремглав ринулся к слугам, даже не заметив, что соскакивая с коня, оборвал стремя. Оно тонко зазвенело на камнях, выблеснуло и спряталось в темноте.

– Ну, как? – выдохнул Иллари, растолкав слуг. Проклятая челка, она затеняет глаза, не поймешь даже, открыты или нет. Да где там! Лицо такое бледное. Убили мерзавцы.

– Ну, как? – безнадежно повторил Иллари.

– Насмерть, – ответил джет, правой рукой протягивая Иллари обломки кирпича.

– С-скотина, – прошипел Иллари.

Левой рукой джет поддерживал голову, словно боялся, что она отвалится.

– Ну и шишка будет, – простонал он, ощупывая голову.

– Вставай, – потянул его за одежду Лохар.

– Лежи! – приказал Иллари и нагнулся к джету. – Голова кружится?

Вместо ответа джет схватил Иллари за руку, вцепился изо всех сил и вскочил, опираясь на его плечо.

– Ты с ума сошел? – взбеленился Иллари. Ему пришлось поддержать джета: мальчишка едва не грянулся оземь.

– Кому велено, лежать!

– Все в порядке, господин, – бескровные губы джета раздвинулись в страшной тихой улыбке. – Я могу идти. Уйдем отсюда, только скорее.

– Идти? Сейчас ты можешь отправиться разве что на тот свет, – Иллари ощущал непонятную тревогу, исходящую от джета, и по мере сил пытался ей противостоять.

– Тогда уходи сам, господин! – джет оттолкнул Иллари и

привалился к стене.

– Что? – Иллари остолбенел.

– Убирайся! – джет выхватил нож. Руки его дрожали от слабости, лезвие так и плясало. – Убирайся! – простонал он. – Да уходи же. Здесь опасно. Лучше я тебя сам убью, чем это... эти... Во имя праведных солнц, уходи – или убью!

Иллари молча схватил джета за руку и сильно сдавил запястье. Пальцы джета обмякли. Иллари вынул из них нож, метнул его в темноту, взвалил джета на плечо и зашагал быстрым, машистым шагом.

– Чего рты разинули, паршивцы? – бросил он оторопевшим слугам.

– Коня ведите.

Лиу подвел коня, и Иллари взгромоздил джета в седло.

– Держаться можешь? – спросил он.

– Не бойся, господин – ответил джет куда более твердым голосом, чем Иллари ожидал. – Это скоро пройдет. Только поедem отсюда.

Иллари шел, заложив руки за спину. Слуги плелись следом. Иллари злился на себя, на джета, на весь мир. Ладно же. Пусть только сопляк поправится, уж он его возьмет в оборот. Он из него всю душу вытряхнет. Тайны, видите ли. Слыханное ли дело – собственному вассалу столько позволить? Тайны. Секреты. Кирпичи перелетные.

– Живой? – злобно осведомился Иллари, не оборачиваясь.

– Вполне, – отозвался джет совершенно нормальным голосом.

– Можно, я отсюда слезу? Неудобно с одним стремяем...

– Что? Ах, проклятье! – ругнулся Иллари. – Эй, Лохар! Или нет. Знаю я тебя. Ахарео! Иди туда, где я спрыгнул. Где-то оно там валяется... Стой, болван! Факел возьми.

Ахарео удалился. Иллари невольно взглянул ему вслед. Свет факела в ночной тьме словно залил мощное тело Ахарео расплавленной медью. Да, вид у него соответствующий. Хотя чего стоят его мускулы в темноте, откуда летят кирпичи? Иллари хотел было окликнуть его, но передумал.

– Ничего, господин, – эхом отозвался на его мысли джет. – Его не тронут. Там в опасности были только ты да я. Больше никто.

– О все солнца, праведные и неправедные, – вздохнул Иллари, – как ты мне надоел. Что мне с тобой делать? Вроде драть тебя сейчас жалко. Может, в ранге понижишь?

– Воля ваша, господин, – кротко согласился джет.

– Не «ваша», а «твоя». Будешь обращаться несоответственно вассальному рангу, уши надеру.

– Но ведь ты сам сказал, господин, – возразил джет, слезая с лошади.

– Сказал, сказал, – обреченно вздохнул Иллари. – Знаешь ведь, что не понижу. Идти можешь?

– Да со мной все в порядке, – джет уже улыбался. – Хорошо еще, что мы просто гуляли.

Трудно винить Иллари, что он не сразу понял. Выйди он не на приятную прогулку для обозрения выигранного в хайту, а с официальным визитом, длинные волосы джета скрепила бы ритуальная булавка в виде отточенного кинжала. Тут уж ничто бы не помогло – кирпич попросту вбил бы острие булавки джету в затылок.

– Считай, что тебе повезло, – Иллари рассмеялся. – Правда, я не скажу, чтоб ты дешево отделался.

Он стиснул плечо джета.

– Как только будешь совсем здоров, – негромко и медленно произнес Иллари, – мы с тобой поговорим. О секретах и кирпичках. На этот раз не отвертись. Понял?

– Тогда уж лучше бы мы сегодня шли с визитом, – так же тихо и медленно сказал джет.

Иллари чувствовал, что для джета сохранение тайны жизненно важно. До сих пор он всегда уступал, покоряясь молящей серьезности в глазах джета, либо вовсе забывал. Но теперь уж нет. Теперь хватит. Решено.

Однако джет не то болел, не то симулировал деньков десять, а к их исходу Иллари стало не до джетовых тайн. У него завелась собственная.

Возникновение у Иллари тайны ознаменовалось целым рядом событий. В один прекрасный день Иллари спозаранку отправился в императорский дворец, куда последнее время предпочитал не показываться. Вернулся он из дворца только под вечер, мрачный, как чумное поветрие, заперся у себя и двое суток упорно не желал никого видеть. В течение первых суток джет все еще боязливо отлеживался, на вторые решил выздороветь.

Иллари не обратил на его выздоровление никакого внимания. На третьи сутки с утра Иллари вышел из дома в прежнем гневном расположении духа и вернулся поздним вечером распянным-пьяный. Слуги были потрясены до потери дара речи. Выпить Иллари мог очень много, а опьянеть хоть самую малость ему удавалось с трудом. Слуги не раз подумывали, сколько нужно, чтоб действительно напоить господина допьяна, и сходились на том, что столько выпивки просто не бывает – ну, если не на свете, то уж в столице точно. И вот во нарушение всех законов природы

Иллари предстал пред их очами мрачно и тяжело пьяный.

– Водки! – проревел он зычно и страшно.

Дворецкий притащил небольшую оплетенную бутыл. Иллари вышиб из нее пробку ударом по дну, наклонил и принялся с интересом наблюдать, как водка течет по его сапогам.

– Мошенник, – пьяно укорил он дворецкого, – сам половину вылакал.

Засим Иллари оторвал перо от шляпы и пустил его в водочную лужу.

– Пусть плывет, – сообщил Иллари и топнул по луже, производя маленький шторм.

– Не ожидал от тебя, господин, – заметил доселе молчавший джет. – Надо же так надраться.

– За... ик... молчи! – обрушился на него Иллари – сначала в переносном смысле, а затем и в прямом. – Что... ты... понимаешь?

– Ничего, – спокойно сообщил джет, усаживая Иллари прямо на пол. Набездобразить в таком положении было трудно, но Иллари ухитрился дотянуться до камина и бросить вынутый из него уголек прямехонько в водочную лужу. Особенных попыток сделать еще что-нибудь интересное Иллари не совершил, предпочтя мирно сидеть в углу и любоваться результатом.

– Вот – видишь? В-вот так и душа моя пылает, – пропыхтел Иллари. – А все из-за кого? Из-за придурка этого красноногого.

Может, Иллари и икнул, но слуги от испуга икнули гораздо громче. Конечно, ни цвет императорского носа, ни монаршие интеллектуальные способности не были государственной тайной, но упоминать о них считалось предосудительным. Слуги ринулись подымать Иллари – кто за челюсть, кто откровенно зажимал ему рот. Иллари успешно отбил атаку, пошатался немного из стороны в сторону и плюхнулся на прежнее место.

– И ведь что делает, тварь такая? – горестно возгласил Иллари и запел государственный гимн, упорно заменяя слово «венценосный» на «венценосый», отчего весь текст приобрел несколько двусмысленное звучание.

– Нет, вот если бы я штаны о трон протирал, – заявил Иллари после замены «венценосного» на «веслоногого», – я бы так не сделал. Душа горит!

– Уже нет, – флегматично заметил джет, глядя на пятно, оставшееся от сгоревшей лужи.

– Горит, – убежденно возразил Иллари. – Чтоб ему нос на корону намотало!

Слуги все обратились в бегство. Все, кроме Лохара. Лохар обратился в слух.

– Это можно, – вздохнул джет. – Но надираться по этому поводу не стоит.

– Тебе не понять, – возразил Иллари. – А, да что с тобой рассуждать. Много ты понимаешь в верности?

– Да, в общем-то, ничего, – холодно и зло согласился джет.

– Так и пшел вон, – пьяным фальцетом велел Иллари и неожиданно добавил страшным жалобным басом. – Хочу баиньки!

Джет и Лохар кликнули остальных слуг, ибо им двоим было не под силу перетащить Иллари в спальню. Господин, невзирая на ясно выраженное желание баиньки, сам идти в кровать не хотел и транспортировке не поддавался. С неимоверным трудом слуги подавили сопротивление Иллари и отнесли его в спальню. Этим их хлопоты отнюдь не завершились, ибо Иллари упорно не желал утомиться. Особенно долго и настырно приставал он к Лохару, требуя, чтобы тот спел ему колыбельную. Слуги в благоговейном ужасе слушали, как Лохар выводит такие рулады, после которых если что и приснится, так только кошмары. Наконец Иллари залез под одеяло и захрапел.

Спустя примерно час Иллари откинул одеяло, встал, бесшумно оделся и осторожно приоткрыл дверь. Никого. Надо думать, Лохар уже на пути в императорский дворец. Остальные слуги с чистой совестью отсыпаются после недавнего представления.

Иллари шел на цыпочках, настороженно прислушиваясь к малейшему шороху. Из-за дверей доносился храп. Точно, все спят. Иллари на всякий случай постоял перед дверью в комнату Лохара, потом распахнул ее. Пусто. И перед дверью в комнату джета этого поганца тоже нет. Вот и славно.

Войдя в комнату джета, Иллари тихо закрыл за собой дверь, подошел к джету и осторожно тронул его за плечо. Джет мгновенно открыл глаза, откинул одеяло и сел. Он был полностью одет.

– Ты так и спал одетый? – восхитился Иллари.

– Я не спал, – покачал головой джет.

– А вот это зря, – упрекнул его Иллари. – Перед дорогой лучше выспаться.

– Боялся проспать.

– А как ты догадался? – спросил Иллари.

– Может, я ничего и не понимаю в верности, – ехидно заметил джет, – но я еще не спятил. Ты, господин, конечно, из породы любителей искать оплеухи на свою голову, но даже ты не настолько спятил, чтобы вляпаться в государственную измену.

– Даже в пьяном виде? – усмехнулся Иллари.

– Тем более в пьяном виде, – возразил джет. – Значит, тебе

это зачем-то нужно. Зачем? Ну, после такого представления человек обычно дает тягу, едва проспится, и это никого не удивляет. Вот я и подумал, что тебе срочно нужно дать тягу, господин, да так, чтоб никто не докопался до причины ухода. И ты решил создать причину.

– Bravo! – одобрительно хмыкнул Иллари. – До чего ты еще додумался?

– Я подумал, что могу понадобится тебе, и на всякий случай стал ждать.

– Ты был прав, – кивнул Иллари. – Помощник на все руки вроде тебя мне очень даже пригодится.

Джет быстро натянул сапоги.

– Куда идем? – спросил он.

– В Вейдо, – Иллари колебался мгновение, но потом решил не темнить: какой смысл скрывать от парня конечный пункт путешествия.

– Куда? – растерянно переспросил джет.

– В Вейдо, – нетерпеливо повторил Иллари.

– Нет, – прошептал джет, – нет...

– Что – нет? Что ты такое бормочешь?

– Господин, я за тебя жизнь отдам. Вот хоть сейчас. Но Вейдо... ты сам не знаешь, чего требуешь.

Лицо мальчишки казалось маской, до того его преобразил страх.

– Эй! Что ты боишься? – Иллари впервые видел джета испуганным по-настоящему. Даже в переулке с перелетными кирпичами джет не выказывал такого откровенного испуга.

Джет покачал головой.

– Не могу... не должен... господин! – он с силой уцепился за руку Иллари. – Не ходи в Вейдо! Это хуже смерти.

– Возможно, – холодно ответил Иллари, – но мне нужно как раз в Вейдо. И я тебя в последний раз спрашиваю: пойдешь со мной или нет?

Казалось, не только лицо джета, но и его глаза стали пепельно-серыми. Он попытался что-то сказать и не мог. Иллари пристально взглянул на него, помолчал, чувствуя, как в нем закипает ярость, бешено повернулся на каблуках и вышел. Ему послышался за спиной умоляющий не то вздох, не то стон, но он не остановился и уж тем более не вернулся.

В конюшню он вошел тихо, стараясь не разбудить спящих конюхов, и это ему удалось. Паршивцы ленивые, дармоеды! Вот будь джет на их месте... тут Иллари подавил очередной приступ гнева, на сей раз на трусливого сопляка, и занялся делом. Он оседлал коня в полной темноте, как когда-то в ранней юности,

когда он ухлестывал за девицей старше себя и ездил к ней тайком от отца. Отец-то, правда, все равно знал. Попадись Иллари хоть раз, и ему бы всыпали по первое число, но он не попался с поличным, отчего и избежал взбучки: отец любил, когда человек делает свое дело хорошо, и ждал от собственного сына, как минимум, того же. Иллари хорошо умел не попадаться, и отец поощрял в нем и эту способность, и прочие. Отец... наверное, ему бы очень понравился джет.

Иллари яростно зашипел. Хватит! Хватит лить слезы по сопляку, оказавшемуся трусом и ненадежным вассалом. Пора отправляться в путь, пока император не закрыл все ворота для поимки государственного преступника Иллари. При мысли об императоре губы Иллари сложились в ненавидящую усмешку.

Коня он вывел тихо, почти бесшумно. Конюхи так и не проснулись. Едва выехав на улицу, он пустил коня рысью. Подорожную он предъявил у ворот почти на полном скаку, а за воротами заставил коня перейти на галоп. Так его побег будет выглядеть правдоподобнее. И потом, он на самом деле спешил.

Он гнал коня, и скачка постепенно успокаивала его мысли. Он мог уже не думать о джете. Надо же, каким трусливым мальчишкой оказался на поверку этот непревзойденный мастер. Иллари стыдился того, что такой трус спас ему жизнь и почти сожалел, что сам не убил его. Никто не должен знать, что он направляется в Вейдо. Во всяком случае, официально. А такой трус... хотя нет. Конечно, он испугается допроса. Настолько испугается, что поспешит исчезнуть молниеносно. Ну, и все. И хватит о нем. Пусть живет. Лучше забыть... забыть руку, протянувшуюся из золотистого тумана строк... забыть пальцы, источающие целительную прохладу в воспаленную рану... все забыть. И вечера с вином и стихами – тоже. И о стихах забыть. И вообще обо всем. Думать только о том, что ему предстоит совершить в Вейдо. Что ему так немыслимо трудно будет сделать одному. Без джета...

К утру Иллари действительно выкинул труса и предателя джета из головы. Забыл он на время и о том, что ожидало его в Вейдо. Мысли его приняли более практическое направление: он начал думать, как ему до этого самого Вейдо добраться. Конечно, карта у него дома была, и дорогу по карте он выучил наизусть, отлично зная, что взять карту с собой не сможет: неровен час, поймают его с картой в кармане. В его положении худшего и представить себе невозможно. Но мощная память Иллари и не нуждалась в карте: стоило ему захотеть, и он видел изображение перед собой, со всеми шероховатостями и потертостями на

сгибах. Нет, отсутствие карты Иллари не волновало. Беспокоило его другое: прокладываешь путь по карте, но идти-то приходится по местности. Откровенно говоря, с передвижением по местности Иллари был знаком скорее теоретически.

Ни один сколько-нибудь опытный придворный не уедет из города в провинцию ни на день. Там он не может контролировать возникновение и распространение слухов, и вернувшись, рискует поспеть как раз к оглашению эдикта о собственной казни. Иллари никогда не усердствовал особо в посещении императорского дворца, но города не покидал. Пару раз это безвыездное пребывание в городских стенах спасло ему жизнь, позволив вовремя обнаружить интригу, но теперь грозило обернуться большой бедой.

Путешественником Иллари был попросту аховым. Особенно если учесть, что большую часть пути ему предстоит проделать пешком. Конь донес бы его до Вейдо куда быстрее, чем его непривычные к долгим переходам ноги, да вот беда: слишком приметен его конь, как и все скакуны с его конюшен. Затеряться в толпе, сидя верхом на таком животном, немислимо. Слухи о нем наведут на него преследователей так же верно, как если бы он навесил себе на грудь табличку с именем. А в том, что преследовать его будут, Иллари ни на мгновение не сомневался. Уж слишком хорошо он знал его вислоносое величество. Нет, ехать верхом нельзя. Нельзя также продать коня или подарить: коня быстро найдут и поймут, какой дорогой он пошел. Нет, коня можно только отпустить. Самое большее, на расстоянии суток езды от дома, чтобы конь мог вернуться. Иллари понимал это, но медлил, сколько мог, оттягивая окончательное прощание. Он подрезал стремяна и потер ножом кое-где ремни. Вряд ли кто поверит, что он упал с коня и разбился, но вдруг найдется такой идиот? Но больше медлить было нельзя.

– Домой, – приказал Иллари коню, чувствуя, что у него срывается голос.

Конь потоптался возле него, шумно фыркнул и задышал ему в ухо.

– Домой! – сдавленно повторил Иллари. Конь повернулся и пустился вскачь по собственным следам. Иллари взвалил дорожную сумку на плечи и отправился в путь. Идти с непривычки оказалось тяжелее, чем он думал. День выдался солнечный, безветренный, и к полудню Иллари окончательно промок от пота. Наконец он догадался снять плащ, но легче от этого не стало: просто удивительно, насколько мешает идти вещь, взятая в руки. К тому же ремни были подтянуты неправильно, и дорожная сумка изрядно отколотила своего владельца. О ногах и

говорить не приходится: до сих пор Иллари передвигался пешком только в помещении. Он изо всех сил старался посмеяться над собой, сознавая, как нелепо он выглядит, и начинал жалеть, что отпустил коня: его дурацкий вид делает его не менее приметным, только на другой лад. И что обидно – без всякой пользы. От коня хоть бы польза была. Потом Иллари мысленно ругнул себя за малодушие. Говорят же: нужда научит. Если не поймают в самом начале путешествия, к концу его он будет странником хоть куда. Он старался не думать, как бы ему пригодился сейчас умелый и опытный джет. На сей раз старания не думать о джете увенчались успехом: когда у тебя в кровь стерты ноги, трудно думать о чем-либо другом.

Денька три Иллари приноравливался к дороге. Он уже усвоил, что шагать в сапогах тяжело, а если снять их с забинтованных ног, получится почти замечательно. Босиком идти он покуда не рискнул. Ремни дорожной сумки обрели должную длину, а плащ в солнечные дни присоединялся к сумке в скатанном виде. Некоторые проблемы возникали с питанием: готовить еду в свою бытность оруженосцем Иллари научился неплохо, а вот отличить съедобное от несъедобного удавалось с трудом. Пережив попытку поестъ печеных грибов, Иллари впредь твердо решил питаться только тем, что бегают на четырех ногах: уж охотиться-то он умел. Назавтра выяснилось, что охотиться он тоже умел, как придворный: с собаками и загонщиками. Выследить зверя оказалось значительно сложнее, чем он предполагал. Лишь верность дружбе гнала его вперед, на помощь тому, кто отчаянно в нем нуждался, сквозь голод и жару, с натертыми ногами, неумелого и неопытного. Ничего не скажешь, джет бы ему сейчас ой как пригодился.

Иллари почти уже не сердился на джета, лишь налет горечи напоминал о недавнем гневе. Собственно, глупо сердиться на человека лишь за то, что ты был о нем незаслуженно хорошего мнения. А ведь дело именно в этом, и ни в чем другом. Иллари едва ли успел дружески привязаться к юному вассалу, но безусловно восхищался им. Джет для Иллари был живым олицетворением идеала. Таким и должен быть образцовый молодой человек и дворянин. Иллари не раз досадовал на упорное стремление джета окутать себя тайной. Не то он бы давно уже подал прошение на высочайшее имя о присвоении личного дворянства своему оруженосцу. Подобные случаи происходили сплошь да рядом, и прошение, скорей всего, подмахнули бы, не глядя. Теперь, конечно, об этом нечего и думать. Теперь он – изгнанник, человек вне закона. Да и не стоит джет подобной чести. Любого другого Иллари простил бы сразу:

несмотря на свой бешеный нрав, он был невероятно отходчив. Но простить джета! Но простить свой идеал! Простить можно человека, а идеал должен вести себя соответственным образом. Иллари уже почти смирился, почти низвел джета до положения обычного человека, но каждый раз при мысли о прощении на душе саднило, и рот заполняло сухая горечь.

Все же раны, нанесенные его представлениям, равно как и натертые пятки, понемногу исцелялись. Зато больной и голодный желудок заявлял о себе все увереннее. Иллари начинал склоняться к тому, чтобы покинуть лесные тропы и пойти по дороге, как все люди ходят. Ночевать на постоянных дворах. Обедать в придорожных трактирах. Клячонку захудалую купить. В конце концов, денег и драгоценностей у него под подкладкой плаща зашито предостаточно. Так зачем ему плутать по тропинкам, сбивать ноги и голодать?

Однако неясное предчувствие подсказывало ему, что на проезжий тракт сворачивать рано.

Еще через день он вышел к холмам и оврагу. Холмы были такими огромными, что он, пожалуй, назвал бы их горами, а из-за разделяющего их оврага они казались еще выше. На карте, заботливо сожженной перед уходом, они именовались холмами, но разве в названии дело? Их изгиб напомнил Иллари его старую арфу, и тугие струны дождя составляли с ними одно целое. Ветер слегка колебал их, и Иллари почти физически ощутил и ритм, и мелодию, и то, что ни с чем не спутаешь – трепет возникающей песенной строки. Стихи уже отделялись от дождя, готовые обрести словесную плоть, жаждущие одеться звуком.

Впредь Иллари дал себе зарок забыть о стихах, покуда дело не сделано. Увлеченный мелодией еще не оформившихся слов, он шагнул, не глядя; край оврага под ним подломился, и поток жидкой грязи и камней потащил его вниз, захлебывающегося глиной и дождем, избитого, оглушенного. Дна оврага он достиг, как ему казалось, в полужидком состоянии. Единственной твердой частью тела осталось колено, о которое он, падая, расквасил себе нос. Он уже готов был разразиться грязными ругательствами и лишь замешкался, выбирая выражение не только грязное, но и скользкое, как проделанный им путь. Однако ему не пришлось произнести ни слова. Вместо него ругательства произнес кто-то другой. Голос был Иллари незнаком, но выражения Иллари узнал мигом: отборные армейские словечки так и сыпались на дно оврага.

– Похоже, мы его упустили, – сказал ругатель.

– Может он разбился? – предположил кто-то другой.

– Может. Может, даже и утоп. Вон грязища какая.

– Как хочешь, командир, а я туда искать его не полезу.

– И не надо. Хрен ты там найдешь в такую погоду. Вернемся посуху. Утоп – найдем. А если жив, так все одно следы за собой оставит. За мной!

Иллари затаил дыхание. Вот это называется, повезло! Промедли он еще мгновение, и преследователи схватили бы его. А так оползень утащил его прямо у них из-под носа. На дне оврага, перемазанный с ног до головы желтой глиной, надежно занавешенный плотной пеленой дождя, он был незаметен для них.

Когда голоса и шаги удалились и стихли окончательно, Иллари осторожно поднялся. По дну оврага мчался грязевой поток, достигая колен Иллари. Поток был промозгло холодным, и Иллари так стучал зубами, что со стороны эти звуки можно было принять за конницу на марше. Он дрожал всем телом, пока дождь смывал с него следы пребывания на дне оврага. Говорили ему, что большая политика – грязное дело? Говорили. Теперь он сам в этом убедился на собственной шкуре. Если бы не большая политика, сидел бы он сейчас дома у теплого камина, пил подогретое вино и собирался лечь спать в чистую сухую постель.

Одна мысль о большой политике уняла стук зубовой и заставила челюсти Иллари сурово сжаться. Да, твое вислоногое величество, погоню ты все-ж таки выслал. И настроена эта погоня вполне серьезно. Интересно, какой у них приказ: схватить и доставить? Нет, вряд ли. Скорей всего убить при попытке к бегству. Так оно безопаснее. Да и дешевле. Поимка живым стоит дороже. Опять же, если жив, так надо кормить – сначала по дороге, потом в темнице. Сколько лишних расходов! Совсем не в духе его величества.

Иллари сделал попытку привычно потряхнуть в гневе волосами, но дождь и остатки глины приклеили их к голове на совесть. Ну, берегись, хобот коронованный! Думал, убьют меня охотнички твои? Так я им и дался! Держи карман шире. Я еще вернусь, и не один. Посмотрим, что ты тогда запоешь. Полагаешь, у твоего наследника так-таки и нет сторонников при дворе? Да – пока ты жив. Но ведь это можно и исправить.

Иллари был слишком опытным придворным, чтоб поддаваться эмоциям, но сейчас он позволил гневу взять верх над собой. Пламя гнева согревало его изнутри, оно давало силы не замечать грязь, ветер, промозглую сырость и холод. Возможно, именно благодаря этому пламени Иллари и не схватил воспаление легких: ведь до того момента, когда он смог зажечь настоящий огонь, согреться и обсушиться, прошло еще очень и очень много времени.

Насморком он все же обзавелся, и то было не лучшее из его приобретений. Путешествовать с кошельком, набитым деньгами, не в пример приятнее, чем с носом, набитым соплями. Вконец измученный, ошалевший от голода, холода и насморка, Иллари решил, что с него хватит, и отныне он будет путешествовать, как все нормальные люди. Предчувствие громким голосом говорило, что он поступает нехорошо, но изнемогающий Иллари велел ему заткнуться и вступил на проселочную дорогу.

Как выяснилось, зря.

Поначалу все шло хорошо. Иллари даже удалось оторваться от своих преследователей: они явно не считали его способным на такую дурость. Что ж, Иллари был только доволен подобным оборотом дела: если они переоценили его умственные способности, то это их проблема. В первом же трактире он спросил горячего вина, как следует наелся, наутро посетил лекаря и купил себе лошадь.

Оборванцы вроде него – а после пребывания на дне оврага Иллари и выглядел оборванцем – не должны иметь при себе много денег. Одиноким путешественникам лучше вообще не показывать и вида, что они располагают деньгами. Иллари об этом напрочь запамятовал, а может, и вовсе не знал. Новая одежда, дорогая еда, лекарство и лошадь, купленные в одно утро, да еще и в одном городишке, состоящем из трех с половиной улиц и нескольких сотен буераков, возбудили пронзительное любопытство и кое-какие другие, также вполне понятные чувства. Так что верхом Иллари не пропутешествовал и трех часов. Его остановила вполне изрядная шайка разбойников. Иллари мысленно пересчитал их и понял, что никакой фехтовальный опыт не поможет ему справиться с таким количеством людей. Произойди нападение в городе – другое дело, там честь повелела бы ему обнажить оружие, перебить две трети шайки и умереть славной смертью. Но сейчас он должен был, просто должен был выжить. Он должен добраться до Вейдо любой ценой!

Так что Иллари только сопел от унижения, пока разбойники с шутками-прибаутками ощупывали его карманы, обыскивали сумку, снимали с него бремя плаща и кошелька. Впрочем, атаман был настолько благороден, что лекарство от насморка несчастному пленнику оставил. После чего вся шайка взвалила поклажу на лошадь и удалилась. Босой Иллари, облаченный лишь в штаны и рубаху, проводил их взглядом, сел наземь и задумался.

Для большой дороги он не годится, это ясно. Тем более на дороге, безоружный, безлошадный и безденежный, он окажется слишком легкой добычей для тех, кто за ним гонится. Должны же они сообразить, что к чему! Ведь не такие они идиоты. Во всяком

случае, не такие, как Иллари. К тому же они наверняка на лошадях. Не уйти пешему от конного. На дороге не уйти, а в лесу можно и попробовать. Вот только куда идти?

После некоторых размышлений Иллари решил идти в том направлении, куда скрылись разбойники. Вряд ли им придет в голову, что ограбленный болван окажется настолько глуп, что потащится следом. Так что направление это сейчас представлялось Иллари самым безопасным. Ему очень не хотелось, чтоб его еще раз остановили – ни эти разбойники, ни какие-либо другие.

Поджимая пальцы, охая и стеля, когда под ногу попадался острый камушек или колючка, оглушительно чихая на весь лес, Иллари побрел следом за разбойниками.

Под утро он выбрел к дотлевающему костру. Угли уже подернулись пепельной сединой. Иллари тут же бросился к кострищу и принялся дуть на угли, не жалея сил. Угли послушно заалели. С воплем восторга Иллари бросился собирать хворост. Он набрал немного, лишь бы поддержать угасающий огонь, и тут же пошел за новой охапкой, на сей раз чуть подальше. Нагнулся за сухим валежником – и замер.

В нескольких шагах от него лежали его нож и плащ. Сумка, кошелек, лошадь, сапоги и прочая одежда отсутствовали.

Не веря своим глазам, Иллари робко протянул руки к своему вновь обретенному имуществу, но не дотронулся. Вместо этого он сильно дернул себя за нос. Больно. Значит, не сон.

Иллари схватил нож и плащ и прижал их к груди, как друга, о смерти которого ему сообщили надежные люди. Он баюкал их и даже, кажется, что-то напевал. Потом, опомнившись, он вернулся к костру, подбросил немного хвороста, укутался в плащ и блаженно вытянул ноги к огню.

То, что из всего оружия в лесу самой важное – нож, Иллари уже успел понять. Ни мечу, ни самострелу он бы так не обрадовался. И плащ! Ей-ей, бесценная находка. Он уже успел ощупать плащ и убедиться, что деньги и драгоценности, зашитые под подкладку, уцелели. Пес с ним, с кошельком! Не так уж много в нем и было. Ровно столько, чтоб разбойники удовлетворились его содержимым и не вздумали возвращаться за каким-то жалким плащом. Иллари вздохнул с облегчением и мысленно возблагодарил разбойничью рассеянность. Потом принял более удобную позу и принялся размышлять.

На сей раз он такой промашки не допустит. Покупать будет понемногу и за самые мелкие деньги. Перво-наперво, конечно, сапоги. Потом куртку. Нет, потом сумку и кое-какие съестные припасы. Куртка подождет: погода стоит теплая, а в случае чего

он и плащом обойдется. С мечом тоже лучше повременить, да и вообще с оружием. Хорошее оружие обойдется в круглую сумму, которая мигом привлечет к себе внимание, а на плохое нет смысла тратить деньги. К тому же до зубов вооруженный человек поневоле выйдет приметным. Оружие наведет на его след погоню – и не поможет с ней справиться. Слишком уж она будет многочисленна. Нет, решено: оружие он покупать не станет. Вот разве только набор метательных ножей... места они много не займут, а пригодиться могут. Сапоги, еда, ножи, сумка. И запасная одежда, чтоб можно было переодеться в сухое. Штаны хотя бы. Иллари и не представлял себе, насколько бестолково он собрался в дорогу. Вот и все покупки. И никаких лошадей! Хватит с него и одного раза.

Да, но все это Иллари предстоит сделать, когда он доберется до города. Надо решить, что делать сейчас. Костер почти остыл, значит, разбойники убрались отсюда и, скорее всего, далеко. Насколько далеко? Не увидят ли они, как с их недавнего привала в воздух поднимается дым? Не заподозрят ли неладное? Не надумают ли вернуться? Может, лучше затушить костер и поискать какого-нибудь пристанища? Или уйти подальше? Нет, далеко он не уйдет, не сможет. Слишком он устал и продрог. Он нуждается в отдыхе. Конечно, покинуть разбойничью стоянку он должен, и поскорее. Отойти подальше, сколько сил хватит, и поискать какое-нибудь дерево с дуплом в самом низу ствола. Или пещеру. Или еще что-нибудь. Забиться туда и отдохнуть несколько часов.

Сказано – сделано. Иллари с сожалением погасил костер и отправился на поиски подходящей берлоги. Через несколько часов он ее нашел, и оказалась она именно берлогой, причем обитаемой.

Завидев нечто, вполне годящееся под укрытие, Иллари преисполнился энтузиазма. И откуда только взялись силы, с которыми он почти побежал к месту желанного отдыха. Однако на полдороге он замедлил шаг. Раньше, когда он охотился верхом, ему не приходилось разбираться в звериных следах. Он в них и не разобрался, но заметить их он заметил, и они вселили в него некоторое сомнение. Он остановился и принялся внимательно разглядывать смазанные до неразборчивости незнакомые следы и гадать, свежие они или нет, и кому они могли бы принадлежать.

Грузный шорох оторвал его от созерцания следов. Иллари поднял взгляд и обомлел. Через кустарник ломились два маленьких медвежонка. Не успел Иллари и шагу ступить, как они добежали до него и принялись исследовать его босые ноги. Он

попытался высвободиться, и медвежата обиженно заурчали. Другой медвежонок, годовалый, выломился из кустов следом за ними и двумя шлепками откатил их от предмета исследования. Медвежата заорали. И тут из берлоги донесся приглушенный рык, и наружу полезло огромное медвежье тело.

Иллари стоял неподвижно промеж вопящих медвежат и смотрел во все глаза. В жизни он не видел такого огромного медведя. Или медведицы? А может, видел, просто у страха глаза велики? Какая разница? Все едино задерет его зверь. Что он может – босой придворный с одним ножом? Уж лучше бы разбойники или императорская погоня!

Огромная медведица, грозно рыча, рванулась к Иллари. Даже в этот предсмертный миг он не мог не восхититься быстрой красоте ее движений. Однако буквально в шаге от Иллари, почти коснувшись его, медведица вдруг остановилась. Иллари стоял, как изваяние, не веря в такое чудо, и жаркое дыхание медведицы обдавало его. Вопящие медвежата тоже отчего-то примолкли. Медведица покачивалась взад – вперед, точно пританцовывая под ей одной слышную музыку. Потом она повернулась и неспешно затрусила в берлогу. Ее лохматое потомство последовало за ней.

– Я сплю, – шепотом сказал себе Иллари, когда медвежья семья скрылась в доме. – Так себя даже сказочные медведи не ведут, а уж тем более – настоящие.

Но вне зависимости от того, были медведи настоящими, явились они из сказки или из сонных грез усталого Иллари, от берлоги лучше было держаться подальше. Да и вообще... не вернуться ли на дорогу? Хватит с него леса. Во всех видах и обличьях. Мало ли что он там раньше решил? На дороге медведей нет.

Несмотря на невероятную усталость, Иллари не останавливался, пока снова не вышел на дорогу. Там он свернул плащ, незаметнее подложил под себя и улегся спать в первой же придорожной канаве, рассудив, что босого бродягу не станут будить на грабители, ни императорская погоня. Расчет его оказался верен. Впервые после постоянного двора выспался он на славу, несмотря на сны, а были они поистине тревожными. То он во сне гонялся ради пропитания за зайцами, которые вдруг начинали рычать по-медвежьи, то из берлоги навстречу ему выскакивал император и по-медвежьи скалил зубы, то медвежата грабили его на большой дороге и очень обижались, что деньги у него есть, а меда нет. Но ни зайцы, ни император оказались не в силах разбудить Иллари, и выспался он в полную сласть.

Пробуждение оказалось менее приятным. Все тело ломило, а о ногах и говорить нечего: казалось невыносимым даже ступить на

них. Все же Иллари кое-как добрался до ближайшей деревушки, где и поведал горестную историю о разбойниках. Назавтра утром он уже смог тронуться в путь. Старые сапоги, подаренные ему гостеприимным хозяином, Иллари нес в руках, осторожно ковыляя и делая остановки чаще, чем ему бы хотелось. Однако, когда взору Иллари предстали городские стены, он уже смог разбинтовать ноги и сунуть их в сапоги.

Сумку, ножи и запасы еды наученный горьким опытом Иллари покупал в разных концах города и вдобавок торговался, как десять конокрадов, так что на сей раз никто не заподозрил в нем обладателя крупной суммы. Предосторожность похвальная: город готовился к празднику по случаю свадьбы единственной дочери городского головы, и улицы были полны народу. Воры в предчувствии легкой поживы выползали из всех своих тайных щелей. Но Иллари это мало беспокоило. В большом городе он чувствовал себя, как рыба в воде. Он упивался шумом и сутолокой, даже кровь по его жилам, казалось, бежала быстрее. Опытный уличный боец и фехтовальщик, Иллари просто кожей ощущал приближение добрых потасовок, и это предощущение пьянило его и придавало ему сил. Он вновь чувствовал способность ориентироваться в окружающей обстановке, а это куда приятнее, чем ощущать себя дураком и неумехой. Что поделать! Будь дорога до Вейдо одним сплошным городом, он уже достиг бы цели, и никакие опасности не остановили бы его.

Иллари купил у разносчика немного дешевого вина, выпил эту подозрительную кислятину с восторгом, и вновь ощутил себя, как в годы отрочества, когда он, задыхаясь от своей еще неизведанной силы, ускальзывал от надзора бдительных слуг на поиски приключений. И ему вновь захотелось приключений, таких, как в те беспечные, ничем не омраченные годы – прямо здесь и сейчас. Чувство долга гнало его вперед, но Иллари убедил его, что он заслуживает небольшого отдыха. Возможно, именно предчувствие нашептало Иллари подобное решение, ибо оно спасло его. Выйди он в дорогу, он угодил бы прямо в лапы императорской погони. Поскольку вместо этого Иллари пошел драться в кабак, известный скверной репутацией, поимка не состоялась.

Через полчаса Иллари был выкинут из кабака соединенными усилиями кабатчика, двух его слуг и тех посетителей, кто еще был в состоянии кого-то выкидывать. Иллари взглянул на закрывающуюся дверь кабака и испытал наслаждение, увидев, как она болтается на одной петле. Что ни говори, а время он провел толково и со смыслом. Утраченное было самоуважение вернулось к нему. Иллари встал, отряхнулся – и замер. Он увидел спины.

Отряд уже заворачивал за угол, и лиц Иллари разглядеть не успел. Только спины. Только своеобразную неповторимую манеру держаться. Осанку, вырабатываемую годами муштры. На этих людях не было военной формы, но тем вернее каждый их шаг, каждое движение тел, непривычных к партикулярному платью, выдавало солдат. Имперских гвардейцев.

Батюшки-светы! Иллари пересчитал одетых в штатское солдат и вновь предался самоуважению. Надо же, какую погоню послал за ним вислоносый помазанник небес! Иллари чувствовал себя целым вражеским войском в одном лице. Хоть ощупывай себя – не выросла ли из задницы еще пара-другая ног.

И ведь вошли эти люди в город совсем недавно. Если бы не благословенная драка в кабаке, он бы непременно на них напоролся. Можно было благословить судьбу и тихо смыться, но, к несчастью для погони, Иллари ощутил знакомый прилив сил, всегда предшествующий самым легендарным его выходкам. Он гордо поднял голову и расправил плечи. Что, взять меня захотели? И где – в городе? На городских улицах, где я более дома, чем дома? Ну, погодите, мои бесценные! Сегодня мы с вами знатно повеселимся. Свадьба уже выплеснулась на площади, ее течение уже достигло самых отдаленных переулков, и стены домов уже содрогаются в пляске, мостовые уже стонут под ее шагами, кровь и вино уже текут наземь. Сегодня я вам покажу, как празднуют свадьбы всем городом. Императорская гвардия никогда не заходит на окраины. Сегодня этот пробел в их жизненном опыте будет заполнен.

Командир отряда уже отчаялся найти беглеца, когда Иллари окликнул его с ближайшей крыши.

– Эй, – с хохотом крикнул Иллари. – Выпить не хотите? Угощаю!

В руках у него был кувшин. Иллари слегка наклонил его, и вино медленной струей потекло вниз с высоты третьего этажа. Офицер, как Иллари и рассчитывал, поднял голову на окрик. Поскольку прицел Иллари также был абсолютно точен, негодующий вопль офицера захлебнулся белым вином.

– А теперь побегаем! – радостно сообщил Иллари и перепрыгнул на соседнюю крышу.

Командир, задыхаясь и кашляя, указал повелительно рукой, и переодетые солдаты бросились вдогонку.

Довольно быстро выяснилось, что по крышам за Иллари не угнаться. Ноги солдат грохотали по черепице и оскальзывались. Тем, кто умудрялся не свалиться с крыши сам, Иллари помогал пинком. Он милосердно избрал маршрут по самым низеньким домикам, падение с которых не смертельно, а всего лишь

чувствительно. Все же нескольких удачно нацеленных пинков хватило, чтобы отряд отказался от попыток бегать над головами пьяненьких почтенных граждан и продолжил преследовать Иллари по земле, уповая, что когда-нибудь он спустится. Именно этого Иллари и добивался.

Опытом, чутьем, неважно, чем – он ощущал, где именно беснование всеобщего праздника достигло предела. Туда он и вел ошалевшую от бесплодной ярости погоню, перескакивая с крыши на крышу с привычной легкостью.

Разгоряченная погоня с разбегу врезалась в пылающую веселым безумием площадь – и завязла. Попасть в толпу, может, и не всегда легко, но уж выбраться из нее положительно невозможно. Иллари сверху видел их отчаянные попытки прорваться. Будто мухи в киселе тонут и дрыгаются. Командир поднял вверх бледное от ярости лицо, уже перемазанное пирожным и осыпанное конфетти. Иллари показал ему нос, повернулся и побежал по крышам к городской стене. Другого пути наружу сегодня не было. Городской голова велел закрыть все ворота и не выпускать никого в течение суток, пока не отгремела свадьба. Ему не хотелось, чтоб хоть кто-то улизнул от оплаченного им веселья. Благословен будь городской голова, его долговязая дочка и ее богатое приданое!

Иллари спрыгнул со стены в мягкий мох, даже не ушибившись. Стена была высокой, но в таком возбуждении он, пожалуй, и с крыши императорского дворца спрыгнул бы без вреда для себя. Он с сожалением посмотрел на оставленный им город. Вот же незадача: все было необыкновенно хорошо, и приходится так быстро удирать, оставляя столько неиспробованных удовольствий. Что ж, по крайней мере напоследок он неплохо развлекся.

Приятное возбуждение не покидало его несколько ближайших суток. В городе оно выручило его, но в пути сыграло с Иллари очень дурную шутку. Он уже привык было к тому, что ничего не понимает и не умеет, и продвигался со смиренной осторожностью, помогающей ему сохранить свою жизнь в целости. Теперь же, удачно поведив за нос погоню, Иллари воспрял духом. Всю его осторожность словно смыло волной самонадеянности. Окрыленный успехом Иллари вновь решил сменить тактику и вернуться в лес. Конечно, идти дорогой быстрее и легче, но гвардейцы в конце концов выберутся из города. Зная, что он ловок и увертлив не в лесу, а среди людей, вряд ли они заподозрят его в намерении вернуться туда, где он чувствует себя неуверенно. И Иллари с отвагой мертвецки

пьяного углубился в лес, посмеиваясь при воспоминании о грохочущих под ногами крышах. Он не замечал, что деревья растут все реже, и стволы их причудливо искривляются, что травы и кустарники мало – помалу уступают место вереску и мху. А даже если бы и заметил – значение этих примет не было ему известно. Лишь когда почва под ногами начала чавкать все сильнее, Иллари понял, что угодил в болото.

Тут бы ему и вернуться. Но болото вовсе не выглядело опасным. Приветливые кочки и ягоды, усыпавшие его поверхность, вселяли уверенность, что пробраться через болото не так уж трудно. К тому же Иллари слишком хорошо помнил карту: путь через болото на два дня короче, чем в обход. Иллари нашел себе подходящую палку для ощупывания дороги и, небрежно помахивая походной сумкой двинулся через болото.

К несчастью, Иллари не знал, как именно следует проверять дорогу, и какую палку надо для этого выбирать. Палка была слишком короткой, и налегал на нее Иллари слишком сильно. Вскоре он поскользнулся, потерял равновесие, взмахнул левой рукой, держащей сумку, а правой оперся о палку. Сумка, вертясь и кувыряясь, взлетела в воздух, описала дугу и приземлилась на кочку, а Иллари всей тяжестью своего тела ухнул в трясину. Он инстинктивно попытался сделать хоть что-нибудь – и незамедлительно оказался по пояс в болоте.

Зеленовато-коричневая жижа призывно воняла. Иллари погружался все глубже и глубже. До ближайшей кочки достаточно далеко, чтобы сделать бессмысленной любую борьбу за жизнь. Если это вообще кочка, на которую можно выползти, а не островок плавающей травы среди всесветной хляби. Иллари все же еще раз попытался как-то выбраться – и зря. Засосало глубже и быстрее. Болотная мерзость живо добралась до плеч. Когда мокрый липкий холод противно коснулся подбородка, Иллари закричал. До сих пор он не издал ни звука: бессмысленно звать на помощь, если никого. На десять-пятнадцать лиг вокруг ни одной живой души. Вот разве чудо какое могло привести сюда императорскую погоню... но эти скорее утопят окончательно, чем вытащат. Звать на помощь некого. Иллари никого и не звал. Кричал он не для того, чтоб его услышали, и не от страха: он был слишком потрясен непоправимостью случившегося и неотвратимостью смерти, чтобы толково испугаться. Он сам не мог бы объяснить, зачем он заорал. Просто... так принято, вот и все. Умереть мучительно бессмысленной смертью, не исполнив своего долга, и даже не издать при этом предсмертного вопля, показалось Иллари неприличным. Орать надо. И надо сейчас, пока еще можно раскрыть рот, пока его не забило тухлой дрянью.

Иллари раскрыл рот и весьма неуверенно заорал. Прозвучало на редкость глупо. Иллари вздохнул и закрыл глаза. Через несколько минут, когда жижа уже почти касалась губ, его что-то стукнуло по носу. Иллари вновь вздохнул и открыл глаза.

Чувствительный удар по носу ему нанесла веревка. За другой конец веревки держался джет. Глаза Иллари полезли из орбит куда быстрее, чем сам он – из болота. Вытянуть его наружу джет, ясное дело, не мог, но зато стоял, как вкопанный, покуда Иллари натужно лез из болота. В конце концов жижа отпустила его, сладострастно всхлюпнув напоследок. Иллари незамедлительно схватил джета за ухо.

– Ну, теперь, паршивец, мы точно поговорим! – живо сообщил он, пуская зеленые пузыри.

– Поговорим, – спокойно согласился джет. – Как только на твердую землю выберемся, так и поговорим. Теперь можно.

Он небрежно дернул головой, и Иллари чуть не упал: его мокрые перемазанные пальцы не удержали джетоу ухо.

– Ты лучше за веревку держись, господин, – посоветовал джет.

Иллари послушно взялся за веревку.

– За мной, – скомандовал джет, поворачиваясь спиной к Иллари, – след в след.

Иллари послушно плелся за джетом, как песик на веревочке. Джет то и дело откидывал длинные волосы, и взору Иллари предстало ухо. Ухо было розовенькое и чистенькое, с зеленовато-бурым пятном от болотной жижи там, где его схватил Иллари.

Выбравшись на твердую землю, джет разыскал ручеек. Иллари стыдливо опустил глаза: ручеек был тот самый, возле которого Иллари давеча ошибся дорогой и полез в болото. Сырой хворост, собранный Иллари, но так и не разожженный, громоздился по-прежнему, напоминая Иллари о позорной неудаче с костром. Иллари поморщился: за это время хворост отсырел еще сильнее. А больше всего на свете Иллари сейчас хотелось быть сухим и чистым. Даже больше, чем есть: желудок может и подождать, пока в нем переварится болотная гнусь. Даже, пожалуй, больше, чем добраться до Вейдо: мысль о необходимости дойти туда была слишком привычной. Даже больше, чем допросить, наконец, паршивца джета.

Паршивец джет меж тем подошел к груди хвороста и склонился над ней. Иллари показалось, что джет произнес что-то вполголоса, но сам он так громко стучал зубами, что не мог бы утверждать этого с уверенностью. Зато он мог бы поручиться, что

огнива или какого иного зажигательного инструмента джет не вынимал. Но огонь полыхнул мгновенно – ну вот только что его не было, и разом выметнул вверх жаркий рыжий столб.

Джет ловко совлек с обалдевшего Иллари перепачканную одежду, достал из спасенной сумки сухие чистые штаны, спихнул Иллари в ручей, быстро вытащил, еще быстрее растер какой-то приятно пахнущей мазью, укутал своим плащом и впихал ноги и задницу своего господина в штаны. Замороченный Иллари не сопротивлялся. Прodelав вышеозначенные процедуры с быстротой молнии, джет огляделся, зашагал к болоту, почти сразу же вернулся с какими-то клубнями, разделил костер, чтоб добыть углей, сунул в них клубни, присыпал золой и натаскал лапника, на котором и расположился возле костра.

– Вот теперь можно и поговорить, – напряженным голосом сообщил он.

– Можно, – кротко согласился Иллари, выходя из столбняка.

Но джет отнюдь не спешил воспользоваться разрешением. Он попытался что-то сказать, передумал, закусил прядь волос и умолк довольно надолго.

– Может, тебе вопросы позадавать? – поинтересовался Иллари.

– Не знаю, – как-то неуклюже ответил джет. Лицо у него было сосредоточенно-напряженное, будто он стоит на цыпочках левой ноги, правой крутит одновременно три кольца в одну сторону и два в другую, пишет важное письмо и удерживает на кончике носа тросточку с тарелочкой.

– Понимаешь, господин... слишком многое надо рассказать, и все разом, и все важное. Можно, я тебя сначала спрошу?

– Попробуй, – нехотя согласился Иллари.

– Зачем, почему этой дорогой, да еще так срочно? Есть ведь и другой путь, и притом гораздо безопаснее. Почему здесь, так близко от Джетевена? Все знают, что это не та дорога, по которой часто возвращаются назад.

– Нет уж, сначала ты мне объясни, – запротестовал Иллари. – Сначала ты отказываешься со мной идти, а потом тащиться следом, хотя вдвоем и проще, и безопаснее?

– Не безопасней, – покачал головой джет. – Совсем наоборот.

– Так отпустил бы меня одного, и все, – Иллари не мог так, сразу, разозлиться на своего спасителя, но начинал понемногу закипать. – Раз уж вместе опасно, одному легче.

– Не легче, – вновь возразил джет.

– Это как? – немного растерялся Иллари.

– Не могу выбрать из двух зол, господин, – вздохнул джет. – Понимаешь, оба хуже. Один ты здесь вообще не пройдешь, не то,

что живым остаться. Ты и сюда добрался чудом. А со мной пройдешь. Зато один ты не привлекаешь внимания, а вдвоем мы сверкаем, как два священных ожерелья, и на нас непременно нападут и изловят.

– Ну, и что? – не понял Иллари.

– Ну, и все, – резко ответил джет. – Это не императорские гвардейцы, дурни пустоголовые. От этих людей я тебе не защита. Ведь охотятся они за мной, а не за тобой. Тебя одного они, может, и отпустят. Вот и выходит, что без меня ты в этих краях не в безопасности, а со мной – в опасности. Так что лучше всего, чтобы ты шел сам по себе, а я – где-то там. Хотя лучше бы, конечно, вообще не ходить. Боюсь.

Вновь Иллари слышал от джета, что тот чего-то боится, хотя и сказано было на сей раз вполне обыденным тоном. Но Иллари вспомнил маску страха на лице джета в ночь их прощания – и поверил мальчишке безоговорочно.

– Ну, со мной все ясно. А с тобой?

– А со мной – тем более. Если я один, меня могут не заметить, но уж если заметят... – джет вздрогнул. – А если я с тобой, заметят наверняка, но у меня есть... ну, не то, чтобы надежда, но хоть тень надежды. И было бы больше, если бы...

– Если бы – что?

– Неважно, – неохотно ответил джет. – Лишнего сболтнул. Если бы у меня было время. Хотя бы узнать наверняка, так и того не успел.

– Тебе, значит, не всякий господин годится? – полувопросительно заметил Иллари.

– Не всякий, – кивнул джет. – Я ведь сразу говорил. Жить хочу. Ты храбрый человек, и ты... я... словом, будь все иначе, ни за что бы я не пошел в сторону Джетевена. Ни-ни.

– Тебя туда совсем не тянет? – задал Иллари намеренно провокационный вопрос.

Джет не учуял ловушки: слишком уж много всего случилось за день, чтобы у него хватило сил оставаться настороже.

– Тянет, – ответил он очень тихо. Голова его чуть запрокинулась, веки примкнулись в попытке скрыть набежавшие слезы. Иллари даже испугался. И тут он увидел какие-то смутные образы, причем увидел не глазами. Неизвестно, чем. Просто увидел. И еще он вспомнил, что и раньше видел нечто подобное, и всегда в присутствии джета. И еще он вспомнил, что всегда тут же забывал увиденное.

– Ах, ты, маленький мерзавец! – удивленно воскликнул Иллари с добродушной угрозой в голосе. Джет открыл глаза, еще полные невольных слез, и виновато улыбнулся.

– Теперь я понимаю, как тебе удавалось удерживать меня от расспросов, – без тени сомнения заключил Иллари. – Праведные солнца! Впервые в жизни вижу, чтоб человек мог передавать мысли. А может, и мои читать? И он еще говорит о какой-то опасности! Да будь у меня такой дар, я бы забот не знал. Просто внушил бы своим врагам, что у них понос, и все хлопоты.

– С врагами у тебя бы ничего не вышло, – возразил джет.

– Почему? – Заинтересовался Иллари: внезапно открывшаяся перед ним возможность отправлять неприятельские войска со спущенными штанами под кусты была слишком приятной, чтоб отказываться от нее просто так, за здорово живешь.

– А с врагами не получается. Тем более с посторонними. Понимаешь, это проходит только с людьми... – джет замаялся. – Ну, вот если ты любишь кого-то... или доверяешь... уважаешь... или вообще...

Смущение джета приятно позабавило Иллари. Всегда отраднo слушать, как человек косвенно признается тебе в наилучшем к тебе отношении.

– Вот тогда можно передавать... и слышать тоже... видеть... понимаешь, это очень все неприятно. Понимаешь, постороннего человека принуждать и подслушивать не особенно стыдно, но невозможно. А если кого-то... к тому ты... кого ты... в общем, не постороннего... это стыдно и противно. Все равно, как делать что-то такое исподтишка... ну, ты понимаешь, какое.

– Понимаю, – заверил его Иллари. – И перестань вызывать к моему пониманию через два слова на третье.

– Постараюсь, – без улыбки пообещал джет. Он боялся поднять взгляд на Иллари. Некоторое время он молчал, потом выпалил: – Я бы никогда не делал этого, господин. Никогда! Честное слово. Просто для тебя так безопаснее.

– По-моему, ты спятил на моей безопасности, – предположил Иллари.

– По-моему, нет, – со своей обычной детской серьезностью возразил джет.

– Да что для меня такого опасного, если я что-то и узнаю? – возразил Иллари.

– Это долго рассказывать.

– Ничего, рассказывай. Все равно до утра мы никуда не пойдем, а спать пока неохота.

Джет начал рассказывать. Теперь, когда он не должен был скрывать свой дар, этот самый дар разыгрался не на шутку. В результате Иллари слышал не только джета, хотя и не ушами, и видел не только то, что вокруг, хотя и не глазами, причем разные детали увиденного и сотворялись по-разному. То, чего джет не

помнил отчетливо, и Иллари не мог увидеть иначе, как размытым пятном неопределенного цвета. А то, чего Иллари никогда воочию не видел во плоти и воссоздавал по видению джета, и выглядело созданным. Зрелище немного сумасшедшее. Горы, синие и белые, нарисованы мощными мазками прямо на настоящем небе, на их нарисованных отрогах шумят живые и нарисованные деревья, и среди них бродят вперемежку живые, игрушечные и туманные звери, ступая по цветам, вышитым на траве. А внизу, в горной котловине – настоящий ветер подымает на озере стеклянную рябь, и чьи-то почти невидимые руки играют теплым песком. А чуть поодаль из бумажных домов выходят живые джеты с живыми лицами и облачными руками – иногда, впрочем, наоборот. А иногда вообще непонятно, как может полупрозрачное нечто нести на себе тяжесть настоящей одежды. То, что Иллари принял за татуировку, внезапно оказалось бабочкой; она вспорхнула со смуглого плеча и улетела. Улетела к Деревьям. Иллари невольно задержал дыхание: деревья цвели. Нежная плоть лепестка туманно-прозрачная, как розовые и бледно-синие облака, но причуды памяти джета тут не при чем, она такая и есть. Зато прожилки, несущие сок... Иллари только дважды в жизни видел золото, но мягкий его блеск, несравнимый с суровой красотой бронзы, тихое веселье его сияния он запомнил навсегда. Вот так и выглядят прожилки. Словно по ним радостно струится расплавленное золото. Словно гроздь солнечный лучей обнимает и пронизывает кусочки облаков. И запах... ну, тут уже никаких сомнений. Так пахнет талисман джета. Удивительный аромат. Его мерцание просветляет мысли и проясняет чувства, и ничего, ничего, ничего на свете не может быть лучше и прекрасней. И я никогда, никогда его не забуду...

– Еще бы, – подтвердил Иллари. – Такое не забудешь.

– Эти деревья и сделали Джетевен Джетевеном, – тихо произнес джет, не в силах оторваться от мысленного созерцания.

...Когда-то мастера самых разных искусств и ремесел просто приходили в долину: те, кто там побывал, утверждали, что нигде больше так хорошо не думается и не работается. И они говорили сущую правду. Что-то было такое в самом воздухе затерянной долины, что освежало душу и укрепляло ее, отчего зрение и слух становились ясными и веселыми, а руки – умными и уверенными. Постепенно лучшие искусники Иматравы начали селиться в Джетевене, а потом и рождаться там. Воздух долины золотил кожу пришельцев и делал лиловыми глаза здешних уроженцев. Их стало легко отличить в любой толпе, и лиловая глубина под густыми ресницами становилась чем-то вроде знака цеха или гильдии, только означала она не профессию, а качество

овладения ею, невероятный уровень мастерства. Правда, тем, кто слишком долго прожил под сенью деревьев Джетевена, отчего-то приходилось трудновато, когда они возвращались в обычный мир, а уроженцы долины и вообще чувствовали какую-то тяжесть в мыслях и на душе, покидая родные места. Но особенного внимания на такие мелочи никто не обращал. Словом, все шло замечательно, мастерство джетов и слава их мастерства росли день ото дня – и так до тех пор, пока джетов не начали попросту резать на улицах.

– Почему? – поинтересовался Иллари.

Джет взглянул на него с нескрываемым восхищением.

– Ты так и не понял, господин? До сих пор? – спросил джет замирающим от восторга голосом. – Вот это да!

– И что тут такого? – хмуро осведомился Иллари. – Мало ли чего я не понимаю?

– Ммм, – джет восторженно замотал головой. – Такое может не понять либо круглый дурак, либо гений.

– И кто же я, по-твоему? – на всякий случай спросил Иллари, дабы знать, стоит ли ему обижаться.

– Думаю, гений. Нет, ну это я и раньше знал, но чтобы настолько! Чтоб не понять такой простой вещи! Любой нормальный средний человек догадается мигом.

– Похоже, я круглый дурак, – вздохнул Иллари. – Теперь я совсем уже ничего не понимаю.

– Ты не понимаешь зависти, – ухмыльнулся джет. – Мне ты, к примеру, ни в чем не завидовал.

– А что, надо было?

Джет хихикнул.

– Но зачем? – удивился Иллари.

Джет рассмеялся в полный голос.

– Во имя всех солнц, праведных и неправедных! Откуда я знаю, господин? Но ведь завидуют же люди, понимаешь?

– Не очень, – признал Иллари. – Но видеть такое доводилось.

– Ну, вот, – обрадовался джет. – Обыкновенная зависть. Слишком умный, слишком много умеет, а я – нет.

– Да кто тебе мешает? – удивился Иллари.

– Ууй! – взвыл джет. – Это же я не о себе, господин. Это я для примера. Я этого и сам толком не понимаю, просто знаю, что так бывает. В общем, начали резать. Конечно, урожденного джета просто так за шкурку не возьмешь, но если кучей... В общем, вдали от Джетевена началось истребление. Это раньше наши мастера бывали по всей Иматраве. На памяти одного поколения джеты прекратили путешествия. Зависть от этого, правда, меньше не стала. Мало того, что слишком умные, так еще и сидят на своих познаниях, как собака на сене.

– Нелогично, – пожал плечами Иллари.

– А когда это зависть вообще бывала логичной? – парировал джет.

Иллари не нашел, что ответить, и промолчал.

– Зато так было безопасней. До всей этой истории...

Иллари ощутил болезненный толчок. Укор совести. Принадлежит он не ему, а джету, и направлен странным образом на события многовековой давности.

– Глупости, – резко оборвал он поток чувств джета. Что бы там ни было, ты не можешь отвечать за эту кучу праха. Все это было в совершенно лохматой древности.

– А тебе, господин, не доводилось чувствовать себя неловко,

прочитав в семейной хронике, как кто-то из твоих дальних предков свалил дурака? – ехидно спросил джет.

– Бывало, – усмехнулся Иллари. – Давай, рассказывай дальше.

...А дальше вышла история совершенно уже непотребная. Окрестным владыкам требовались войны, и воинов они получили. Отменной джетской выучки. Вот только принимал тогда Джетевен в обучение, чтобы не навлечь на себя еще и гнев соседей, кого попало. Всех. Образовалась изрядных размеров банда, не желающая более получать перепадавшие им кусочки пирога. Им захотелось весь пирог целиком. Не такое уж безумное хотение: во внешнем мире некому было им противостоять. Чтобы обезопасить себя окончательно, орда вторглась в Джетевен, чтоб расправиться с бывшими учителями. Ценой немалых потерь уничтожить захватчиков удалось, но объяснить соседям, что Джетевен неповинен в их злодеяниях, не сумел даже тогдашний Мастер Слов – маг, чтоб было понятнее. Да и строго говоря, обучались они в Джетевене, и вина на нем лежала, притом немалая.

– Вот тогда-то Джетевен закрылся окончательно, – хмуро подытожил джет. – Ну, почти окончательно.

В мыслях Иллари промелькнуло нечто неприятное и противоестественное, вроде тюрьмы, выстроенной из драгоценных камней. Джет, оставив строительный материал в неприкосновенности, мысленно же подправил видение, изменив тюремную камеру на пыточную; по малахитовым разводам потекли красные струи. Иллари вздрогнул.

– А еще, господин, вот так, – горько улыбнувшись, джет поверх кровавых потеков швырнул ковры и скатерти, разложил ножи палача среди столовых приборов и пригласил пирующих. – Вот теперь похоже. Не сразу, конечно. Поначалу оно было вроде и неплохо.

Поначалу было вроде замечательно. Никто не резал мастеров; реальность не вынуждала их делать поправку на дурака. Они общались только с себе подобными. Они дышали своим воздухом и никаким другим. На памяти одного поколения небывалое мастерство стало сказочным.

– И никто так-таки и не попытался встать над другими? – усмехнулся Иллари. – Вот это, я понимаю, идиллия.

– А вот на этот счет есть закон, – живо возразил джет. – Тогда его и приняли.

– Какой закон может помешать человеку изучить все подряд, да так, чтоб ему никто из мастеров одного – двух ремесел не мог противостоять? Хватило бы ума, а прочее...

– А вот на прочее и есть закон. Никто не имеет права больше, чем на три ремесла. С таким набором власть не захватишь. Кому

окоротить, всегда найдется.

– С этим можно поспорить, – медленно произнес Иллари. – Очень даже можно. Любопытно другое. Нет закона без его нарушителей. Что с ними делали – убивали, мозги вышибали? Как иначе угасить эту жажду?

– Изгоняли, – подчеркнуто спокойно произнес джет.

Иллари взглянул на него пристально и засмеялся. Джет покраснел. Иллари милосердно отвел взгляд.

– Забавно, – пробормотал он. – Насколько я понимаю, никто из изгнанных не вернулся?

Джет кивнул.

– Еще бы, – он поворошил золу, достал оттуда испеченные клубни, разломил их, дуя на пальцы, и протянул Иллари его долю.

Воцарилось молчание. Джет ел сосредоточенно и медленно, словно стараясь непрерывным жеванием избавить себя от необходимости продолжать разговор, благо рот занят. Вот только мозгами жевать невозможно. Иллари какое-то время тоже молча жевал, потом не выдержал.

– Перестань отравлять мне аппетит, – потребовал он.

Джет с трудом отвлекся от своих мыслей.

– А что, так сильно? – тихо спросил он.

– Еще как, – фыркнул Иллари. – Я голоден, как десять бродяг, и то кусок в горло не идет.

Джет виновато опустил голову.

– Извини, господин. Я сейчас, – он попробовал выдернуть мысль из головы Иллари, но тот уцепил ее за хвост и не выпустил.

– Нет уж, – решительно возразил Иллари. – Если ты попробуешь заставить меня забыть, я просто дам тебе в ухо, а иначе подуманного не воротишь. Ты лучше расскажи. Выговоришься, легче станет. И мне тоже.

– Ладно, – неожиданно согласился джет. – Сам хотел.

Он начал рассказывать, время от времени запинаясь в поисках слов, но не мыслей – уж скорее мысли ищут нас, а не наоборот – и Иллари, слушая его, снова видел не глазами, слышал не ушами и ощущал всем своим существом. Он сам испытывал мальчишеское желание джета уметь как можно лучше, а ведь для этого, кроме избранных ремесел – каких именно, Иллари в тот момент не очень понял и стал уточнять – кроме них надо знать еще кое-что из других, это помогает, и еще кое-что совсем уже из других, а потом становится просто интересно, ведь это же так естественно. Сильная рука, кидай камень, хочет кинуть его так далеко, насколько силы хватит. Вот и уму хочется знать

столько, насколько хватает его силы, еще, и еще, и еще что-нибудь – все, что интересно. А в результате приходится читать ночью, в лунном свете, подсматривать за сверстниками и мастерами, тайком пробираться в архив... В архиве джета и застукали.

Потом – ослепительно залитая солнцем площадь и слепящее сознание собственной вины и правоты одновременно. Я виноват, но это несправедливо, это не может быть справедливо, я же ничего плохого не сделал, почему меня ведут, все на меня смотрят, так смотрят, я же ничего не сделал, даже не собирался, я хотел, как лучше, а у Мастера такое лицо, будто я все свои тетради в озеро выкинул, такое лицо... зачем, зачем?! Потом – тихая полутемная камера; кожа джета уже забыла сырую сумеречную прохладу, но Иллари ее ощущает. И снова непрошенные мысли – я ведь не хотел никому причинить боль, а Мастер здорово огорчился; он, наверное, здорово на меня надеялся, а я вот так сделал, только это все равно все несправедливо. Но не могут же все быть неправы, а прав только я один?.. И наконец, шаги. Ровные, размеренные. Услышав их, Иллари напрягся, словно хотел выскочить из кожи. Сердце джета колотилось отчаянно – тогда, он знал, кто идет – тоже тогда. Иллари тоже знал идущего – теперь – и ненавидел его.

Мастер Слов Керавар вошел в маленькую камеру. Джет встал. Иллари видел Мастера Слов ужасающе отчетливо. В его облике не было ничего непроявленного, туманного, расплывчатого, как обычно бывает в воспоминаниях, как было в предыдущей сумятице образов. Он был очень реальный и одновременно очень ненастоящий. Иллари даже чувствовал запах свежести, исходящий от его кожи – очевидно, Мастер Керавар изволил только что искупаться. Казалось, протяни Иллари руку, и он дотронется до его плеча. И все же Мастер Слов от этого только казался еще более ненастоящим.

Он стоял совсем рядом с перепуганным мальчиком, настолько маленькой была камера. От него исходила угроза, немая и непонятная, она невидимо струилась в сумерках, накатывая волнами. Именно острое чувство угрозы и успокоило джета. Он знал теперь: Мастер Слов пришел, как враг.

Мастер Керавар тихо и отчетливо произнес первое слово – Слово Боли. В единый миг в теле джета не осталось ни одной целой косточки, глаза обратились в раскаленные шары, в голове вскипел свинец, кожа трещала, отлетала черными лепестками. Если бы джет ненавидел своего мучителя чуть меньше... но удар был таким неожиданным и незаслуженным, что ненависть родилась одновременно с болью и заставила сопротивляться.

Брунда. Это мне все только кажется. Сам я целехонек. С диким трудом джет приподнял руку, пошевелил пальцами. Цела, конечно. Ему сразу стало легче. Что, съел? Боль – это терпимо. И не страшно. Боль ведь ужасна не сама по себе, а вместе с мыслью, что в нашем теле что-то отказывается работать – и, может быть, навсегда. Не боль, а мысли о большей боли, болезни, уродстве... Не боль, а страх.

Едва только джет овладел своей болью, Мастер произнес новое слово – Слово Страх. А если мне только кажется, что мне кажется? А если не выдержу... умру... вот сейчас... от страха боль ударила с новой силой... стыдно... а вот и нет, ничуть не стыдно, это выше сил...

Во мрак упало еще одно слово – Слово Стыда. Ко всему добавился тошнотворный стыд за переживаемый ужас и боль, за неспособность справиться с ними, почти до потери рассудка... но ведь кончится же это когда-нибудь...

Слово Отчаяния. Это никогда не кончится. Даже если я умру. Скотина Керавар. И носит же земля таких. Ходит, дышит. Если очень постараться, больше не будет. Конечно, даже думать больно, не то, что душить его, но что делать, больше нечего...

И последнее – Слово Одиночества. Больше не было никого. Была боль, страх, стыд, отчаянье, был сам джет, и больше ничего и никого, даже ненавистного врага. Он был один во всем мире – но и мира тоже не было.

Джет закричал. Внезапно боль и прочее отступили, исчезли. Как и предполагается, совершенно бесследно. Джет чувствовал жгучий холод: еще бы, он весь мокрый насквозь. Он... джет снова коротко вскрикнул.

– Кто? – тихо произнес он, потом снова закричал. – Кто я такой? Как меня зовут? Как меня зовут?

Мастер Керавар бешено взглянул на него. Даже маги не могут убивать взглядом; во всяком случае, Керавар не умел, иначе убил бы. Он стоял, тяжело и быстро дыша от гнева, потом поднял руку, отвесил джету пощечину в полную силу и вышел так быстро, словно за ним гнались...

– Полегче, малыш, – пробормотал Иллари, утирая лоб, – полегче. Я пока еще тоже жить хочу.

– Прости, господин, – сдавленно произнес джет, тоже утирая холодный пот.

– Пустое, – раздраженно махнул рукой Иллари, – оставь. Да какой я тебе сейчас, к лешему, господин? Я государственный преступник, а за мою голову объявлена награда. Считаю, что мы с тобой друзья, идет?

Повеселевший джет благодарно кивнул. Причина внезапного

порыва Иллари была, однако, совсем иной. Он и сам не признался бы себе в том, что заставило его предложить дружбу вассалу. Просто высокомерие Иллари так и не переросло в спесь, столь свойственную столичным придворным, а врожденное чувство справедливости не позволило ему считать себя господином человека, который настолько превосходил во всем его самого.

– Что-то я опять проголодался, – почти пристыженно произнес Иллари, чтобы сгладить возникшую неловкость.

– Ой, я совсем забыл! – воскликнул джет и принялся разгребать угли.

Новая порция клубней успела не только испечься, но и остыть. Джет подбросил еще углей, закопал в них еще несколько клубней и принялся вместе с Иллари уплетать остывшее лакомство, которое отнюдь не стало менее вкусным.

– Крепкая у тебя выдержка, – невнятно произнес Иллари с набитым ртом, все еще не в силах оправиться после недавнего потрясения. – И как ты еще ухитрился сохранить рассудок?

Джет поднял на Иллари свои лиловые глазищи.

– Тогда или потом? – без улыбки спросил он.

– И то, и другое.

– Тогда – не знаю. Разве что чудом. А потом... – в глазах джета вновь замерцала тоска по дому. – Когда мне объявили приговор... ну, об изгнании... я пошел попрощаться с Деревьями. Этого мне запретить не могли.

Вновь ветер воспоминаний донес до Иллари восхитительный запах волшебной рощи.

– Они как раз цвели... и были такие красивые... я не мог уйти от них, не мог... и я сорвал себе веточку на память. Я ничего не знал тогда... что в изгнании сходят с ума, не знал... и почему, тоже не знал. Это уже потом, когда я побродил по городам и увидел...

Джет судорожно сглотнул, и Иллари мысленно содрогнулся вместе с ним. Какой же ужас должен был испытать мальчишка, увидев своих изгнанных соотечественников, превратившихся в грязных, нищих безумцев. И насколько больший ужас он пережил, сообразив, что и ему была уготована та же участь. Даже и без слов джета Иллари знал, как тоскливое непонимание терзает джета: он-то отчего не сходит с ума? Как долгими бессонными ночами он в мучительном ожидании прислушивается к собственному разуму: не началось ли? Как он, едва усталость берет верх и властно требует сна для измученного тела, с воплем вскакивает, еще не до конца проснувшись, ибо снилось ему, что безумие подкралось и овладевает его рассудком.

– Ну, потом-то я сообразил, что с ума я все никак не схожу и

не схожу, и мне немного полегчало. Уже совсем потом я понял, что это из-за веточки. Может, я бы и не догадался, но я делал сам такие талисманы: кусочек дерева в серебре на цепочке.

– Так, значит, кое-кто у вас в Джетевене имеет возможность выйти наружу? – сразу понял Иллари.

Джет кивнул.

– Еще когда меня пытались зарезать на городском базаре, все стало ясно. Кирпичи в меня швыряли безумные джеты, но тот, кто им приказал, вполне разумен.

– Праведные солнца! Теперь я понимаю, почему ты стремился забиться куда-нибудь подальше от Джетевена. Другого в толк не возьму Кто и зачем тебя преследует?

– Мастер Керавар, наверное, – пожал плечами джет. – Больше некому. И за что он меня так ненавидит?

– Ненавидит? – скептически поднял брови Иллари. – Поверь моему опыту придворного интригана: если тебя преследует он, то это никак не ненависть. Это страх. Он тебя боится.

Джет откровенно засмеялся.

– Да за что ему меня бояться?

– Не знаю, – уступил Иллари, – но он тебя боится. Слушай, сопляк, я в таких вещах разбираюсь получше твоего, хоть ты у нас и всезнайка. То, как он тебя ломал... а теперь преследует чужими руками – это не ненависть. И пощечина, – Иллари непроизвольно коснулся щеки, вспыхнувшей от воспоминания. – Разве ты не понял, почему он тебя ударил? Он тебя мучил со вполне определенной целью, а разозлился оттого, что не был уверен, достиг ли ее.

– И что это за цель? – спросил джет уже менее недоверчиво.

– Тут я могу только догадываться, – признался Иллари. – Но сдается мне, он хотел, чтобы ты что-то забыл. Что-то бесконечно для него важное. Ты забыл многое. Даже собственное имя. Но он не уверен, забыл ли ты то, что должен забыть.

– Если я что-то такое и знал, – передернул плечами джет, – то сейчас и понятия не имею.

– Этим мы потом займемся, – пообещал Иллари. – Не бегать же тебе всю жизнь от кирпичей перелетных. Пока мы не разберемся во всем, ты в опасности. Почему, ну почему ты не рассказал мне обо всем еще дома? Мы бы что-нибудь придумали вместе. Ты так за меня боялся?

Джет тяжело вздохнул.

– За себя тоже. Чем меньше ты знал, тем больше у меня было надежды на спасение.

– Это еще почему? – обалдел Иллари.

– Видишь ли, Мастера Слов не всесильны. Есть и на них

управа. Мастера Смысла.

– А эти чем занимаются? – любопытствовал Иллари.

– В обычной жизни – ничем особенным. Совершенствуют свое мастерство на радость всем прочим. Но в схватке с настоящим Мастером Смысла у Мастера Слов нет шансов.

– Но тайны-то тут при чем? – не уступал Иллари.

– Я с первого взгляда увидел, что из тебя может выйти Мастер Смысла.

Иллари открыл рот – да так ничего и не сказал.

– Обучение Мастера Смысла – вещь сложная. Понимаешь, если дело дойдет до единоборства, Мастер Смысла должен подчиняться только своему наитию, а не инструкциям, иначе он обречен. Если бы я тебе все рассказал, у меня не было бы и тени надежды. Ты стал бы мучительно искать в уме правила и предписания, как быть в таком хитром деле – и погиб бы. От моего молчания зависела наша жизнь, твоя и моя. Я обучал тебя – медленно, постепенно, исподволь. Но закончить не успел. Остается надеяться, что твоя природа возьмет свое и довершит начатое.

– Но кто такие Мастера Смысла?

В ответ джет лишь улыбнулся широко – и только. Очевидно, сведения эти принадлежали к тем, о которых будущему Мастеру Смысла знать до поры до времени не положено.

– А сам ты тоже Мастер Смысла? – едва задав вопрос, Иллари понял, что глупость сморозил: стал бы Мастер Смысла, способный справиться с преследующим его волшебником, бегать от него, как заяц?

– Увы, нет, – вздохнул юноша.

– Но как же ты меня обучал? – возопил окончательно сбитый с толку Иллари.

– А разве обязательно нести яйца, чтобы уметь поджарить яичницу? – ехидно парировал джет. – Что-то холодно становится.

– И то правда, – Иллари подкинул хвороста в костер. – Знаешь что, давай-ка спать. Завтра поговорим.

Назавтра, несмотря на их обоюдный интерес к разговору, возобновили они его не сразу. Слишком уж приятное утро приветствовало их пробуждение. Росистая трава сверкала тысячами крохотных солнышек, в воздухе дрожали и вспыхивали бесчисленные маленькие радуги. Умывание в ручье освежило обоих путников, а клубни, запеченные джетом с вечера, показались просто восхитительными. В такое утро хотелось быть беспечным и не думать ни о чем неприятном.

Так что разговор начался лишь тогда, когда Иллари и джет,

уничтожив следы своего пребывания у ручья, тронулись в путь.

– И все-таки я хотел бы знать, зачем мы идем в Вейдо? – спросил джет, на ходу срывая с куста горсть ягод.

– Изволь, – немедленно откликнулся Иллари. – Но предупреждаю, что мой рассказ будет ненамного веселее твоего.

– Что поделать, – философски вздохнул джет.

– У нашего красноногого императора, – начал Иллари, – есть сын. И император ненавидит его так, что и представить себе невозможно.

– Собственного сына? – удивился джет. – Слушай, а может это вовсе и не его сын?

– Его, его. Сам увидишь. При таком-то сходстве... но император возненавидел принца с момента рождения. Он и матушку его свел в могилу этой ненавистью. Так что живется принцу, как всякому сироте, и даже хуже. С ним никто не считается. Чтобы подлизаться к императору, его всячески унижают. Праведные солнца – да у узника в темнице больше свободы передвижения, чем у него, и радостей тоже больше, хоть и поверить в такое сложно.

– Я тебе верю, – кратко ответил джет.

– Как-то так оно вышло, что мы с принцем Акарени сдружились. Собственно, он мой единственный друг, кроме тебя. А у него и вовсе на всем свете нет никого, только я один.

– Понимаю, – тихо отозвался джет, и Иллари на краткий миг ощутил его понимание.

– А тут вечные раздоры с Вейдо. Император вел себя похуже уличного пьяницы. Вовсю запахло войной. И он не нашел ничего лучше, чем отправить принца в Вейдо заложником.

– По крайности, там его император не достанет, – произнес джет.

– Как сказать. У меня есть приятели в имперской канцелярии. Я узнал, что император в самом скором времени собирается объявить войну Вейдо. Понимаешь, что это значит?

– Еще бы не понять!

– Ну, тут я малость спятил, – признался Иллари. – Погубит меня когда-нибудь моя наивность. Я, как последний дурак, помчался к императору. Ну, и разговор у нас с ним был! Императору оставалось сделать только одно. Он заявил, что ни в коем случае не желает допустить смерти сына – вранье, конечно – и что раз я так ему так бесконечно предан, то меня он и отправит ему на выручку, пока война не началась. Разумеется, неофициально. И если я попадусь, то он от всего отопрется, и расхлебывать мне придется самому.

– Скотина! – воскликнул джет.

– Согласен, – усмехнулся Иллари. – Вот и пришлось мне удирать, толком не успев ничего продумать, пока этот хобот не соизволил изменить решение и не приказал убить меня в собственном доме. Зато людей наперехват выслал честь по чести.

– А что ему мешает начать войну прямо сейчас? – подумав, спросил джет.

– Типун тебе на язык! – возмутился Иллари. – По счастью, армия еще не готова к войне. Император уже проиграл три кампании. Еще одна, и на троне ему не усидеть. Это если войска Вейдо и вообще не выгонят его пинками из дворца. Нет, прямо сейчас он воевать не станет. Но поторопится начать как можно раньше.

– Значит, и нам надо поторапливаться, – заметил джет.

Иллари кивнул, и разговор оборвался. Взаимные расспросы вновь начались на привале, когда джет соорудил роскошную трапезу из жареных грибов, кусочков сушеного мяса из своих дорожных припасов и ягодного соуса, приготовление коего он после долгих уговоров доверил Иллари. Приготовленное было уничтожено до последней крошки. Утолив голод телесный, Иллари порешил утолить также и голод умственный, и пристал к джету с новыми расспросами. О Мастерах Смысла джет отказывался говорить наотрез, зато об остальном рассказывал много и охотно.

– Мастера Слов обучить трудно, – поведал он между двумя глотками родниковой воды. – Почти так же трудно, как Мастера Смысла.

– Почему? – с жадным любопытством спросил Иллари.

– Понимаешь, все эти сказки про магические книги, в которых записаны заклинания и волшебные слова – ну, это сказки и есть. Таким способом Слова не передаются. То, что в устах одного заставит рухнуть горы, из уст другого и камешка не пошевелит.

– Ты хочешь сказать, что Слова для каждого человека разные? – догадался Иллари.

– В общем, да. Кое-какое сходство есть, иначе обучение было бы невозможным. Основное в Словах сохраняется, но и только. Каждый сам должен найти свое звучание. Люди ведь разные. Характер, настроение, душевные склонности. Тембр голоса, в конце концов. На это уходят годы.

– А огонь ты тоже зажег с помощью Слова? – полюбопытствовал Иллари.

– Конечно, – джет протянул руку к сухой ветке и, уже не таясь, произнес Слово Огня. Ветка вспыхнула.

– Вот так.

Иллари соотнес Слово со своим характером, воспитанием,

возрастом, голосом и прочим, протянул руку к другой ветке, подражая жесту джета, и промолвил Слово по-своему. Ветка слегка затлела и угасла.

– С первого раза! – восхитился джет. – У тебя талант. Эх, сложись все по-иному, с каким бы удовольствием я тебя научил.

– Может, у нас еще будет такая возможность, – предположил Иллари. – А сам ты много Слов знаешь?

– Не очень, – признался джет. – Слов Воды, например, я вообще не знаю. Пряжа, ткань и вообще все, что делают из ниток, тоже мне почти не подчиняются. Но зато я знаю Слова Металла. Все до единого. Многие Слова Земли и Трав. Слова Исцеления – тоже не все, но многие. Кое-какие Слова Животных.

– Слова Трав – это я понял; сам видел, как ты у меня в саду с заморскими цветами управлялся. А Слова Земли – это что такое? Тоже из садоводства?

– Нет, – беспечно ответил джет. – Это, к примеру, землетрясение остановить или устроить. Или лавину, оползень...

– Оползень! – задыхнувшийся от внезапной догадки Иллари в упор взглянул на джета. Тот покраснел и отвел глаза.

– Значит, это твоя работа?!

Джет виновато опустил голову.

– Погоня была уже близко, – еле выдавил он. – Я не успел придумать ничего другого.

– Балда, я не сержусь. Ты же меня спас. А плащ и нож? Тоже?

Джет кивнул.

– Деньги, зашитые в плащ. Имена Металла. Я позвал их. И нож позвал.

Он произнес это так просто, будто говорил: «Я подстриг ногти». Похоже, для него так оно и было.

– А медведи? – настаивал Иллари. – И их ты позвал?

Джет снова кивнул.

– А в городе – это ты сам! – оживляясь, произнес он. – Это у тебя здорово получилось.

У Иллари сдавило горло. Он представил себе, как изо дня в день, невзирая на страх, испуганный мальчишка неотступно и незримо следует за ним. Все ближе и ближе к тем местам, что означают для него неминуемую гибель, где он пережил такой ужас и такие муки, от которых другой попросту рехнулся бы. Как он боится прозевать опасность нависшую вовсе не над ним, а над Болваном, которому поклялся в верности.

– Прости меня, малыш, – тихо произнес Иллари и приобнял джета за плечи.

– За что? – недоуменно спросил джет.

– За то, что я посмел в тебе сомневаться. Ты, кажется говорил,

что я храбрый человек? Так вот – это не я, это ты храбрый. Доведись мне пережить то, что ты пережил, и никакая сила не заставила бы меня вернуться.

– Ну, нет, – засмеялся джет. – Храбрый все таки ты. Не в обиду тебе будь сказано, но будь я таким растяпой по части путешествий, я бы в жизни из дому бы не вышел. Храбрости бы не хватило.

Иллари тоже засмеялся. Сомнительный комплимент джета напрочь развеял его смущение.

– Ну, раз ты такой дока, скажи, что нам делать дальше?

– А дальше я залезу на дерево и огляжу окрестности, – предложил джет и тут же привел свои намерения в действие.

Сидел он на дереве довольно долго, а когда слез, выглядел встревоженным.

– Плохо дело, – сообщил он.

– Погоня? – догадался Иллари.

– Не только. Еще какие-то люди. Одеты в цвета правящего дома Вейдо. Я попытался прочесть по губам, о чем они говорят, я умею, но очень уж далеко. Ничего почти не понял. Но о войне они говорили, это я разобрал. И о принце.

– Та-ак, – протянул Иллари. – Час от часу не легче. Выходит, в Вейдо проведали, что император готовится к войне. Тогда они, конечно, должны принять меры, чтоб люди императора не похитили заложника. Откуда им знать, что он был бы только рад и счастлив! – Иллари судорожно сжал кулаки. – Может, он сам этот слух и распустил, чтоб мне помешать. Эти люди охотятся на любого, кого император пошлет за принцем.

– Выходит, мы чуть не столкнулись с теми, кто тебя ищет, Иллари?

– Выходит. И назад вернуться нельзя: люди этого вислоносого придурка уже наступают нам на пятки. Придется немного отклониться в сторону, потом вернемся на тропу обходным путем.

– В сторону так в сторону, – согласился джет. – Главное – в какую?

– А что, есть разница? – Иллари беспечно мотнул головой вправо. – Хоть бы и туда.

– Можно и туда, – джет легко поднялся и набросил плащ на плечи. – Я готов.

Идти было очень легко. Лесная тропинка сама ложилась под ноги.

– Не исключено, что передовая разведка в поисках нас столкнется с людьми нашего бесценного императора, – мечтательно произнес Иллари. – Так сказать, охотники встретятся с охотниками. Дорого бы я дал, чтоб увидеть эту встречу.

– Вечно тебя так и тянет посмотреть на всякие непотребства, – усмехнулся джет.

– Не скажи, – возразил Иллари. – Самое непотребное зрелище, какое я видел за всю свою жизнь – это дворец нашего обожаемого императора. И посмотреть на него меня ну нисколечки не тянет.

– Я так понимаю, вчерашний кабак тебе больше нравится? – невозмутимо осведомился джет. Иллари засмеялся и швырнул в него шишкой.

– Да ты – опасная компания, – заметил джет. – Пойду-ка я вперед.

– Ты что – обиделся?! – не поверил Иллари.

– Ерунда. Ничего я не обиделся. Но лучше я все-таки пойду вперед. Вообще-то мне там быть и полагается. И разведывать дорогу. Все-таки я твой вассал.

– Ты мой друг, – сухо напомнил Иллари.

– Вот именно. Как твой вассал, я обязан быть впереди. А как твой друг, я хочу быть там.

– Что случилось? – Иллари понял, что мальчишка настроен серьезно. До сих пор чутье его не подводило. Может, и сейчас он прав? Да нет, не может быть! У Иллари тоже с интуицией дело обстоит не наихудшим образом, а она ему ничего не подсказывает.

– Пока ничего, – джет вздохнул, – и вроде впереди ничего не чувю.

– Так в чем дело?

– Я никогда не видел такой легкой дороги. Такой приятной. Солнышко, ветерок, тень от деревьев. Так хорошо, что даже плохо.

– Ты придурок, – убежденно заявил Иллари. – Ты предпочел бы тащиться по болоту по колено в вонючей жиже?

– Еще как! Болото – оно и есть болото, и пончики с вареньем в нем не предусмотрены. А когда вся моя дорога – это сплошные пончики с вареньем, я задаю себе только один вопрос: в котором из них крысиный яд? Я все-таки пойду вперед, Иллари.

– Как хочешь, – пожал плечами Иллари. – Заскучаешь один – возвращайся.

– Не заскучаю, – и джет неслышными быстрыми шагами ушел вперед.

Блажит парень, подумал Иллари. Впрочем, в его возрасте это так естественно. Будь у него побольше опыта, и он не заполнил бы короткие часы передышки воображаемыми опасностями, а отдыхал бы от настоящих. Ишь, как торопится!

Джет чуть замедлил шаг, обернулся и помахал Иллари рукой.

Зовет, что ли? Во всяком случае, улыбается, даже отсюда видно. Значит, ничего не стряслось.

Иллари улыбнулся ему в ответ и пошел быстрее. И тут же врезался головой в опустившиеся с грохотом крепостные ворота.

Крепость возникла из ничего так стремительно, что у Иллари в глазах потемнело. Ворота чуть не придавили ему ноги. Он отступил на шаг и протер глаза. Видение не исчезло. Да и какое это видение, если он об него едва нос не расквасил?

– Стой! – послышалось из-за ворот. – Куда?! Стой, падла!

– Вяжи его, вяжи!

– Ах, ты еще и лягаешься, скотина?

– По морде, по морде ему! Вот так!

Иллари судорожно сжал кулаки. Джет попался. Праведные солнца, зачем только они сюда свернули? Почему он не прислушался к джету, не повернул обратно? «Я твой вассал и твой друг, я обязан быть впереди и разведывать дорогу». Да ничего ты мне не обязан! Если я – твой друг и господин, это я обязан охранять тебя. И я не смог. Ошибся. Сглупил. Лопухнулся. Из крепости уже не доносится шум борьбы. Все. Взяли. Да, точно. Слышно, как его волокут по двору. Куда? Вот, малыш, и окончилась твоя дорога. И ведь это я во всем виноват. Сам пошел, тебя сманил. Когда б не мой растреклятый поход, сидел бы ты сейчас в оружейной и горя бы не знал.

Ну, нет! Мысль Иллари работала быстро и четко, не спотыкаясь о чувства. Ну нет же! Мы еще поборемся. Легче сказать, чем сделать. Не штурмовать же в одиночку эту каменную громадину! А зачем, собственно, штурмовать. Давай, Иллари, давай успокойся, подумай. Штурмовать вообще бессмысленно. Даже, если и не в одиночку. Стоит только людям из крепости понять, что наша взяла, и они попросту прикончат мальчишку. Извне его освободить невозможно. Только изнутри. Да, но каким образом? Забраться в незнакомую крепость, плутать по ней, казематы отыскивать? Глупости. Схватят, как котенка, не успеешь и пикнуть.

Схватят. Это мысль. Если схватят, то искать казематы не придется. Сами приведут и посадят. А оттуда уже можно как-нибудь выбраться. Притвориться, что понос одолел или вообще помираешь, стукнуть по голове... словом, выбраться можно. Потом, вдвоем, выйти они сумеют. Главное поторопиться. Кто их знает, вдруг они начнут пытать мальчишку? Тогда дело плохо, тогда он не сможет идти сам, тащить его придется. Тогда выйти будет намного труднее. И чем дольше медлит сейчас Иллари, тем труднее.

Словом, нечего думать, надо быстренько попасть в плен, там

разберемся.

Безумие. Чистейшей воды безумие. Ни один изгнанный джет не был еще настолько сумасшедшим, чтобы в его мозгу родился подобный план. К сожалению, все разумные планы удачи не сулят.

Иллари обвел глазами лес, небо, дорогу, стараясь запечатлеть их в памяти перед неволей, вздохнул глубоко, мысленно выругал себя последними словами и полез на дерево возле крепостной стены.

Стена была слишком высока, чтобы прыгать через нее во двор, вымощенный тесаным камнем. Иллари спустился во двор по веревке, дивясь беспечности сторожей. Как вымерли все, честное слово. Или они так рады поимке джета, что и думать забыли об остальных? Хмм... Скорее его считают по сравнению с вождленным джетом настолько мелкой сошкой, что даже не дают себе труда его остерегаться. Не очень приятная мысль. Иллари беспрепятственно пересек двор и вошел в крепость, стараясь ступать тихо, но не слишком. Все должно быть правдоподобно, и он не может привлекать к себе внимание, топая, как пьяный бык. Нарочито и неубедительно. Но и идти бесшумно не стоит, иначе он рискует проплутать незамеченным по крепостным коридорам, покуда у него седая борода не вырастет, и не найти ни джета, ни выхода наружу. Внутреннее устройство крепости не обмануло ожиданий Иллари: как он и думал, то был сложный лабиринт, где бесполезно держаться правой стороны или ставить метки. Подобное может выручить, если лабиринт занимает не больше одного уровня, а здешний, подозревал Иллари, раскинулся уровня на три-четыре. Выход Иллари найдет, в этом он не сомневался: его зрительная память была уникальной. Но найдет ли он джета? Или сколько-нибудь добросовестных стражников, чтоб они его схватили и доставили на место назначения?

На стражников, совершавших рутинный обход лабиринта, Иллари наткнулся за ближайшим поворотом. Немного поспротивлявшись для вида, он был схвачен, пойман, связан и пинками под зад препровожден в одну из подземных камер.

Факелы под потолком нещадно трещали и чадили, давая больше дыма, чем света. В очаге пылало жаркое пламя. У противоположной стены сидел высокий грузный человек, одетый богато, но слишком тепло. У ног его на маленькой скамеечке сидел палач и рассеянно играл сам с собой в карты.

У Иллари пересохло в горле. Какой же он дурак! Его план был действительно безумием. Только с горя и можно до такого додуматься. Если бы он не позволил отчаянью овладеть собой!

Если бы он подумал хорошенько! А теперь все действительно кончено. Его притащили не просто в камеру, а в допросную. Уж здесь-то его живо разделают на котлеты. И никого он не спасет.

Прости меня, мальчик. Я болван.

– Пожаловал, значит, – брюзгливо произнес тучный господин. Внезапно он встал, подошел к Иллари и залепил ему оплеуху. – Это чтоб ты окончательно понял, где ты находишься.

Да я и так понял, подумал Иллари.

– Собственно, ты нам не был нужен. Заплачено было за поимку твоего дружка, джета. Разумный человек повернул бы назад и не стал искушать судьбу понапрасну.

Я неразумен, яростно подумал Иллари.

– А ты вот сам полез. Твоя воля. Ну, раз уж ты здесь, может, мы и ошиблись. Может, тебя с самого начала тоже стоило взять. Впрочем, мы сейчас это проверим.

Он хлопнул в ладоши. У правого плеча Иллари возник стражник.

– Принеси ящик, – коротко велел тучный.

Стражник кинулся выполнять приказание. Тучный расхаживал по камере: пять крупных шагов туда, пять обратно.

– Сейчас мы все узнаем. Что ты за птица и почему последовал за своим приятелем, и прочее такое. Все узнаем.

Стражник втащил в камеру довольно большой железный ящик с округлой крышкой сверху. В ящике что-то металось и пищало.

– Все узнаем, – с наслаждением повторил тучный. – Раздеть его.

Окончательно Иллари пришел в себя уже в камере, куда его толкнули с издевательским хохотом, швырнув следом одежду. Несмотря на боль от побоев, Иллари был безмерно счастлив: ничего худшего с ним не произошло.

В другое время он был бы в бешенстве. Его, потомственного аристократа и владетельного сеньора, не драли даже в детстве. Доведись ему в любых других обстоятельствах познакомиться с розгами, и в горле его клокотала бы черная ярость до тех самых пор, пока он не поквитается с обидчиками за пережитый позор. Но теперь рубцы на спине напоминали лишь о том, что самого страшного не случилось.

Какими дураками мы бывали в детстве, думал Иллари, одеваясь. Слушаем баллады о великих героях. Всякий треп сказочный. Как какой-нибудь несусветный богатырь претерпел жуткие мучения и потом, бежав из плена, перекусал всех злодеев голыми руками. На кинжале повесил. И прочее столь же

правдоподобное. И нам это, кажется, нравилось. Как же вдохновенно мы слушали, когда в балладе очередной герой смеялся в лицо своим мучителям, покуда они кнутами выдирали из его спины столько мяса, что хватило бы накормить батальон людоедов. И сами пересказывали подобные байки, соответственно преувеличивая. Интересно, почему нам все это так нравилось? Призадуматься – понять можно. Какой мальчишка не мечтает совершить что-нибудь эдакое, из ряда вон выдающееся?

Разумеется, мы представляли себя на месте героя-мученика, и притом с полной верой, что сможем выдержать то же самое. И мысль касается тех же участков тела, что и хлыст, но касается изнутри – мягко, ласково. А представление о собственном героизме приятно возбуждает. Наслушаешься подобных историй, и начинаешь воображать себя невесть кем. И мечтают идиоты оказаться на месте чудо-богатыря, чтобы проявить небывалое мужество и чувство собственного достоинства.

Вот и попробуй сохранить достоинство, когда тебя сажают голой задницей на ящик с крысами, и судьба твоей мужской принадлежности зависит от сущей малости: сыты ли крысы, не устали ли? Захотят ли прыгать?

Иллари безумно повезло. Оголодавшая крыса недавно загрызла и съела своих товаров по заключению. Сытый желудок и утомление после битвы не располагали ее к высоким прыжкам. Она лениво повозилась на дне ящика и улеглась баиньки. Ее даже не волновала любимая пища, соблазнительно висевшая над головой. Разумеется, понятно это стало не сразу, и страху Иллари натерпелся – рассказать невозможно. Будь вместо ящика клетка, и мучители мигом обнаружили бы сытую крысу в городом одиночестве и исправили бы упущение. Вдоволь насладившись созерцанием Иллари, которого трясло от ужаса, тучный господин велел всыпать пленнику горячих и отвести его в камеру. Пока.

Горячих всыпали. Иллари зашипел, когда рубашка прикоснулась к спине. Ладно, все это мелочи. Он бывал ранен, и часто испытывал при этом более сильную боль, и крови терял больше. Не спина должна его сейчас заботить, и не рассуждения об идиотских балладах. Конечно, после счастливого избавления порассуждать на посторонние темы куда как приятно. Но времени на это нет. Вот если спастись удастся, тогда можно и порассуждать. Пока же надо придумать, как выбраться из камеры, и найти джета, спасти его и покинуть с ним крепость. И побыстрее. Пока тучному мерзавцу не пришла в голову фантазия заменить сытую крысу голодным удавчиком. Или еще что-нибудь меланхоличное и прекрасное. И пока с джетом не сделали чего-нибудь непоправимого. Ознакомившись с изощренным

воображением своих мучителей, Иллари не сомневался: малейшее промедление обернется для мальчика такими крошечными страданиями, что до конца жизни Иллари не искупит своей невольной вины за промашку.

Причем придумать надо что-то новенькое. Все прежние идеи никуда не годятся. Беспечное высокомерие обитателей колдовского замка внушило Иллари совершенно ложное представление о их способностях. Но уже в допросной он понял свою ошибку. Это наемники-профессионалы, которым нет нужды красться за ним по пятам, чтобы схватить, когда потребуется. Профессионалы. И ни одного охранника никаким воображаемым поносом или демонстрацией мнимой смерти в камеру не заманишь. Ни-ни. А уж если охранник и войдет, то не раньше, чем поставит у дверей двух-трех вооруженных обломов, уже будьте покойны. И все же выбраться отсюда как-то надо.

И тут Иллари напрягся. До его слуха донесся дикий нечеловеческий крик. В этом вопле не было ничего даже отдаленно напоминающего голос юноши, но Иллари его узнал. Кричал джет. И по безграничной муке, исторгшей этот крик, Иллари понял: джета пытаются не просто обычные мерзавцы с извращенным воображением, вроде тех подонков, что издевались над ним самим. Нет, джета допрашивал Мастер. Палач-маг.

Жуткий вопль поразил сознание Иллари и распахнул его. И снова, как когда-то у болота, Иллари видел не глазами и слышал не ушами. Только на сей раз в представшей его мысленному взору картинке не было ничего неясного, расплывчатого. Ведь то были уже не воспоминания, а сама действительность.

Судя по тому, что большую часть поля зрения занимал свободный каменный потолок, джет лежал на спине. Его мучитель нависал над ним. У него ничего не было в руках, но он говорил. Все время говорил, и от черной магии его речи джет извивался от боли. С шеи палача-мага свисала серебряная цепь и покачивалась мерно над самым лицом джета, то исчезая, то снова появляясь.

– Говори, змееныш! Что ты прочел в архиве? Говори!

Но джет не мог говорить. Он был буквально парализован болью. Иллари отчетливо ощутил его мысль: вот если бы эта боль хоть на мгновение ослабла, ничто мне бы не помешало, ни кандалы, ни магия твоя дурная. Похоже, что так: палач-маг был мастером лишь в своей, весьма узкой области, а способности джета были хоть и поменьше, но несравненно шире. Пожалуй, лишь минутное замешательство джета и позволило Мастеру Боли одержать верх. Он и сам это знает, и не дает джету ни малейшей передышки. Так ведь и убить можно, мелькнуло в голове у Иллари. За этой мыслью тут же последовала другая: к сожалению,

нет. Этот гад свое дело знает, и смерти истязуемого не допустит.

Жуткое зрелище начало терять остроту красок: джет почувствовал Иллари и последними остатками воли попытался оторваться от него. Иллари вцепился в его сознание мертвой хваткой и не отпустил.

– Отдай мне твою боль! – разумеется, Иллари не облек свою мысль в слова, тем более такие, но смысл приказа для джета был очевиден.

– Нет! Ты не выдержишь! Уходи! – джет сделал еще одну попытку оторваться от Иллари.

– Заткнись! Сопляк! Ты мой вассал, и я приказываю! – мысленно загремел Иллари. Зычный мысленный окрик заставил джета вздрогнуть и потерять контроль над собой.

И на Иллари обрушилась волна боли. Боль, стыд, страх, унижение – чудовищные, невысказанные. О, разумеется, не целиком, не в полной мере. Полностью такого обычному человеку – а Иллари именно им и был – действительно не выдержать. Но длилось это не более минуты, а потом страдание схлынуло, и тело исполнилось пьянящим блаженством избавления. Только человек, испытавший боль, понимает, какое это невыразимо восхитительное ощущение: дышишь, а не больно!

Видение вновь стало отчетливым. Полузадушенный собственной цепочкой палач-маг упал на стол, а джет сноровисто связывал его руки за спиной. На столе валялись кучки бурой ржавчины: очевидно, все, что осталось от кандалов. Быстро же джет с ними расправился! Покончив с руками палача джет первой попавшейся тряпкой молниеносно заткнул ему рот, потом еще несколькими тряпками закрепил импровизированный кляп. Только тут цепочка по приказу джета разжала свои объятия. Джет сорвал ее с шеи владельца. Лицо палача выразило мольбу и ужас. Иллари понимал причину этого ужаса, и испытывал мстительное удовлетворение. Особенно, когда джет извлек из-за пазухи палача свой собственный талисман и со вздохом облегчения надел. Мерзавцы! Они лишили мальчика единственной защиты от безумия, и лишь потом начали пытаться. Вот пусть теперь сами попробуют, насколько это приятно: ждать сумасшествия и чувствовать, как оно мало-помалу выедает мозг! Иллари не смог рассмотреть, что висело на цепочке, но не сомневался ни на мгновение: там был талисман. Точно такой же как у джета. Ведь Мастер Боли сам был родом из Джетевена.

Иллари ощутил восторженную благодарность джета.

Потом видение оборвалось.

Ну, вот. Мальчик на свободе. Если других уроженцев Джетевена в крепости нет, его ничто не остановит. Скоро он

придет за Иллари, и они вдвоем покинут крепость. Остается только немного подождать.

Иллари устроился поудобнее и принялся ждать.

Прошло совсем немного времени, и дверной замок загремел. В дверях возник джет. Лицо его за эти часы заметно осунулось, но он улыбался.

– Пойдем отсюда, – сказал он.

– С удовольствием, – весело произнес Иллари и вышел из камеры вслед за джетом.

– Можешь не стараться идти тихо, – вполголоса произнес джет. – Мастер Боли связан, а остальные нас не услышат, даже если нам в голову взбредет гимны распевать.

– Я так понимаю, ты и об этом позаботился, – засмеялся Иллари.

– Нет, – джет покачал головой. – Об этом позаботился сам Мастер Боли. Очень уж ему не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал мое признание, даже случайно. Так что все обитатели замка спят мертвым сном. Тебя это, конечно, не коснулось.

– Разумеется. Он, скорее всего, не знал, что меня схватили, – предположил Иллари. При слове «схватили» джет выразительно посмотрел на него, и Иллари покраснел, как ребенок, застигнутый взрослыми, когда он кладет маме под подушку праздничный подарок.

– Может, и не знал. Он вообще много чего не учел, так торопился допросить меня, – ответил джет, внимательно вглядываясь в закоулки лабиринта. Если Иллари собирался выйти наружу, рассчитывая на свою память, то у джета, похоже, карта в голове.

– А мне казалось, у них все предусмотрено, – удивился Иллари.

– Никоим образом. Будь у них все предусмотрено, твои мысли не встретились бы с моими. Понимаешь, та камера, куда меня сунули поначалу, надежно защищала меня от подобных попыток. А твоя нет. Тебя сунули в каменный мешок для обычных людей.

– А допросная? – спросил Иллари. – Разве ее не должны были защитить от мысленной связи в первую очередь?

– С допросной вообще ерунда получается, – вздохнул джет. – И с самим допросом тоже. Понимаешь, Мастер Керавар велел захватить меня. Только захватить. Живым или мертвым.

– Так тебя вообще не собирались допрашивать? – понял Иллари.

– Вот именно. Я так понял, это вообще была личная идея. Логика железная: раз Мастер Керавар так хочет меня заполучить,

значит, я обладаю очень важной информацией. Этот подонок и постарался ее из меня вытрясти. Разумеется, для себя лично. Еще б я знал, что это за сведения.

– Подумаем в более спокойной обстановке, – пообещал Иллари, – сообразим.

– Если б не ты, не видать бы мне этой спокойной обстановки. И как ты смог? Я думал, у тебя сердце лопнет.

– Чуть не лопнуло, – признался Иллари. – Зато ты свою передышку использовал вовсю. Я так и не понял, что ты такое сделал.

– Придушил его собственной цепочкой и рассыпал кандалы, – хмуро ответил джет.

– Ах, да, ты же говорил, что знаешь имена металла, – вспомнил Иллари. – Неужели любого?

– Любого. А этого в особенности. Оправа сделана руками моего Мастера. А цепочки такие все ученики делали. Может, эту делал я сам, – лицо джета исказилось гневом и отвращением. – Знали бы мы, для кого!

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что на досуге мне придется много о чем подумать.

– А что ты будешь делать с талисманом? – любопытствовал Иллари.

Джет задумался лишь на одно мгновение. Потом он уверенным движением извлек из-за пазухи талисман в причудливой серебряной оправе.

– Возьми его, – просто сказал он.

– Да ты что! – задохнулся Иллари. – Такой подарок... я не могу... ты добыл его, рискнув жизнью.

– Положим, это ты добыл его, рискуя жизнью, – возразил джет. – Без тебя он так бы и остался у прежнего владельца. Возьми его. Пожалуйста. Мне нечем больше выразить то, что я чувствую, а очень хочется. Понимаешь, у нас эти дурацкие обычаи не благодарить за спасение жизни не в ходу. Благодарность оскорбит тебя, я знаю, а талисман – нет. Бери. Это ничего, что он повисел на шее у мерзавца. Сделали его чистые руки.

Иллари молча, с благоговейным трепетом принял оправленный в серебро кусочек священного дерева. Однажды испытанная им свежесть чувств и ясность мысли отныне будут принадлежать ему по праву.

– Погоди немного, – джет коснулся рукой его плеча. – Тут неподалеку апартаменты этого подлеца. Я хочу кое-что оттуда взять. Обожди меня, я мигом.

И, не дожидаясь согласия Иллари, джет нырнул в какой-то

проулок.

Вопреки обещаниям джета мигом обернуться, ждать пришлось довольно долго. Наконец джет появился снова – запыхавшийся, сияющий. В руках он держал немислимо изукрашенный жезл, короткий и явно очень тяжелый. Пестрота драгоценных камней слепила глаза.

– Зачем тебе эта дура? – изумился Иллари. – Морду кому-нибудь разбить?

Джет покачал головой.

– Это ключик, – сообщил он.

– Что? – не понял Иллари.

– Мне очень неохота лазить через стену, – признался джет. – Я немного устал.

Слово «немного» содержало редкостную долю преуменьшения, но Иллари не стал спорить.

– Ключик так ключик, – согласился он. – А замочек где же?

– Скоро увидишь, – пообещал джет.

Еще несколько поворотов – и они оказались у двери. Джет коснулся ее кончиками пальцев и произнес нужные Имена. Железные запоры рассыпались рыжей пылью. Дерево рухнуло, во мгновение ока источенное червями.

– Сильно сделано! – восхитился Иллари. – Знаешь, тебя лучше в плен не захватывать. Больно для кошелька накладно восполнять потом ущерб.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся джет.

Никем не потревоженные, они пересекли двор и уперлись в крепостную стену.

– Где тут у них ворота? – спросил Иллари, осматриваясь в поисках вышеупомянутой архитектурной детали.

– Здесь, – усмехнулся джет. – А ну, шкатулочка, откройся-отворись!

И с этими словами из детской сказки он изо всех сил метнул жезл в крепостную стену, как короткое копьё.

Жалко блеснули в лунном свете драгоценные камни, разлетаясь в разные стороны. Жезл переломился пополам. Иллари отступил на шаг и изумленно охнул.

Не было больше крепостной стены. И крепости тоже не было. Была только трава под ногами и деревья вокруг. И больше ничего.

– К-как это? – бормотнул Иллари. – Где... крепость-то?..

– Нигде, – улыбнулся джет, – ее и не было. Это морок. Я тоже сначала подумал, что настоящую крепость сделали невидимой, а потом понял – нет. Иначе бы я почувал.

– Ты и так почувал. То-то тебе не хотелось идти по слишком легкой дорожке.

– Легкой – не то слово. Меня на нее просто тянуло. Вот я и насторожился. Простую засаду мне не учуять, тут даже ты умней меня, а наши джетские фокусы я за милую чувствую.

Наивно пренебрежительное «даже ты» Иллари проглотил без возражений. Джет был прав: Иллари куда более искушен в дворцовых интригах, нежели в распознавании засад. Боец он отменный, да только мастерство его выковано в уличных стычках и дуэлях. Других боев он, горожанин до мозга костей, за свою жизнь и не видел. И у джета маловато опыта. Правда, до сих пор он уходил от убийц, но скорее благодаря везению, чем умению. Что ни говори, а попадись им на пути действительно опытные, умелые воины, и худо им обоим придется.

– А откуда она взялась, эта крепость, если ее не было?

– Мастера Слов поработали. Стоит мне ступить в эту часть леса, и он превращается в крепость. Может, тут таких заколдованных мест много. Чтоб не миновал. Поэтому-то я и говорил тебе, что вдвоем со мной идти опасно. Ловушка была расставлена на меня, а не на тебя. Любой может пройти беспрепятственно, а меня она узнает и захлопнется.

– Об этом мы уже говорили, – напомнил Иллари. – Идем вдвоем, и все тут. Люди из этого капкана за нами не погонятся?

– Люди уже там, откуда они взялись. Как только крепость рухнула и исчезла, их унесло обратно. Домой, по теплым постелькам, – джет злорадно усмехнулся. – И Мастер Боли тоже. Связан честь-честью. Скорей всего, он попросил не беспокоить его. Или даже объявил, что уедет надолго. Покуда его найдут, поголодать ему ой как придется. А потом он будет докладывать, как он меня упустил, самому Мастеру Керавару.

– Приятная мысль, – согласился Иллари.

– И все-таки, чего он от меня хотел? – задумчиво произнес джет.

– Вроде он что-то говорил об архиве, – напомнил Иллари.

– Вроде. Но я не могу представить, что же я такого прочел в архиве, – джет пожал плечами. – Ничего интересного. Или я все-таки это забыл?

Иллари тоже пожал плечами, и лицо его слегка передернулось болью. Наблюдательный джет не стал задавать лишних вопросов. Не останавливаясь, он коснулся Иллари кончиками растопыренных пальцев, и через пару мгновений Иллари снова пожал плечами, на сей раз с удовольствием.

– Не думаю, что ты это забыл, – помолчав, произнес Иллари. – Иначе стал бы Мастер Керавар подсылать к тебе убийцу и гоняться за тобой по всей Иматраве? Ты не забыл этого. Но ты забыл, что ты это помнишь. Или – что это важно.

– Хорошо бы, если так. Мне это все покоя не дает. Я должен вспомнить. Раз уж все за этим гоняются... Хотя какой смысл? Могли бы сами залезть в архив и почитать.

– Балда! – наивность джета восхитила Иллари. – Они и так эти сведения знают. Им важно, чтобы ты их не знал. Ни ты, и никто другой. Уж поверь придворному интригану. В таких делах я лучше твоего разбираюсь.

Иллари ощутил даже легкое самодовольство, вполне законное: не так уж много на свете дел, в которых он или кто иной разбирался бы лучше джета.

– Похоже, ты прав, – признал джет. – Что-то я узнал недозволенное. И что от меня так старались скрыть?

– Тебе виднее. Это не я был в архиве, а ты.

Джет на ходу перебирал вслух отрывки, прочитанные им в архиве. Память у него оказалась изумительная. Иллари не сомневался, что цитирует он дословно. Вслушивался Иллари неохотно: хотя боль ушла, он чувствовал себя усталым и разбитым. Только сознание того, что неплохо бы побыстрее убраться с заколдованного места, чтоб чего не вышло, еще держало его на ногах. Иначе бы рухнул в траву и заснул. Он подумывал, не предложить ли джету устроить привал, но потом отбросил эту мысль, и продолжал идти, борясь с дремотой и подслеповато жмуря глаза.

– Повтори, пожалуйста, – зевнув, попросил он.

– Да, нет, пустое, в том правиле ничего тайного не может быть, – возразил джет, но послушно повторил слово в слово весь отрывок. Действительно, ничего особенного.

Из кустов, словно атакующая змея, вылетела веревочная петля и охватила тело Иллари. Вторая петля так же быстро и безошибочно изловила джета. Они не успели сбросить с себя путы, их сбilo с ног и покатило по земле. Прежде, чем они сумели хотя бы попытаться встать, из-за кустов выросли двое и мигом спеленали Иллари и джета по всем правилам этого нелегкого искусства.

– Смотри, Аррох, ты как в воду глядел, – обратился высоченный громила к своему поделщику. – Говорил, не надо уходить, хоть они и попались, и так оно и вышло.

– Ах, ты, цыпленочек! – Аррох потрепал джета по щеке, издевательская ласка сузила его глаза почти сладострастным прищуром.

– Не смей! – беспомощно крикнул Иллари. Джет молчал.

– Вырвался, значит, из крепости? – пропел Аррох. – От нас не вырвешься. Сейчас мы тебя на кусочки разделаем, и дружка

твоего, а тогда уж каждый кусочек волен идти куда угодно.

Расслабились, с горечью подумал Иллари. Распустились. Обрадовались. Решили, что все позади, и шли, как к себе в спальню. Все напрасно. И снова я не смог защитить тебя, малыш. Эти наемники нам с тобой не по зубам. Наемники... Может, предложить им деньги? Много денег.

Высокий громила молчал, словно исчерпал весь запас своих слов и ждал, куда наберутся новые. Аррох издевательски рассматривал сверху вниз своих пленников, явно выбирая, которого зарубить первым.

– Я дам вам денег, я заплачу. Хорошо заплачу. Отпустите парнишку, – попросил Иллари пересохшими губами.

Аррох рассмеялся каким-то идиотским смехом, не то гоготнул, не то гикнул.

– А как же, – лениво пропел он. – Вот прямо сейчас. Вместе с тобой.

Он несильно, но метко пнул Иллари в плечо. Связанный Иллари не мог избежать удара, и его покатило, как кеглю, по траве и скользким мокрым листьям. Он накатился на джета и вскрикнул.

– Спорим, я их обоих одним ударом? – обратился Аррох к молчаливому громиле. Тот отрицательно покачал головой – то ли не верил похвальбе Арроха, то ли вообще отказывался от пари.

– Спорим, – уверенно произнес Аррох.

Хвастун, горько подумал Иллари. Сейчас он убьет меня, ведь мое тело сверху, и меч застрянет в теле джета, причиняя ему бессмысленные мучения.

– Да удлинят несправедные солнца твой язык и да возвысят твое положение, – язвительно пожелал джет Арроху. Громила заржал.

– Смотри, ты, – удивленно обрадовался громила, – он еще и ругается.

– Как так? – возмутился Аррох. – Это же пожелание красноречия и высокого поста.

Громила вновь заржал. Даже Иллари с трудом сдержал улыбку.

– Да, если бы он пожелал именем праведных солнц. А именем неправедных – это пожелание, чтоб тебя повесили, – разъяснил громила. – Насмерть. И чтоб язык у тебя высунулся длинный-длинный – неприличным жестом громила показал, какой именно длины.

– Чтоб у тебя ухо стало такой длины, когда тебя за него приколотят к стенке, – обозлился Аррох. – Вот же дрянь сопливая!

В ярости он занес меч прямо с ножнами. Громила фыркнул.

Аррох взмахом стряхнул и отбросил ножны. Свет струился по лезвию и вспыхивал на острие.

Вот и все, подумал Иллари. Праведные солнца, избавьте мальчика от боли. Хотя бы перед смертью. Ему и так слишком много досталось.

Он заставил себя держать глаза открытыми. И тут раздался самый неожиданный в мире звук. Хохот джета. Даже у Арроха чуть дрогнула рука, замедлив на мгновение перед ударом.

– Рехнулся! – сочувственно произнес громила, откусил заусеницу и сплюнул.

Но джет не рехнулся, ему действительно было смешно. И еще он чувствовал страшное облегчение, поскольку смерть опять откладывалась. Но терять время попусту было некогда, ведь его так мало от замаха до удара. Не в силах перестать смеяться, джет попросту вплеl в свой смех такое, что Иллари от радости чуть не выпрыгнул из веревок.

Ослепительная дуга падения меча странно искривилась. Аррох что-то орал, пытаясь силой вновь заставить меч повиноваться, но клинок рассек веревки на Иллари и джете, не порезав даже одежды – не то, что кожи.

– Действительно, одним ударом, – флегматично подтвердил громила.

Иллари, шатаясь, тут же вскочил и бросился на него. Джет неторопливо сел, продолжая смеяться и заклинать.

– Я опять забыл, что ты умеешь заговаривать металл! – воскликнул Иллари, ударом по основанию шеи отправляя задумчивого громилу в обморок.

Аррох все еще боролся со спятившим мечом. Силы он был изрядной, и почти совладал с ним. Джет засмеялся громче. Очень громко и очень страшно.

– Иди ко мне! – повелительно и ласково крикнул джет, словно непослушному ребенку. – Иди же! ИДИ КО МНЕ!

Аррох застонал, вздувшиеся жилы оплели его лоб чудовищной сетью. Но через мгновение меч начал заводить его руки так, что еще секунда – и Аррох останется без головы. Пальцы Арроха разжались, меч со свистом стремительно рассек воздух и упал к ногам джета. И Аррох, измученный непомерным усилием, тоже рухнул в истоптанную грязную траву.

– Ну, вот и все, малыш, – пальцы джета ласкали рукоять, стирали грязь с клинка. – А ты боялся. Ты думал, я тебя не узнаю? Глупенький...

Меч трепетал, наполняя воздух томительно нежным мерцающим звоном.

– Так ты его знаешь? – поинтересовался Иллари, крепко

связывая изнемогшего Арроха, не способного даже сопротивляться. Громила невнятно замычал. Иллари быстро связал и его остатками перерезанных веревок – может, не так эффектно, как был связан он сам, но не менее надежно.

– Еще бы, – джет снова рассмеялся. – Как самого себя. Правда, дружище?

Меч ответил ему звонко и счастливо.

– Это ведь и есть я. В определенном смысле. Какой дурак, хотел бы я знать, вооружил этого дурака против джета мечом его собственной работы?

– Ты выковал... это?! – Иллари не мог отвести глаз от сияющего лезвия.

– Не «это», а «его», – поправил джет. – И не только выковал. Мы не делаем мертвых вещей. Каждая из них уносит часть нашей души.

– Немного же вы можете сделать за свою жизнь, – произнес Иллари, понимая, что слова о части души – не просто красивый оборот речи, но буквальная истина.

– Ошибаешься, – возразил джет, продолжая ласкать клинок. – Ты думаешь, вложить часть души – это как палец у себя отрезать? И больше не вырастет?

Иллари кивнул.

– А что, не так?

– Нет. Даже совсем. Это как прядь волос отрезать. Конечно, один за другим мечи не клепают. Понимаешь, надо, чтобы отрезанное выросло. Как бы это понятнее... словом, с лысины волос не отрежешь. Надо ждать, пока подрастут.

– Понимаю, – кивнул Иллари с наисерьезнейшим видом, хотя сравнение душевного пространства с лысиной его позабавило. – Слушай, а с этими-то что делать будем? Отпустить их нельзя, но убивать связанных как-то противно.

– Ваша светлость! – фыркнул джет – Кодекс чести и все такое. Дуэлянт несчастный, – и неожиданно признался – Мне тоже.

– Вот и я говорю. А оставлять их связанными – все равно, что убить. Даже хуже.

Он задумчиво и строго посмотрел на связанных.

– Не убивай, – хриплым шепотом попросил Аррох.

– Да кому ты нужен! – джет присел рядом с ним, кончиками пальцев ощупывая веревки. – Имена пряжи, нити, ткани и всего прочего я не знаю, но с узлами дело другое. Можно попробовать.

Он внимательно ощупывал узлы, уточняя, как же на самом деле звучат полужнакомые Имена. Наконец, лицо его озарилось радостью узнавания, и кивнув собственным мыслям, джет гортанным голосом произнес Имена.

– И что? – полюбобытствовал Иллари.

– И все, – ответил джет. – Через два дня веревки спадут с них сами. А до того, даже если их кто найдет, не развяжет и не разрежет. Звери их не заедят, птицы не расклюют, муравьи не ищут.

– А если они на помощь позовут? – спросил Иллари. – Если дозовутся, то смогут направить погоню по нашим следам.

– Не позовут, – уверенно ответил джет, легким касанием тронув веки громилы, а затем Арроха, погружая обоих в глубокий сон. Громила захрапел, не успев толком очнуться. Аррох во сне причмокивал, как ребенок, которому снится соска.

– Можно бы их, конечно, и развязать, – сказал джет, – их теперь и не добудишься, хоть уши им оторви. Но так оно будет вернее.

– Воистину! – торжественно заключил Иллари. – Знаешь что, давай-ка устроим привал. Не здесь, а где-нибудь неподалеку. И спокойно все обсудим. Я хотя спать уже и не собираюсь, весь сон слетел, а все же так устал, что никакой засады не замечу, будь она хоть в целый город величиной.

– Ты прав, – кивнул джет. – Мы сейчас только и можем, что угодить в какую-нибудь западню. Идем и ничего перед собой не видим. Пока мы в замке этом растреклятом торчали, дождь прошел, а мы и не заметили.

– Что там дождь? – вздохнул Иллари. – Я бы сейчас даже вертела с жарким не заметил.

Джет нагнулся и подобрал валявшиеся в траве ножи.

– Пойдем, – сказал он. – Я их потом, уже на месте почищу.

Найти место привала из-за недавнего дождя оказалось делом непростым. Все было скользкое, мокрое. Наконец Иллари приметил два дерева, на середине своей высоты сросшиеся вместе. Под их двойной кроной было сравнительно сухо. Плащ Иллари постелили на траву, сели на него и укрыли головы и плечи плащом джета, чтобы случайный порыв ветра не стряхнул на них с листвы пригоршню-другую воды. Отчаянно хотелось есть, но утолить голод было нечем: добывать пищу они пойдут не раньше, чем отдохнут немного, сумки своей Иллари лишился еще в плену, а джет и вовсе шел налегке, питаясь подножным кормом. Хорошо еще, что уцелели драгоценности и деньги, которые Иллари еще до встречи с разбойниками предусмотрительно зашил в одежду. По счастью, в крепости его не обыскивали. В ближайшей же деревне можно будет купить не только еду, но и коней. Только монеты надо выбирать помельче: слишком большие деньги могут привлечь к себе нежелательное внимание любителей легкой наживы. Не говоря уже о том, что они могут

указать на них преследователям – ведь те если и оторвались, то ненадолго. В этом Иллари не сомневался.

– Ну и денек у нас выдался, – хмыкнул Иллари, любуясь блеском мокрой листвы. – Просто голова кружится. Сначала крепость, потом засада. И никакой тебе передышки. Видно, Мастер Керавар взялся за тебя всерьез.

– Какое там всерьез! – отмахнулся джет. – Если бы всерьез, мы бы здесь с тобой не сидели. Мы бы валялись где-нибудь дохлые и холодные, как прошлогодний сыр. Похоже, у Мастера Керавара от спеси нос не только задрался, но и раздулся. Он нас не то, что недооценивает – просто не замечает. Иначе он в жизни не допустил бы такого промаха, – и джет любовно прогладил меч. – Это ж надо!

– Так не уподобляйся Мастеру Керавару, – сурово одернул его Иллари. – Не задирай нос. Подумаешь, повезло разок-другой. Вечно везти не будет. Нам недооценивать противника никак нельзя. Уж лучше будем считать, что Мастер Керавар принялся за нас всерьез.

– Правда твоя, – согласился джет. – Рано или поздно этот подлец сообразит, что к чему. И тогда только держись! Как только он свой задранный нос опустит...

– Прекрати веселиться!

– Не обещаю, но попробую, – джет виновато улыбнулся. – Уж очень я рад.

– Я тоже. Но мы уже сегодня расслабились разок-другой. Потом еле ноги унесли. Нам надо все обсудить и обдумать. И прежде всего тебе надо вспомнить, что ты прочел в архиве. Насколько это важно. Тогда нам будет понятнее, насколько важно для Мастера Керавара нас прикончить.

– Да я тебе вроде уже говорил по дороге, – возразил джет. – Ничего серьезного.

– Тогда я не слушал, а ты не вникал. Давай еще раз. Медленно, спокойно. И не только то, что изучал подробно. Все, что даже мельком просматривал – тоже.

– Тогда тебе придется мне помочь, – заметил джет. – То чего я сознательно не помню, я и не вспомню усилием мысли. Но ты можешь увидеть это в моей памяти, а я в твоих мыслях прочту.

– Больно сложно получается, – вздохнул Иллари, с тоской подумав, что у него здорово трещит голова, а отдыха не предвидится. – Ладно, давай, раз другого способа нет.

И снова Иллари был здесь – и не здесь, и сияющая дождем трава лишь смутно проступала сквозь толщу необъятного фолианта. Яркий лунный свет гладил страницы, но читать все равно было трудно, и пальцы джета нетерпеливо перелистывали книгу, не останавливаясь на каждой странице в поисках нужной. Усилием воли Иллари останавливал мелькающие листы, вглядываясь в каждый из них, испещренный незнакомыми письменами. Мысль джета, как через плечо, склонившись поверх его сознания, просматривала залитый лунным сиянием текст, потом снова отпускала страницу.

– Ритуал посвящения... не то... – бормотал джет, полузакрыв глаза, – правда, для Хранителей Закона... интересно, какого?.. а, вот: Закон о Трех Ремеслах!

Мокрая трава проросла сквозь лунную книгу и укрыла ее своими стеблями. Джет смотрел перед собой, словно не веря увиденному. Потом он согнулся, спрятал лицо в ладони и заплакал.

– Что с тобой? – Иллари отнял его ладони от лица и тревожно заглянул в глаза. – Не можешь вспомнить?

Джет покачал головой.

– Я вспомнил, – тихо сказал он. Под пеленой слез глаза его наполнились отчаянием и гневом.

Джет ошибался, как и все его соплеменники, привычно принимая как данность то, что данностью не было. Никто не спрашивает себя, почему кошка не носорог. Привыкли, и все тут. Когда название Закона произносили вслух, его привычно сокращали. Мало кто помнил, как на самом деле называется Закон о Трех Ремеслах. Потом и вовсе забыли. А ведь полностью название гласило: «Закон о первых трех ремеслах и избрании последующих».

И целью его вовсе не была защита Джетевена от узурпации власти. Джет и тут ошибся. Сама суть Джетевена долгие годы защищала его. Человеку, стремящемуся к совершенствованию мастерства, власть и вообще неинтересна. Как досадная помеха. Как камушек в башмаке. Вытряхнуть и забыть. Власть интересна только самой власти. Истинным умельцам своего дела она глубоко безразлична. Вот потому-то ее и захватили такие люди, как Мастер Керавар: не слишком озабоченные собственным талантом, хотя и не совсем обделенные им. Но никак уж не гении. Отнюдь.

– Так что же гласит этот ваш закон? – любопытствовал Иллари.

Джет поднял влажное от слез лицо. Он уже не плакал. В

отличие от лица, глаза его были сухи. Так сухи, что это заставило бы содрогнуться кого угодно.

– Закон гласит, – тихо и бесстрастно произнес он, – что выбор первых трех ремесел определяет выбор последующих. Порядок выбора. Мастер Слов, к примеру, может стать воином, но воин не может стать Мастером Слов. Такая вот последовательность.

– Ну, это нетрудно понять, – кивнул Иллари, чуть подумав. – Мастер Слов – это ведь маг по-нашему? Маг с самого начала учится быть внимательным, осторожным, терпеливым. Такие качества воину не помешают. А воину приходится привыкать к тому, что человеческая жизнь недорого стоит. Если к такой привычке и колоссальную мощь мага... страшно даже и подумать.

– Да, – угрюмо ответил джет.

– Мудрые люди этот закон писали.

– Да, – повторил джет так же угрюмо и односложно.

– Теперь я начинаю понимать, почему ты так важен для Мастера Керавара и иже с ним. Они попросту заперли вас в Джетевене, как в тюрьме, и оставили право быть собой. Джетевен мог бы быть другим. Они же перерезали эту линию будущего. Но зачем? Какой им прок? Ведь они даже явной властью не обладают.

Губы джета искривила нехорошая улыбка.

– Тайная власть иным людям приносит больше наслаждения, чем явная. Уж ты, как придворный интриган, не можешь этого не знать.

Да, подумал Иллари, уел меня мальчик крепко.

– И потом... ни один из них просто не в состоянии освоить больше трех ремесел. Все же, кто меня осудил и изгнал.... все, кто хранит закон... – лицо джета вновь дернулось в усмешке, – да они просто боятся, что хоть одна голова подыметься выше их собственной. И ведь это давно началось. Значит, уже несколько поколений. Тайная потомственная власть. Мерзавцы! Я не нарушил никакого закона. Мой порядок выбора правильный. А вот Керавар сначала был Мастером Лучником, а потом уже Мастером Слов.

– Ты меня не удивил, – заметил Иллари.

– Что ты имеешь в виду?

– А ты вспомни-ка остальных блюстителей закона. Готов пари держать, что у них тоже неправильный порядок выбора.

– А ты прав, – сказал джет. – Но почему?

– Именно поэтому. Это неправильные люди. Глупо звучит, но ведь ты меня понимаешь.

– Конечно, – отозвался джет.

– Неправильные, – повторил Иллари. – Перекрученные. Не

слишком даровитые – по вашим меркам, конечно. И даже их дарования ведут в тупик. Им, кроме власти, ничего не оставалось. Закон как раз и был писан, чтобы таких, как они, не было вовсе. Их родители наверняка нарочно направляли их выбор неправильно. Иначе они бы не были настолько извращены, чтобы хотеть власти и интересоваться ею. Они же все с придурью.

– Я так понимаю, тебе ненавистна сама идея власти, – заметил джет. – А ведь ты и сам владетельный господин.

– Очень владетельный, – подтвердил Иллари. – Но мне всегда было скучно приказывать. Я по натуре человек действия. Если я кем и распоряжался с удовольствием, так это Лохаром и прочими соглядатаями, которых император приставил к моей особе.

– Помню, – чуть усмехнулся джет. – Но мне казалось, ты просто чуточку помешан на вассальных рангах и прочей дребедени.

– Нет, – покачал головой Иллари. – Но мне приходилось обращать на них внимание, чтоб не обратили другие. Представь, что бы началось, дозволю я тебе называть меня на «ты» прежде, чем повышу тебя в вассальном ранге.

– Понимаю. А я-то гадал, почему ты так легко забыл о том, что я твой вассал, и велел не называть тебя господином.

– Попросил, – напомнил Иллари.

– Верно. Попросил.

– Скучная штука – власть! – Иллари сбросил со своих плеч край плаща и лениво потянулся. – Мне всегда больше нравилось петь и драться самому, чем слушать хриплых запойных менестрелей или посылать на свою защиту наемников, корчась от страха, пока они не вернутся. Нет, решительно, власть – это для тех, кто сам не умеет.

– Ты не находишь, что твои шутки немного самоуверенны? – засмеялся джет.

– А как же. Но ты вот о чем подумай. Власть сделала императора разнузданным толстопузым подонком. Власть заставила его бояться и ненавидеть родного сына. Власть подучила его послать сына на смерть. И именно своей властью он погнал меня по болотам, одновременно меня подставив, так что без тебя у меня не было и тени надежды спасти своего лучшего друга. Вот и сам рассуди – могу ли я любить власть?

– Полагаю, нет, – джет чуть замялся. – Прости меня.

– Не за что. Да и у тебя нет никаких оснований питать любовь к власти. И не только за то, что она с тобой сделала. Свой любимый Джетевен вспомни.

– Не надо, – попросил джет.

– Всего-то и нужно оказалось – несколько поколений

бездарей и тайна. А какую страну испакостили. И ведь немного их.

– Да, – ровным голосом ответил джет. – Немного. Меньше, чем мне поначалу показалось. Я сейчас прикинул... их, собственно, совсем мало. Джетевен был хлебом для всех, кто изголодался по мастерству и свободе. Камнем они сделали мою землю.

– Ну, не скажи. В других краях и такого нет, сам знаешь, – возразил Иллари. – Как говорится, на бесхлебье и камень – хлеб.

Джет поежился.

– Страшненькая поговорочка. Откуда она у тебя?

– От моего отца. Он пережил полугодовую осаду в местности, где в течение трех предыдущих лет была засуха. Именно эти слова он сказал, когда крепость принуждали к сдаче. Помощь подоспела вовремя.

– Я знаю, ты прав, – джет опустил голову, – но я не могу спокойно...

– Спокойно и не надо, – возразил Иллари. – Надо очень внимательно и настороженно. Теперь хоть ясно, откуда у Мастера Керавара к тебе такой злокачественный интерес.

Джет неожиданно засмеялся – хотя и без провизга в голосе, но все же почти истерически.

– Керавар – дурак! Я ведь не прочитал этого толком. Просто пролистал. Искал совсем другое. Даже и не заметил, что именно пролистал. Он хотел, чтобы я забыл – и сделал все, чтобы я вспомнил. Изгнал меня. Преследовал. По сути дела, заставил меня кинуться к тебе за защитой. Ведь если дело дойдет до прямого столкновения с ним, может, ты и сможешь меня защитить. Так нет, не уговорился. Вынудил меня задуматься, что же я такого знаю. А без твоей помощи, сам, я бы в жизни не вспомнил! Оставь он меня в Джетевене, и было бы все тихомирно.

– Не думаю, – возразил Иллари. – Рано или поздно, раз уж ты лазил по архивам, что-нибудь бы случилось. Я другого в толк не возьму: ты говоришь, что не читал Закона, а ведь он так старался уничтожить твою память, а затем и тебя, словно был уверен, что ты его читал.

– А он и был уверен, – джет сбросил плащ и встал. – Определить, чего человек касался и какие книги открывал, для Мастера Слов несложно. Он был уверен, что я знаю.

– Знаешь, и молчишь. Выжидаешь. Прикидываешь, откуда нанести удар, – Иллари вздохнул. – Вот уж действительно, у страха глаза велики. А ты для него – угроза немалая. Все-таки развратила Мастера Керавара власть. Привык он чужими руками

жар загребать. Наше счастье. Я бы на его месте прирезал бы тебя лично.

– Большое спасибо, – усмехнулся джет кончиками губ.

– Не понимаю, почему он вообще не уничтожил архив?

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – покачал головой джет. – Джетский архив уничтожить невозможно.

Бедный мальчик, подумал Иллари. Как же тебе, должно быть, хочется вернуться домой и скрутить шею этому подонку, который чужими руками мучил тебя и растлил лучшую в мире землю.

– Что делать будем? – вслух спросил он.

– Как – что? – удивился джет. – Мы ведь идем освобождать принца.

Теперь настал черед Иллари изумляться.

– Но я думал, ты хочешь в Джетевен? – удивленно запинаясь, выговорил он.

– Я все это время хочу в Джетевен, – чуть напряженно произнес джет. – Конечно, теперь – другое дело. Теперь я знаю правду. Но Джетевен ждал уже несколько поколений, подождет и еще немного. Да и не готов я идти в Джетевен... сейчас. Мне еще надо все обдумать. И потом, я ведь обещал тебе помочь. Сначала мы спасем принца, а уж потом я пойду в Джетевен.

– Мы пойдем в Джетевен, – поправил его Иллари. – Мы.

– Ты этого действительно хочешь? – джет недоверчиво возрился на Иллари. – После всего, что мы узнали?

– Тем более хочу. Во-первых, хоть мы с тобой и не признаем всех этих владетельно-феодальных бредней, но раз уж мы вступили в такие отношения, они существуют. Ты мой вассал, ты дал мне клятву верности, и я обязан тебя защищать. А ты сам говорил, что тебе нужна защита.

Джет усмехнулся, отвернувшись, чтоб спрятать усмешку. Даже в своем неприятии вассальных отношений Иллари до кончиков ногтей оставался владетельным сеньором.

– Во-вторых, если и удастся спасти принца, нам с ним некуда идти. Не домой же, в самом деле. К папаше – императору. Вот уже где нам долго зажить на свете не дадут.

– Ты опять прав, – кивнул джет. – Я и забыл про императора.

– А я и рад бы, да не могу. В-третьих, набравшись от тебя воспоминаний, я успел не только полюбить Джетевен, но и очень возненавидеть Мастера Керавара. Тем более после этих суток у меня к нему появились личные счеты, и я хочу их свести. Надеюсь, ты как друг не откажешь мне в этом маленьком удовольствии?

Мастер Керавар бушевал.

– Вы упустили его! – орал он на Мастера Боли, даже не дав себе труда развязать его. Едва обнаружив своего порученца связанным, Керавар не сомневался, что джет каким-то непонятным образом взял верх, и вытащил кляп изо рта палача-мага лишь для того, чтобы узнать подробности. Теперь же его гневу не было предела.

– Мальчишка, сопляк, подмастерье – и вы упустили его! Ты и твои люди, – с презрительным отвращением процедил Керавар. – И что еще хуже – вместе с ним вы упустили этого вонючего рифмоплета, и они теперь вдвоем.

Называя Иллари вонючим рифмоплетом, Мастер Керавар пытался заглушить собственный страх перед ним. Конечно, какой уж из него Мастер Смысла: дерется, пьет – обыкновенный трепач и авантюрист. И серьезности в нем никакой. Но все же, все же...

– Думаю, Керавар, твои люди тоже его упустили, – злобно сощурился Мастер Боли. – Ты ведь послал только двоих!

– Они должны были схватить того, второго, если он не угодит в ловушку вместе с мальчишкой, – парировал Керавар. – Так что если мои люди их упустили, это опять-таки твоя вина.

– Насчет того дуэлянта приказа не было, – возразил Мастер Боли. – Кто же знал, что он такой шустрый?

– А знать не надо было! – прошипел Керавар. – Надо было убить обоих, или, на крайний случай, доставить их ко мне. Какого рожна вам вздумалось их пытаться? Поразвлекаться захотелось?

– Я думал... мы узнаем от них что-то нужное... то, что тебе нужно, – сбивчиво объяснял Мастер Боли, а сам мысленно радовался, что Керавар и не догадывается об истинных причинах, побудивших его слишком ретиво взяться за дело. Узнать-то он хотел, да только не для Мастера Керавара, а лично для себя. То, что может приумножить мощь Керавара, сгодится и ему. Недаром Керавар ищет мальчишку по всему свету. Сам же обмолвился: «Сопляк много знает.» Даже если Керавар жаждет не познаний сопляка. Даже если он почему-то хочет, чтобы сопляк умолк навсегда со всеми своими познаниями. Все равно, мальчишка мог оказаться тайным козырем против Керавара. И вот он его упустил! Мастер Боли искренне негодовал по этому поводу. Искренность его и спасла. Иначе Керавар непременно стал бы копать глубже – и докопался бы. И несдобровать бы тогда Мастеру Боли.

– Узнать! – желчно усмехнулся Мастер Керавар. – Не торопись что-нибудь узнать. Вот мальчишка тоже все спешил узнать... как он от тебя вырвался, кстати?

– Понятия не имею. Да развяжи ты меня! – возопил Палач-Маг.

– Успеется, – холодно ответил Керавар. – Ты мне сначала о деле расскажи, а там поглядим.

Выходит, гроза еще не миновала.

– Я его допрашивал, – принялся покорно рассказывать Мастер Боли. – Вкатил ему, как полагается. Он едва дышать мог. А потом вдруг придушил меня собственной цепочкой. Пока я в себя приходил, он меня связал и сбежал.

– Цепочкой... – задумчиво протянул Мастер Керавар. – Да, конечно. Мальчишка знает Имена металла. Но это не объясняет, почему ты дал ему такую возможность.

– Да не давал я! – взмолился палач. – Совсем наоборот. Я даже боялся, что он у меня прямо на столе дуба врежет. Для одного человека такой груз непосилен.

– Это для одного, – медленно произнес Мастер Керавар. – А для двоих?

– Для двоих – само собой. Но ведь он был один...

– Один, говоришь? – в металлическом голосе Керавара звенела безысходная ярость. – Ты... животное! Двое их было, понимаешь? Двое!!!

– Да где же двое? – защищался Мастер Боли. – Отдельно они сидели, как полагается. Друг друга не видели.

– Как будто им нужно видеть! – гневно фыркнул Керавар. – Ты что же думаешь, мальчишка с собой этого драчуна полоумного как игрушку таскает? Бьюсь об заклад – соплук научился передавать мысли. И дружка своего научил. Тоже мне, Мастер-Наставник нашелся!

Зависть разъедала Керавара, как кислота. Чтение и передача мыслей даже в Джетевене были редким искусством: слишком уж тесная доверительная дружба или слишком жаркая любовь должны связывать говорящих мыслями. Да и то не при всяких обстоятельствах это удастся, а только в момент сильного душевого потрясения. Бывали немногие, кому удавалось обойти это условие, но сила им требовалась непомерная. Керавар давно смирился с тем, что ему не удастся овладеть редкостным умением. Даже утешал себя: зато его мысли и чувства неприкосновенны и принадлежат только ему. И вдруг какой-то мальчишка, подмастерье... и богатенький сукин сын с придворными манерами...

– Они связались друг с другом, – бормотал Керавар сквозь стиснутые зубы, – они встретились мыслями... и рифмоплет взял на себя часть боли...

Быстрое, почти невнятное бормотание Мастера Керавара испугало Мастера Боли.

– Да, так оно и было. Ты защитил допросную от мысленной

связи? – внезапно обратился к связанному палачу Керавар.

– Нет, я торопился... узнать... не считал нужным... – Мастер Боли сбивчиво булькал, мучительно пытаюсь угадать, какое же оправдание сможет спасти его шкуру.

– А что ты вообще считаешь нужным, кроме как выматывать кишки на расстоянии? Ладно. Потом с тобой разберусь. Пока же ясно, что эта парочка куда опасней, чем я полагал.

Керавар нагнулся развязать Мастера Болт. Тот едва не перевел дыхание с шумом. Вовремя опомнился. Если Керавар откладывает наказание на потом, оно не будет чрезмерным: к тому времени его ярость поутихнет. Какое счастье, что Керавар боится этих двоих! Страх отвлекает его от мыслей о возмездии.

И тут лицо Керавара посерело от злости.

– Где амулет? – сдавленно спросил он.

Мастер Боли судорожно сглотнул.

– У мальчишки, где же еще. Он его взял.

Пальцы Керавара впились в щеку палача, едва не вырвав ее. Мастер Боли никогда не испытывал ничего подобного. Его истошному визгу позавидовал бы любой недорезанный поросенок.

– И ты даже не счел нужным об этом упомянуть!!!

Керавар резко дернул шнур звонка. Наемники появились через несколько мгновений.

– Взять эту мразь, – он указал на связанного палача, – и бросить в горах в двух лигах от Джетевена.

Мастер Боли от ужаса лишился дара речи. На столь малом расстоянии от Джетевена приход безумия будет медленным, и он сможет прочувствовать его наступление в полной мере. Он икнул и потерял сознание. Наемники уволокли его бесчувственное тело.

Оставшись один, Керавар пожалел, что не искалечил тупого ублюдка как следует. Может, хоть тогда он смог бы дать выход переполнявшей его ярости. Ничего. Поделом наука. А потом, когда болван спятит в достаточной мере – именно спятит, а не сойдет с ума, не с чего ему сходить – Керавар прикажет доставить его обратно. Для расправы с непокорным мальчишкой полубезумный палач пригодится лучше обычного.

Эта мысль несколько успокоила Керавара. Нет, но какой дурак! Пожалуй, стоит поддержать его в скалах подольше. И без того эти двое опасны донельзя. А если сопляк еще и отдаст талисман приятелю...

Но, может, они все-таки попались в руки Арроха и его подручного?

Посмотрим, подумал Керавар. Посмотрим.

Он резко отдернул занавесь, скрывавшую почти всю стену. За

занавесью скрывалось огромное, величиной с окно, белое нефритовое зеркало на вертящейся подставке. Поверхность его была нарочито недошлифованной, молочно-матовой. Зеркало, через которое можно видеть, не должно ничего отражать, иначе оно потеряет свои свойства. Керавар поднял чашу с водой, прошептал нужные Слова над самой ее поверхностью, почти касаясь губами, и выплеснул воду на зеркало. В единый миг зеркало сделалось ясным и прозрачным. В его глубине виднелась дорога. По дороге шли джет и Иллари. Но... но это же не дорога к Джетевену! Керавар нахмурился: зеркало позволяло только видеть, но не слушать. Он нетерпеливо повернул зеркало, и картинка в зеркале тоже послушно повернулась. Теперь джет и Иллари шли прямо на него. Керавар вздрогнул. Такое ощущение, что они сейчас выступят из зеркала и окажутся перед ним во плоти. Ужасно. Зато теперь он может разбирать слова по движениям их губ.

– Теперь нам нужно добраться до Вейдо как можно быстрее, – прочел он по губам Иллари.

– И не нарваться при этом на людей императора.

– Ты у нас главный – ты и командуешь.

Вода стекала с зеркала, высыхала, и изображение делалось неясным, заволакивалось, но Керавара это не занимало. Он подошел к креслу и рухнул в него. Так значит, они не идут в Джетевен! Они идут в Вейдо! И главный из них двоих не сопляк, а рифмоплет. Люди императора. Рифмоплет бежит от императора, а сопляк ему помогает. Значит, они идут не в Джетевен. И с самого начала шли не в Джетевен. Неважно, что они вырвались из крепости. Неважно, что они то ли миновали его наемников, то ли разделались с ними. Важно, что они идут не в Джетевен. Странно. Если логично рассуждать, то джет, знающий истинное звучание Закона и заполучивший в свои руки потенциального Мастера Смысла, должен стремиться именно в Джетевен. Особенно теперь, когда он получил второй талисман, который, несомненно, обострит способности его дружка. Керавар чуть не задохнулся, увидев талисман в сияющей оправе на груди Иллари. Второй талисман! И все-таки они идут не в Джетевен.

Щеки Керавара пылали. А если джет вообще не собирается мстить и наводить порядок? Может, он все-таки забыл то, что прочел в архивах? Керавар устроил сопляку такую встряску, что тот собственное имя забыл. Может, не только имя? Скорее всего, раз он идет в Вейдо. Но тогда его лучше не трогать. Лучше не наводить его на мысль, что в его памяти таится нечто опасное. Тогда плен и пытка были ужасной ошибкой. Да, но ошибся не он, Керавар, а этот дурак. Он не приказывал пытать сопляка. Ладно.

Раз этот зарвавшийся щенок идет в Вейдо, похоже, допрос под пыткой не имел последствий. Все-таки мальчишка глуп. Подмастерье. Только на то и годится, чтоб связывать таких же дураков, как он сам. Но с Мастером Кераваром ему не справиться.

Керавар вцепился в подлокотники кресла так, что даже пальцы посинели. Пусть эта парочка идет себе в Вейдо. Лишь бы не в Джетевен. Конечно, он не будет мешать императорской погоне их искать. Даже, пожалуй, наведет на след. А сам будет время от времени наблюдать. Если они останутся в этом своем Вейдо, он их трогать не будет. До поры до времени. Пусть расслабятся. Пусть думают, что он оставил их в покое. Вот тогда он и нанесет удар. До тех же пор мальчишку лучше не трогать и воспоминаний в нем не пробуждать. А уж если они не останутся в Вейдо и вздумают топтать прямехонько в Джетевен – на доброе здоровье. У него есть чем их встретить. На такой случай у него в запасе приманка, против которой джет не сможет устоять.

Зеркало высохло окончательно. Мастер Керавар встал и задернул завесу. Он был совершенно спокоен и даже насвистывал что-то сквозь зубы. Он не знал, что выводы его частью запоздали, а частью были ошибочны. Ведь он только видел, как губы Иллари и джета формируют слова, но не слышал, каким тоном они произнесены. Он видел лишь часть разговора, и составил себе представление о целом. Он не знал, что страх заставил его создать себе мощного врага – и успокоился как раз тогда, когда ненависть его врага обрела зрелость и смысл.

Вейдо ни Иллари, ни джету не понравился. Джету вообще мало что нравилось после Джетевена. Иллари же большую часть жизни провел в Белом Городе. Собственно, иным он и не мог быть: доступны в тех местах в изобилии только белые и синие камни, да еще привозят из недалежных краев серо-розовый гранит. Синим камнем с фиолетовыми, синими же, черными, белыми и розовыми прожилками мостили дороги, отчего городские улицы напоминали дворцовые полы. Строили из белого камня: темно-синие дома выглядели бы мрачными, белый же камень в стенную кладку годился, а для мостовой слишком мягок; да и что за мостовые из белых камней? Гранита же было мало, и стоил он недешево. Город сиял белизной, оттененной редкими вкраплениями гранита и красного кирпича. Однако он был так удачно расположен, что отнюдь не казался монотонным. Солнечный свет, тени, небо, рассвет и закат поочередно окрашивали белые стены то сияющей голубизной, то бледно-розовым, то медово-золотистым. Изменчивый цвет жил и дышал. По сравнению с Белым Городом Вейдо показался Иллари плоским

и бесцветным, несмотря на свою пестроту. Серые дома производили впечатление грязных, а разноцветные вызвали неприязнь своей тупой цветовой неизменностью. Словом, Белый Город был живым, а Вейдо – всего лишь раскрашенным.

– Ты ничего не забыл? – нервно осведомился джет.

– Забудешь, как же! – фыркнул Иллари.

Действительно, забыть наставления джета не легче, чем оторвать себе нос. По дороге они с джетом обсудили все до мелочей. Все детали одежды, хоть сколько-нибудь выдающие национальную принадлежность Иллари, были безжалостно брошены в огонь, а другие не закуплены: слишком близко они подошлись к Вейдо. Не стоит поспешными покупками и необмятым платьем вызывать чьи-нибудь подозрения. Так что деньги и драгоценности переключались под подкладку бесформенного плаща джета. Иллари же вступил в Вейдо голый по пояс, с ремнями крест-накрест через грудь – ни дать ни взять, зазывала из ярмарочного цирка. Он здорово обгорел на солнце, облез, и лишь день, как перестал чесаться.

– Наемнику нежная кожа не положена, – смеялся джет. – Терпи!

Дорожных сумок у них не было. Одни плащ на двоих. Из оружия – только меч джета. Действительно, обнищавшие наемники. Откуда? Вопрос не составлял труда. Джет по помрачения рассудка вбивал в мозг Иллари подробности: где какой трактир, в каком храме настоятель – горький пьяница, почему лук на базаре, как зовут любовницу городского головы, когда собака укусила герцога и какие взятки берет начальник стражи. Показать он ничего не смог: дорога выдалась спокойная, и ни разу гнев или страх не протянули между ним и Иллари мысленную нить. Но Иллари и так был готов без запинки ответить на любой вопрос о местах, где на самом деле не бывал ни разу.

– Жрать хочется, – задумчиво произнес Иллари. – Сейчас я бы даже любимую собаку императора съел и не поморщился.

– Так, может, перекусим?

– Сам же знаешь, что нельзя, – вздохнул Иллари. – У меня нет мелочи. У бедных наемников просто не может быть таких бешеных денег. К тому же и менять их нельзя: большая часть монет с императорской чеканкой. Надо было мне их поменять в городе, да вот не сообразил. Теперь поздно.

– Не горюй, – ободрил его джет. – Вечерком продадим какой-нибудь камешек победнее. Вроде это твоя военная добыча, которую ты утаил. Знаешь, такие вещи делаются.

– Знаю, – ответил Иллари. – Только жрать все равно хочется.

Расскажи что-нибудь, чтоб я отвлекся от мыслей о жратве.

– Рассказать? – джет сделал вид, что задумался. – Так, сразу, в голову ничего не приходит. Вот разве что поваренную книгу Фалгин?..

– Уши надеру, – пообещал Иллари.

За неприличными анекдотами они добрались до казарм незаметно. Начальство не произвело на Иллари хорошего впечатления. Тыловая крыса, отъевшаяся на гарнизонных харчах.

– И чего вы хотите? – неприязненно спросил начальник, ловко выковыривая из зубов остатки обеда.

– Наняться на службу, господин! – не зря Иллари провел при дворе столько лет: смирение и вызов в его голосе точно уравнивали друг друга.

– И этот задохлик тоже? – начальник даже не удосужился показать на джета пальцем. Просто дернул пренебрежительно в его сторону выпяченным подбородком.

– Этот задохлик – лучший фехтовальщик отсюда до границ империи, – твердо произнес Иллари: может, поближе к Джетевену и найдутся лучше, но уж в сторону Империи точно нет ни одного.

– Что толку? – возразил начальник. – Может он и умеет ковыряться своей блестящей дрючкой, а толку ли от его фокусов, если первый же увесистый мужик выбьет ее из рук?

– Не выбьет, – мягко пообещал джет.

Начальник его словно бы даже и не услышал.

– Мы здесь у себя эти фокусы не поощряем.

Охотно верю, подумал Иллари. Достаточно на твое брюхо поглядеть, почтеннейший.

– Он – хороший боец, – упрямо настаивал Иллари.

– А вот это мы сейчас посмотрим! – и начальник обернулся, выискивая кого-то взглядом на мощеном дворе казармы. – Эй, парни, кто хочет подраться?

Заинтересованные наемники подошли поближе. На их лицах было написано: «Грядет развлечение!»

– С кем – с этим? – спросил сонного вида веснушчатый верзила, указывая на Иллари.

– Нет, с этим! – начальник снова выпятил подбородок в сторону джета. И как он еще челюсть не вывихнул?

– Ну-у... – разочарованно протянул верзила, – это даже не смешно.

– Ничего, позабавишься, – пообещал начальник. – Сопляк, видишь ли, хочет на службу наняться. Возомнил о себе невесть чего. Самая пора ноги вырвать и в задницу воткнуть. Задай ему хорошенько. Не возражаю.

– Ах, так! – верзила приятно осклабился. – Ну, что, птенчик,

не наложил еще в штаны?

– Не имею привычки, – мягко ответил джет. – Видите ли, это мои единственные штаны.

– Ну, так скоро наложишь, – заверил его верзила. – Придется тебе уйти отсюда с голой задницей.

– Если вообще придется уйти, – поддержал его другой наемник. Оба заржали. Начальник милостиво улыбнулся. Они предвкушали удовольствие. Джет и Иллари тоже. Иллари сделалось жарко от сдерживаемого смеха. Он-то знал как мальчишка дерется. Лохар был не ниже ростом этого конопатого придурка, весил больше и дрался наверняка не хуже. А джет справился и с ним, и с несколькими слугами впридачу. Так, что расправы не выйдет, достойные. Вернее, выйдет, но жертвой будет не джет. Конечно, выглядит мальчик невзрачно. Ему всего пятнадцать, и худоба отнюдь не делает его старше на вид. Тем забавнее будет результат, когда эта гора рухнет под ударами блохи.

По смущенной улыбке джета Иллари понял, что не ошибся в своих предположениях. Его сердце разрывалось от предчувствия победы, пока джет раздевался. Очень аккуратно, как и подобает безработному наемнику с единственной сменной одеждой, джет снял плащ, куртку и рубашку, сложил их и отдал Иллари. Голый до пояса, он производил еще более невыгодное впечатление на любого профана, какими и были, в сущности, здешние стражники. Только профессионал угадал бы в джете опытного бойца.

– Начнем? – джет тряхнул волосами и принял боевую стойку.

Присутствующие загалдели, заулюлюкали, издевательски подбадривая джета.

– Не бойся, малыш! Это будет больно, но недолго.

– Что здесь происходит? – властный женский голос заставил всех умолкнуть мгновенно.

Иллари обернулся. Перед ним стояла высокая девушка, одетая по-мужски. Черные штаны, заправленные в сапоги, ладно обтягивали ее длинные ноги. Широкий ремень подчеркивал гибкую талию. Рубашка виднелась из-под узкого камзола со знаками различия. Меч, привешенный у пояса, отнюдь не служил украшением: тяжелое, настоящее оружие. И похоже, она знает, как пустить его в ход. Словом, настоящий боец. Но даже в таком наряде, несмотря на военную выправку, девушка была невыразимо соблазнительной.

– Так что здесь происходит? – все так же властно и высокомерно осведомилась она.

– Новичков испытываем, капитан Тайхай! – откликнулся верзила.

– Очень интересно, – рассеянно заметила Тайхай. – Ставки принимаете?

– Как вам будет угодно, капитан, – начальник чуть не стелился перед ней.

– Пятьсот на новенького, – небрежно бросила Тайхай. У начальника глаза на лоб полезли.

– Но, капитан...

– Ты прав, маловато будет, – Тайхай еще раз окинула оценивающим взглядом юное тело джета. – Восемьсот. Из расчета три к одному. Принимаешь?

– Но, капитан!..

– И правильно, что не принимаешь. Я тебя, толстопузый, догола раздену.

В глазах конопатого читалось горестное недоумение, почти обида.

– Да я его... – начал он.

– Отставить, – недовольно сказал начальник и обернулся к джету. – Одевайся, ты зачислен. Уж если капитан Тайхай так уверена...

– Уверена – не то слово, – усмехнулась Тайхай.

– Эх, жаль, потеха сорвалась, – одними губами произнес Иллари. Но Тайхай его услышала.

– Этот, конечно, послабей будет, но тоже неплох. Почему без оружия? – внезапно обратилась она к Иллари.

Вот так так! Казалось бы все они с джетом продумали, все рассчитали, а такого простого вопроса и не предвидели.

– Проиграл, – коротко ответил Иллари, надеясь избежать дальнейших расспросов. Однако, и тут ему не повезло.

– Во что?

Иллари чуть было не брякнул: «В хайту». Едва удержался. Хайта была имперской игрой. Играют ли в нее в других местах? И во что там вообще играют? Иллари не знал. На лбу его выступила испарина. Долгое молчание становилось опасным. Плохо, совсем плохо...

– Что молчишь?

– А ему стыдно, – неожиданно подал голос джет.

– Почему? – удивилась Тайхай. Иллари тоже недоумевал: во что же он такое играл, что ему должно быть стыдно?

– А он по пьянке поспорил с одним типом, кто лучше ножи кидает, и проиграл, – объяснил джет. – Вот ему теперь и стыдно признаться. Когда нанимаешься, о таких вещах лучше молчать.

Тайхай хмыкнула, принимая объяснение. Иллари готов был схватить джета и пуститься в пляс.

– Ну-ка, дай сюда! – Тайхай взяла у одного из наемников

набор метательных ножей и протянула их Иллари, указав на довольно дальнюю мишень. – Кидай.

Иллари кинул ножи в цель удачно, не забыв слегка промахнуться в предпоследний раз: иначе как объяснить свой проигрыш?

– Нда, – протянула Тайхай. – Понимаю, почему ты решил пойти на пари. Хотела бы я посмотреть на того парня, что у тебя выиграл. Ладно. Вы оба зачислены. Что еще умеете? Фехтовать? Бороться? Стрелять?

Иллари и джет кивнули.

– Для городской стражи достаточно, – размышляла вслух Тайхай, – для дворцовой маловато.

– Но капитан!.. – возразил было начальник.

– У тебя есть возражения? – надменно откликнулась Тайхай.

– Н-нет, но...

– И хорошо, что нет. Обойдешься своими охламонами. Тебе таких бойцов отдавать – все равно, что мертвого расстреливать. Столько же пользы.

Она вновь повернулась к джету и Иллари.

– Что еще умеете? Лазить по стенам? Распознавать покушения? Определять яды? Обыскивать?

Иллари растерянно покачал головой. Тайхай улыбнулась.

– Может, все же в городскую? – пробормотала она.

– Научимся, госпожа капитан, – пообещал джет.

– Какой бойкий! – прищурилась Тайхай. – И какие умения у тебя в запасе?

– Ничего особенного, – заверил ее Иллари. – Вообще мы люди простые. Но как мы умеем слушать!

– Например? – Тайхай мгновенно напряглась. Иллари тоже, хотя и по другой причине.

– Мы подслушали лазутчиков самого Императора! – гордо объявил он.

Иллари рассчитывал, что Тайхай знает о стычке разведчиков из Вейдо с убийцами, посланными по его следам. Но капитан Тайхай знала не только о стычке.

– А, это те, что в «Драном Козле» обосновались? – небрежно бросила она.

У Иллари вспотели ладони. Что называется – стрелял мимо, а попал в яблочко.

– Да, госпожа капитан, – чуть хрипло ответил он.

– Ладно, приняты. Внешний круг дворцовой стражи. Завтра утром чтоб были у меня. Сегодня добудь меч. Где хочешь. Выиграй, укради. Придешь завтра без оружия – двадцать розог и на неделю на хлеб и на воду. Понял?

Иллари кивнул. Тайхай развернулась на каблуках и ушла, не снизойдя до того, чтобы попрощаться. Кто-то рядом шумно перевел дыхание. Тут только Иллари заметил, что все наемники с начальником во главе столпились вокруг и стояли на протяжении всего разговора.

– Повезло вам, парни, – мечтательно произнес один из наемников.

– Не скажи, – возразил другой. – У внешнего круга, конечно, свое начальство есть, но это так, для блезиру. А заправляет всем капитан Тайхай. Розги и хлеб с водой – слышал? Да мы отродясь... – он не договорил, очевидно, считая, что и так все ясно.

– А кто она такая? – любопытствовал Иллари.

– Она-то? Капитан внутреннего круга дворцовой стражи! Девка – огонь! И все они там такие.

– Кто? – не понял Иллари.

– Да внутренний круг, кто же еще? Девки одна к одной. Прямо слюнки текут.

– Поразвлечемся, – задумчиво произнес Иллари – не потому, что действительно собирался строить куры стражницам. Просто от наемника в его положении должно было прозвучать что-то в этом роде.

– Не советую, – искренне произнес худой наемник. – Задницу оторвут и съест заставят. Их голыми руками не тронь. Разве, что сами захотят...

– Чтоб их дракон трахнул! – зло сплюнул другой. – Может, поумнеют.

– Впервые слышу, что ум можно вгонять в человека таким путем, – усмехнулся джет.

Наемники одобрительно заржали.

– А вы парни ничего, с понятием, – ухмыльнулся конопатый. Он уже смирился с тем, что подраться не выйдет, и жаждал новых развлечений. – Пойдем, выпьем? С вас причитается. С зачислением, так сказать.

– Было бы на что, – ответил Иллари. – В другой раз, парни. С первого жалованья. Я пустой, как желудок бродячей собаки. Да и меч мне надо раздобыть. Не то выплюют мне завтра.

Не без труда отделавшись от наемников из городской стражи, Иллари и джет покинули казармы.

– Куда теперь? – спросил джет. – Меч добывать?

– Успеется, – отмахнулся Иллари. – Кстати, госпожа Тайхай подкинула мне хорошую мысль. Деньги менять не будем. Камни продавать тоже пока не стоит. Меч я выиграю. Нет, есть дело поважнее.

– Какое?

– Где тут этот «Дранный Козел?» – сквозь зубы поинтересовался Иллари.

Конечно, у «Козла» когда-то было другое название. Но обитатели городских окраин называли трактир «Дранный Козел», и никак иначе. Вывеска его облезла в незапамятные времена, и узнать, что же на ней было изображено, не представлялось возможным. Обшарпанные стены и покосившиеся двери были под стать вывеске. Подаваемая на стол еда тоже соответствовала. Сам же стол скособочился до такой степени, что Иллари все время придерживал миску из опасения увидеть ее содержимое на своих штанах. Пойло и вовсе не стоило уплаченных за него денег. Зато спрашивали в «Козле» недорого: на все про все хватило мяда, заваливавшегося в карманах у джета.

– Вот они, – тихо произнес джет, незаметно указывая на дальний стол в углу заведения.

– Вижу, – почти не разжимая губ, ответил Иллари. Даже не зная своих преследователей в лицо, Иллари обнаружил бы их безошибочно. Среди завсегдатаев «Козла» они выделялись, как стрелы среди вертелов.

– Что ты хочешь делать? – так же тихо произнес джет.

– Поговорить, – ответил Иллари.

– Ты с ума сошел!

– Голос не повышай. Я не собирался их подставлять, а подставил.

– Ну и что? Они же тебя убить пытались, – напомнил джет.

– Приказ есть приказ, а они люди подневольные. Все равно я виноват.

– Кодекс чести, твоя светлость?

– Именно. Не бойся, я в обиду себя не дам.

– И что, прямо к ним и подойдешь?

– Не подойду, я дурак, но не настолько. Интересно, учился ли их главный в Имперской военной школе?

– Зачем тебе знать? – удивился джет.

– Будем надеяться, что учился, – вместо ответа произнес Иллари.

– Слушай, я не могу позволить эту бессмысленную благотворительность! Они просто убьют тебя, и все.

– Не убьют, – Иллари обратился к джету усталое лицо. – Во всяком случае, не сейчас. Дело свое мы сделать успеем. Мои счета с имперцами – это мои счета! И вмешивать в них здешних палачей не собираюсь. Так что помолчи и перестань мной командовать. Много воли взял.

– А я уж подумал, мы друзья, – прошептал джет. Губы его

дрогнули.

– Вот именно. Вассалу я уж давно бы морду набил. Так что не обижайся, малыш. Я не могу иначе.

Джет вздохнул и отвернулся. Иллари развязал ленту, скреплявшую его волосы на затылке на здешний манер, завязал ее тройным «узлом удачи» и оглянулся. Чумазый мальчишка с подносом пробегал мимо. Иллари ловко ухватил его за ухо.

– Отнеси это вот за тот стол. Живо! – он вручил мальчишке узел. Мальчишка взял его и недоуменно пожал плечами.

– А в глаз не дадут? – спросил он.

– Дадут на выпивку. Иди!

Иллари отпустил ухо и вытер пальцы о штаны. Мальчишка исчез с быстротой молнии и с такой же быстротой материализовался у стола, где сидели мерзавцы. Он положил узел на стол и замер, готовый в любую минуту дать деру, если важные господа обидятся на дурацкий розыгрыш.

Со своего места Иллари отлично видел, что происходит за столом. Офицер подался вперед, протянул дрожащие пальцы к узлу, но не дотронулся. Он выглядел так, словно на столе перед ним лежало привидение. Неудивительно: подать такой знак в Вейдо просто некому. Никто посторонний не поймет. Даже его собственные воины не поняли. Но на тайном языке курсантов военной академии такой узел означал: «Я тебя жду».

Офицер обвел полубезумным взглядом трактир. Иллари встал и неслышно направился к выходу. Снаружи было свежо. Вечер уже наступил. Иллари поежился и стал ждать.

Офицер, надо отдать ему должное, вышел далеко не сразу. Никто теперь не свяжет воедино уход Иллари и срочную необходимость офицера прогуляться.

– Тихо! – вполголоса предостерег Иллари. – Иди сюда.

– Это ты? – только и смог выговорить он.

– Тихо, – повторил Иллари. – Молчи и слушай. Похоже, император подставил вас, как и меня. Дворцовая стража знает, что вы остановились в «Козле». Я так понимаю, не сегодня-завтра вас возьмут.

– Зачем ты нас предупреждаешь? – офицер не тратил времени на возгласы «Негодяй!» или «Я тебе не верю», а сразу приступил к делу.

– Я знаю, вас послали меня убить, если только Император не передумает. Но это наши с тобой дела, и Вейдо тут не при чем. Хочешь – верь мне, хочешь – нет. Но я вам советую уходить. По одному, по двое, чтоб не так заметно.

– И оставить тебя в Вейдо? – в голосе офицера слышалась неприкрытая злоба.

– Послушай, – вздохнул Иллари, – уж не знаю, за что ты на меня сердце несешь, но давай я сначала освобожу принца, а потом уж мы с вами поквитаемся.

– Так ты хочешь освободить принца? – изумление офицера было таким же непритворным, как и его недавняя злость.

– А ты что думал – я сюда притащился кур воровать?

– Нам сказали, что ты шпион Вейдо, – очень обиденно усмехнулся офицер. – Перебежчик.

– Не знаю, что и сделать, – развел руками Иллари. – У тебя только мое слово против императорского.

Офицер неожиданно усмехнулся.

– Цену императорскому слову я знаю. Раз у меня, кроме него, есть и другое, я предпочитаю поверить тебе, если не возражаешь.

– Не возражаю, – Иллари ощутил облегчение: непохоже, чтобы офицер водил его за нос.

– Значит, спасти принца? Добро, твоя светлость. Мешать не стану. Может, чем и помочь смогу.

– Вряд ли. Вы уже на крючке, – заметил Иллари. – Уж лучше я сам.

– Жаль, – сказал офицер.

– Что так? – удивился Иллари.

– Хороший парень. Еще совсем сопливом, бывало, придет: «Дядя солдат, а ты покажешь, как ты листики стрелой сбиваешь?» Смешной такой. Когда старше стал, понятное дело, его к нам не пускали.

Иллари понял. Всеми забытый принц стал для императорских солдат чем-то вроде сына полка. Няньки не обращали на него внимания, отец издевался над ним, мать умерла вскоре после его рождения. Только в казармах видел он любовь и ласку. Наверное, его баловали напропалую, покупали ему сладости, дарили игрушки, мастерили лодочки, пока не вмешался августейший папаша и не прекратил эти посещения. И не потому лишь, что этикет не позволяет. Горе владыке, если армия больше любит наследника! Теперь только Иллари понял, почему Император, невзирая на маниакальную ненависть к сыну, не осмелился расправиться с ним сам, предпочитая сделать это чужими руками. Может, и войну с Вейдо он затеял лишь для того, чтоб голова принца покинула плечи? Трудно сказать.

– Я справлюсь, – сказал Иллари. – Уходите.

– А с тобой что будет?

– В каком смысле? – не понял Иллари.

– Ну, тебе ведь кто-то сказал, что нас вычислили? Верно? Если мы исчезнем, тебя заподозрят в первую очередь.

– Выкручусь, – неохотно произнес Иллари.

– Мы остаемся, – твердо произнес офицер. – Не спорь. Ты нас предупредил, и теперь нас голыми руками не взять. Врасплох не застигнут. Мы подождем, пока за нами придут, и уже тогда исчезнем. Не выйдет – прорвемся с боем.

– Но это опасно, – непослушными губами возразил Иллари.

– Не спорь, – сурово повторил офицер. – Если мы уйдем сейчас, опаснее будет во сто крат. И ты ничего не сумеешь сделать. Не в обиду тебе будет сказано, твоя светлость, ты в этих делах – что дитя малое.

– Ладно, – Иллари понимал, что офицер прав. – Удачи вам.

– Тебе удачи! – офицер улыбнулся ему, зубы на мгновение блеснули в вечернем сумраке. Потом он оставил Иллари и вернулся в трактир.

Иллари стоял молча. Рядом с ним послышался шорох. Он обернулся. Джет вкладывал меч в ножны.

– Пойдем, – сдавленно произнес Иллари. Джет безмолвно последовал за ним. Иллари казалось, что он задыхается. Ему и в голову прийти не могло, что разговор так обернется. И он не нашел нужных слов. Как легко приходят нужные слова в стихи, и как трудно – в разговор с людьми. Зато ненужные так и просятся на язык. Взять хоть последнюю перепалку с джетом. Ясное дело, парень обижен. И на кой ему вздумалось давить на него, да еще через вассальные отношения? Какой он этому мальчишке, в сущности, господин? А все же нет-нет, да и прорвется. Иллари очень беспокоило молчание джета, его безмолвная обида. Обида того, кто с мечом в руке готов был защищать его жизнь, невзирая на оскорбления. Что поделать, не умеет от разговаривать с друзьями. Не было у него друзей, кроме принца: кому можно доверять в этом змеюшнике, именуемом «Двор»? А принца так просто не обидишь. Странно, что он больше думает о джете, чем о принце. Неужели он так быстро забыл своего лучшего друга? Да нет же! Но почему обида джета занимает его мысли больше, чем спасение принца? Мысли... они с принцем никогда не обменивались мыслями. Неужели в этом дело? Неужели обиженный мальчик стал для него дороже лучшего друга?

– Ерунда, – спокойно произнес джет.

– Что? – не понял Иллари.

– Ерунда. То, о чем ты думаешь – бред. Я тебе не ближе и не дороже. Это просто другое. Со мной ты разговариваешь мыслями. А с ним ты в этом не нуждаешься. Вы и так друг друга понимаете.

Иллари воспрял духом.

– Знаешь, ты прав. И еще... я не хотел тебя обидеть.

– Извини, если я обиделся! – тихо засмеялся джет. – А теперь пошли отсюда.

– Куда?

– Куда-нибудь. Тебе ведь еще надо выиграть меч, не то тебя завтра выдерут. Забыл, твоя светлость?

Меч, который Иллари выиграл в кости у полупьяного солдата, заставил капитана Тайхай презрительно скривиться.

– Знаю, капитан, что для дела негоже. Но какой-никакой, а меч. С первого же жалования раздобуду получше.

– Раньше раздобудь. Стража охраняет заложника. Если его попытаются похитить, сначала в дело вступает внешний круг, а затем уже мы.

Иллари не сомневался, что один только внутренний круг способен справиться с целой армией похитителей. Лучше бойцов, чем эти хорошенькие девочки, ему видеть не доводилось.

– Не знаю, что и делать, – жаловался он джету в промежутке между двумя порциями утомительной муштры. – Я думал, нам удастся хоть как-то проникнуть к принцу, а выходит, дело дохлое. Эти красотки внутри дворца всем заправляют. Внешний круг принца и не видит, все они. И еду ему сами готовят, и носят сами, чтоб кто чего в пироги не подсунил. И убирают у него в комнате, и спят с ним, и все, что хочешь. И прирежут сами в случае чего. И даже подкупить их невозможно. Как-то раз один дурак пробовал. Повешен на собственных кишках.

– Придется нам рассчитывать только на себя, – вздохнул джет.

– А на что еще мы могли бы рассчитывать? – удивился Иллари.

– Если бы мы могли повидаться с принцем, как я надеялся, мы могли бы рассчитывать на кое-какие чудеса.

– А зачем Мастеру Слов видеть его?

– Мастерство Слов тут ни при чем. Речь идет о совсем других чудесах. Ты никогда не слышал о Госпоже семи времен и пяти состояний?

– Что-то такое слышал... – Иллари наморщил лоб, пытаясь вспомнить. – Кажется, этой богине поклоняются в Междуречье.

– Неподалеку оттуда, но не там. И она не богиня, – покачал головой джет. – Госпожа Атэа-те была до богов и будет после них.

– И чем же нам может помочь эта боги... Госпожа? – поинтересовался Иллари.

– Если захочет – всем. Говорят же тебе, она Госпожа. Пять состояний сейчас к делу не относятся, а вот семь времен – так даже очень.

– Перестань морочить мне голову и говори яснее, – взмолился Иллари. – Что это за семь времен такие? И откуда их столько?

– Ну, про седьмое я и сам не знаю. Это тайное время, его знают только посвященные в культ, да и то самые высшие. Остальные шесть – изволь. В языке народа Госпожи, кроме бывшего, настоящего и будущего...

– Прошлого, – механически поправил Иллари.

– Именно, что бывшего. Так вот, есть у них еще небывшее, ненастоящее и небудущее. Если ты чего-то не сделал, это не отрицание, а небывшее время.

– И какой же прок от этой любопытной грамматики?

– Любой. Это не грамматика, это жизнь. Госпоже Атэа-те ничего не стоит поменять их местами. Сделать небывшее бывшим, а будущее – небудущим.

– Сделай милость, объясни поточнее. Ничего не понимаю в этой путанице.

– Поточнее? – джет задумался. – Ну, например, у тебя был друг. Это бывшее. И вот он тебя предает. Это настоящее. Можешь попросить Госпожу. Либо поменять настоящее на ненастоящее, где он тебя не предает, и ненастоящее станет настоящим.

– Понял, – сказал Иллари. – Не хочу.

– А если очень сердит, можешь попросить поменять бывшее на небывшее. На то, где он не был твоим другом. Или ты даже не был с ним знаком. Я такие вещи видел. Или, скажем, любит девушка парня, а он уже женат, и дети есть. Вот она и просит сменить только для себя бывшее, без смены настоящего. И тогда у нее есть воспоминания о том, что они любили друг друга и расстались по обоюдному согласию. Причем это стало бывшим только для нее. А парень живет себе спокойно, с ним ничего такого не было. Иногда, наоборот, меняют не для себя, а для кого-то. Ох, и жуткие воспоминания подсовывают иным людям – ты просто не поверишь! Однажды один человек убил ребенка. Поменять так, чтоб он остался жив, не удалось, да и вообще со смертью такой обмен редко удастся. Так его отец поменял бывшее так, что убийца оставил улики.

– Опасные чудеса, – покачал головой Иллари.

– Еще бы не опасные! Да ведь Госпожа не на всякую просьбу отвечает. Я умею передавать просьбы, но боюсь, ничего не выйдет.

– Почему? – не понял Иллари.

– Я не могу просить помочь тебе освободить принца, это против правил. Я могу только просить ради самого принца.

– Так попроси.

– Если бы я мог, стал бы я тащиться с тобой к Джетевену! Там бы прямо на болоте и попросил. Не так все просто! Во-первых, желательно, чтобы проситель присутствовал лично. Не

обязательно, но так получается лучше. А во-вторых, проситель должен отдать Госпоже прядь своих волос и самую дорогую для него вещь, причем без обмана. То, что ему сейчас дороже всего. Иногда целые состояния летели в огонь, а отдать надо было всего-навсего зеркальце, подаренное любимой. Без присутствия принца я бы как-нибудь обошелся, а без дара не могу никак. Я уж, честно говоря, надеялся как-нибудь исхитриться к нему проникнуть, да где там!

– Верно, – вздохнул Иллари. – Этих девиц ни купить, ни соблазнить, ни запугать невозможно. Их с детства муштруют. Вся их жизнь в этом. Молодые еще, не наигрались. Лучшей охраны для заложника не придумать. Ничего не поделаешь. Раз твоя Госпожа не может нам помочь, постараемся помочь себе сами.

– Постараемся, – кивнул джет. – Еще бы госпожа капитан поменьше вопросов задавала, совсем бы хорошо.

Действительно, капитан Тайхай не ограничивалась вопросами о мече. Очевидно, она полагала, что допрос лучше растянуть во времени, создав иллюзию безопасности, и снова спросить в самый неожиданный момент. Надо признать, ее способ выявления шпионов был довольно эффективен. Иллари дважды едва не попался. Оба раза его спасло чудо.

В первый раз в фехтовальный зал вбежала маленькая девочка, смешно переваливаясь на толстеньких ножках.

Следом вбежал стражник.

– Так вот ты где, негодница! – закричал он. Девочка испугалась окрика, упала и захныкала. Тайхай подбежала к ней и взяла на руки.

– Ну все, все, малышка. Все хорошо. Сейчас поцелую, и пройдет. Да? Вот видишь, все прошло.

– Не извольте гневаться, капитан! У жены заразная горячка, лекарь сказал увести ребенка из дома, куда ж я ее дену?!

– Ничего страшного, – Тайхай передала успокоившуюся девочку отцу. – Только смотри за ней получше.

Иллари поразился тому, с какой уверенной лаской Тайхай обращалась с девочкой. Весь последующий вечер госпожа капитан была сумрачной, неразговорчивой, а о вопросе, заданном Иллари, и вовсе позабыла.

В другой раз, когда Иллари не знал, что ответить, открылась дверь, и госпожу Тайхай срочно вызвали. Вернулась она уже к вечеру, причем не во дворец, а в казарму, где столовалась внешняя и внутренняя стража, причем на левой скуле у нее красовался редких размеров синяк, а нос распух прямо-таки устрашающе. К столу она прошла в полном молчании: никто ни о чем не спросил. Разумеется, Иллари, как новенький, и задал

вопрос.

– Что это с вами, госпожа капитан? – спросил он.

К его изумлению, а также к явному облегчению всех прочих, Тайхай рассмеялась.

– Впервые в жизни я видела человека, за которого не прочь бы замуж. Выпьем за него!

– А ты нам его покажешь, Тайхай? – с любопытством спросила одна из девиц.

– Поздно, – вздохнула Тайхай. – Он уже удрал.

Иллари сдавленно фыкнул.

– Никогда не видела, чтоб так дрались, как этот имперец!

У Иллари сжалось сердце.

– Это из тех, что в «Драном Козле» засели, госпожа капитан? – спросил он, заставив свой голос звучать обыденно.

– Из них, – кивнула Тайхай. – Настоящий ветеран. Как мы их брать пришли, они сразу за оружие. И прорвались-таки! Веселое было дело! Тогда мне, понятно, не до веселья было, а все-таки весело. А когда я попыталась их задержать, и у их главного сломался меч, так он мне рукоятью по физиономии, а сам – в окно! Чистенько всех увел, ничего не скажешь! Раненые у него есть, но опасно – ни одного. Вот это, я понимаю, офицер! Не то, что наши оболтусы, – она встала и подняла большой кубок, почти до краев наполненный темным вином. – Выпьем за императорского офицера Шокара и его парней.

– За Шокара! – уважительно откликнулись присутствующие.

Иллари выпил, но вино не смыло горечь во рту. Он даже не знал имени офицера, готового рискнуть жизнью ради него. А вот Тайхай знала.

Позже ему пришло в голову еще кое-что.

– Послушай! – возбужденно говорил он джету часом позже. – Действовать нам надо быстро.

– А что случилось? – разбуженный джет сонно шурился и потягивался. – Зачем такая спешка?

– Ах, да, тебя же в трактире не было! – спохватился Иллари – Так слушай. Сегодня хотели арестовать имперцев.

– Слышал, – флегматично кивнул джет. – Насколько я знаю, они сбежали?

– Ну да. Тайхай ходит с подбитой рожей и радуется, что наскочила на достойного противника. Так ведь она не дура. Не сегодня – завтра задумается: а не предупредил ли кто имперцев? Почему они были так хорошо подготовлены к побегу? А заподозрят – что тогда?

– Тогда нам крышка, – подытожил джет. Он встал с постели, прошлепал босыми пятками к столу, где стоял кувшин с водой,

сделал несколько глотков, а остальное вылил себе на голову. – Ух. Вот теперь я проснулся.

– Что делать будем? – допытывался Иллари.

– Я тут кое о чем подумал, – ответил джет. – Только не хотел торопить события. Да видно, придется.

– Какие события? – джет, по своему обыкновению, изъяснялся туманно, а Иллари не был расположен разгадывать загадки.

– Хотелось получше приручить госпожу Тайхай. Получше проверить мои предположения. Раз нет времени, придется рискнуть.

– При чем тут Тайхай? – изумился Иллари.

– Я хочу ее использовать, – признался джет.

– Ты что, очумел? Костей не соберем!

– А когда я тебе запрещал говорить с офицером, ты что мне сказал? – напомнил джет. – А ведь прав был ты, а не я. Сейчас все с точностью до наоборот, только и всего.

Иллари не нашел, что возразить.

– Значит, теперь я буду сидеть в засаде с мечом наголо, – заметил он.

– Ничего подобного, – отрезал джет. – Ты пойдешь в город и купишь благовоний. Тех, что продаются в лавке у моста. Три палочки... Нет, лучше четыре. Потом пойдешь в кузнечный ряд и купишь жаровню. Неважно, какого размера, но обязательно бронзовую. Лучше всего круглую. Потом со всем этим барахлом пойдешь домой. Только не сюда, не в казарму, а в ту комнатку, что мы снимаем на постоялом дворе, чтобы было где спать между дежурствами. И будешь меня там ждать. Постарайся обернуться побыстрей. Время дорого.

– А как же ты?

– За меня не беспокойся. В обиду себя не дам, – джет мастерски передразнил Иллари. Казалось, давешний разговор вернулся вновь, но отчего-то ошибся устами.

– А если она...

– Я с ней справлюсь. Торопись.

– Что ты задумал?

– Все-таки я буду просить Госпожу Атэа-те. Спасибо дочке стражника, есть у меня одна мыслишка.

Иллари не стал спрашивать, при чем тут дочка стражника, и не терял времени на выяснение, почему вдруг джет передумал относительно просьбы. Он молча взял деньги и вышел. Джет, насвистывая сквозь зубы что-то исключительно немелодичное, оделся и пошел на поиски госпожи Тайхай.

Риск был велик, однако меньше, чем казалось Иллари. Дочка

стражника и впрямь навела джета на мысль. Иллари тогда обратил внимание на руки Тайхай, а джет – на глаза. Выражение ее темно-серых глаз было тоскливым, как у больной собаки. Будь у джета больше времени обдумать, откуда оно взялось, он мог бы действовать наверняка и потихоньку. Теперь же ему приходилось опираться на догадку и совершить все предварительные действия в один прием, не обихаживая девушку. Он был почти уверен, но в груди что-то противно царапало, невзирая ни на какие самоуговоры.

В корчме капитана Тайхай уже не было, в казарме тоже. Джет нашел ее в дворцовом парке у фонтана. Госпожа капитан задумчиво пускала листики плавать по поверхности воды. Услышав шаги джета, она обернулась.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– Мне нужно поговорить с тобой, госпожа капитан, – сорванным голосом произнес джет, от волнения забывая всякую субординацию.

Тайхай деланно нахмурилась. Волнение юнца она истолковала в ином смысле, и оно ее приятно позабавило. Джет подавил дрожь и заставил себя говорить твердо.

– Поговорим, как профессионал с профессионалом. Я собираюсь тебя купить.

Никто бы не сказал, что капитан Тайхай даром ест свой хлеб. Реакция у нее оказалась отменная: едва джет успел договорить, как она вскочила, и в руке ее блеснул меч. Однако джет был к этому готов. Он быстро произнес несколько гортанных звуков, слившихся в один воркующий вскрик – и блеск меча изменился, стал мягче, рухнул вниз и повис в воздухе. Тайхай остолбенела. Она глаз не могла оторвать от того, что еще мгновение назад было ее мечом. Взамен в ее занесенной руке поблескивала серебряная цепочка тонкой работы.

– Надень на шею, так будет лучше, – посоветовал джет.

Тайхай надела цепочку медленно и неуклюже. Руки ее почти не гнулись. Зато подогнулись ноги, и она рухнула на бортик фонтана. Если бы у джета не хватило предусмотрительности ее поддержать, она бы непременно плюхнулась в фонтан.

– А теперь все-таки поговорим, как профессионал с профессионалом. Я собираюсь тебя купить.

Думать Тайхай было трудно, мысли мешались. Но она очень постаралась привести их в порядок. В результате ей пришлось в голову, что столь опасного собеседника стоит хотя бы выслушать, а решить, что делать, всегда успеется.

– Что тебе нужно? – хрипло спросила она.

– Об этом попозже, – усмехнулся джет. – Поговорим сначала о

тебе и о цене, которую я готов заплатить.

– Да что ты мне можешь дать? – в голосе капитана Тайхай отчетливо слышались истерические нотки – возможно, впервые в жизни.

Джет коснулся пальцем серебряной цепочки, и Тайхай вздрогнула.

– Не бойся, я не собираюсь превращать тебя в жабу. Я просто этого не умею. Но в моей власти очень многое. Я не обещаю тебе сейчас ничего. Сегодня мы узнаем, смогу ли я дать тебе то, что ты хочешь. Думаю, что смогу.

– Не обещаешь? Странный подкуп. И что же ты намерен мне предложить?

– Свободу, – тихо ответил джет.

– Этого никто не может! – горячо возразила Тайхай.

– А если может? Я понимаю, у таких, как ты, контракт пожизненный?

Тайхай кивнула.

– Ну, вот. А тебе не двенадцать и даже не двадцать. И ты уже не девочка, которая хочет стать мальчиком, чтобы играть в солдатики.

– Наигралась, – сквозь зубы процедила Тайхай.

– Вот видишь. Я это давно понял. Как только ты малышку на руки взяла, тогда же и понял. Любая из твоих девок даст содрать себе шкуру с задницы и переспит хоть с полком убийц, только бы занять твоё место. А тебе ничего этого давно уже не надо. Верно?

Тайхай снова молча кивнула.

– Послала бы все подальше, да контракт не пускает. Вот и представь себе: контракта больше нет, о тебе все забыли, на твоём месте другая, а ты свободна. Едешь домой... или еще куда... встречаешь там хорошего парня, женитесь... и детки у вас такие славные...

– Замолчи! – Тайхай закричала таким неистовым фальцетом, что эхо ее воплей ее несколько секунд дрожало в листе.

– Почему? – удивился джет. – Ведь это я тебе и предлагаю.

– И ты можешь?... можешь?... – бессвязно всхлипывала Тайхай. Из-под опущенных век текли слезы.

– Думаю, что могу. Я тебе врать не хочу. Пойдем со мной, и мы тут же узнаем, могу я или нет. Если нет, я исчезну, и тебе меня не поймать. Сама понимаешь, – пальцы джета вновь коснулись цепочки. – Но если я могу, ты выполнишь мою просьбу?

– Любую, – выдохнула Тайхай.

– Тогда пойдем. Только успокойся и глаза вытри. Если кто встретит, что люди подумают?

Пока Тайхай успокаивалась и мыла заплаканное лицо водой из фонтана, Иллари успел выполнить все поручения джета и вернуться. Он вошел незадолго до джета, и едва успел распаковать покупки, как мальчик вместе с капитаном Тайхай возник на пороге. Если Иллари и удивился визиту капитана внутреннего круга, то благоразумно оставил удивление при себе.

– Все купил? Отлично! – глаза джета томно заблестели. С ним такое случалось перед особенно тяжелой работой. – Прибери в комнате, завесь кровать и поставь жаровню посередине.

Иллари взялся за дело без возражений. Приказы джета не обидели его. Он понимал, что мальчик не может тратить силы ни на что, кроме своей работы. Он безропотно подмел комнату, занавесил постель и свалил на нее все лишние вещи.

– Жаровня годится? – осведомился он.

– Вполне. Сейчас и начнем, – джет обернулся к Тайхай. – Ты что-нибудь слышала о госпоже Атэа-те?

Тайхай кивнула. В отличие от Иллари, местные уроженцы были наслышаны о ее чудесах.

– Сейчас я буду просить ее для тебя. Просьба прямая, не опосредованная. К тому же ты – женщина. Так что должно получиться. Но мне от тебя кое-что нужно. Прядь волос и самую дорогую тебе вещь, – с этими словами джет положил углей в жаровню и, разломив палочку благовоний, опустил половину на угли. По комнате поплыл аромат – сначала густой, терпкий, потом неожиданно прохладный и свежий.

– Самую дорогую? Но у нее нет с собой меча, – напомнил Иллари.

– А я и прошу не меч, – улыбнулся джет.

Рука Тайхай поднялась – и непроизвольно замерла.

– Ну же! – прикрикнул джет. – Ты хочешь, чтоб было потвоему, или нет?

Тайхай расстегнула куртку на груди и извлекла оттуда маленький помятый бантик.

– Что это? – изумился Иллари.

– Моей сестры дочка... От ее чепчика, – нервно сглотнула Тайхай. – Он оторвался, а я стащила.

Джет сосредоточенно кивнул.

– Годится. Теперь волосы.

Замершая Тайхай по-прежнему стояла с бантиком в вытянутой руке. Джет кинжалом ловко отрезал прядь ее волос, взял бантик, привязал его прядью к палочке благовоний и положил его в огонь. Тайхай мучительно вздохнула.

Джет преклонил колени перед импровизированным жертвенником и принялся читать наизусть канон призывания.

Пока он говорил, Тайхай и Иллари были уверены, что эти слова они знают всю свою жизнь. Но едва он закончил, как произнесенное напрочь стерлось из их памяти. Прядь волос потрескивала на углях, но благовония заглушали запах.

Произнеся последнее слово, джет сделал земной поклон и снова выпрямился на коленях. Вокруг ничего не изменилось. Иллари пробрал холодный пот. Неужели ничего не получилось? А может, так и должно быть?

– Я призываю Госпожу семи времен и пяти состояний Атэа-те ради женщины Тайхай, – монотонно говорил джет. – Я прибегаю к помощи Госпожи силой дара, принесенного женщиной Тайхай.

Ароматный дым сгустился, и Иллари показалось, что в нем виднеется... нет, не показалось! В дыме отчетливо виднелось лицо. Оно было человеческим и нечеловеческим одновременно. В обычном человеческом лице подобные пропорции были бы некрасивы, но это лицо показалось Иллари чарующе прекрасным. Узкий овал лица был раза в полтора длиннее естественного. Огромные темно-синие глаза расставлены невероятно широко. Такого маленького рта не могло быть не у одной женщины или богини. Воистину, Госпожа Атэа-те прекрасна, хотя красота ее была очень и очень странной.

– Я прошу ради женщины Тайхай поменять бывшее на небывшее для всех, кроме нее, и сделать небудущее будущим для нее самой, – продолжал джет. – Я прошу, чтобы в ту минуту, когда женщина Тайхай сдержит данное мне слово, совершилось благое изменение. Да будет мое моление угодно Госпоже Атэа-те!

Выражение странного лица не изменилось. Побледнев, джет отсек у себя прядь волос и потянулся к талисману.

– Да примет Госпожа и мой дар! – глухо произнес он.

Тайхай ничего не поняла, но Иллари ужаснулся. Мальчик собирается бросить в огонь свой талисман. Свой разум! Его надо остановить...

Джет не успел положить талисман в огонь. Из клубов дыма протянулась почти невидимая рука и отвела кисть джета от жертвенника. Потом Госпожа медленно улыбнулась. Ее тонкая рука коснулась лба, губ и груди джета. А потом лицо и рука заволоклись ароматным дымом и исчезли.

– Благодарю тебя, Госпожа! – и джет упал ниц перед жертвенником.

Иллари и Тайхай бросились его поднимать.

– Скорей положите остальные благовония в огонь, пока не погас, – прошептал джет. Лицо его было совершенно белым, губы посинели.

– Тебе плохо? – заботливо спросил Иллари, пока Тайхай

исполняла приказание.

– Мне больно... Голова кружится... Помоги мне, пожалуйста, лечь.

Иллари сбросил с кровати все лишнее, поднял джета на руки, отнес, уложил и накрыл одеялом.

– Пить хочешь?

– Да. Спасибо. Сейчас полежу, и все пройдет. Мне дали такую силу...

– Тебе? Но ты просил не для себя.

– Я знаю. Но такие подарки за так не делаются. Госпожа хочет, чтобы я все сделал сам. Она дала мне силу для этого, и мне так больно от этой силы... Все горит...

Иллари поднес к губам джета чашку, и джет выпил немного воды. Иллари держал чашку, Тайхай поддерживала за плечи джета.

– Все получилось, – хрипло прошептал джет, – хотя я и вызывал по малому обряду. Получилось!

– Что получилось? – спросила Тайхай.

– Все! Как только ты сделаешь то, что мне нужно, все станет, как ты хотела. На твоём месте будет другая. О тебе все забудут. Согласна?

– Ещё бы! – воскликнула Тайхай. – Так что тебе нужно?

– Мне нужен принц, – ответил джет и откинулся на подушку.

– Я так и знала! – воскликнула Тайхай.

– Тогда с твоей стороны было крайне любезно не арестовать нас, – Иллари и впрямь был очень удивлен тем обстоятельством, что они с джетом не были схвачены, допрошены и казнены по всем правилам.

– Я не это имела в виду, – отмахнулась Тайхай. – Как ни странно, вас я особо не подозревала. Просто я не могла поверить, что отряд, посланный спасти заложника, может вести себя так неуклюже. Я была уверена, что они просто отвлекают внимание на себя, и ждала, пока они повидаются с сообщниками. Но меня поторопили с арестом. Я даже не знаю, кто их предупредил.

– Я, конечно, – ухмыльнулся Иллари. – В первый же день.

– Странно, что мои люди ничего такого не заметили, хоть и видели тебя в «Козле». Но ты не подходил к ним.

– Конечно, нет, – с удовольствием ответил Иллари.

– Остолопы! – в сердцах воскликнула Тайхай. – Значит, я была права.

– Не совсем, – покачал головой Иллари. – То есть в конечном итоге – да, но задумывал Император все совсем по-иному.

Тайхай не ответила. Почти не замечая, что делает, она наводила в комнате порядок – не наподобие того, что устроил

Иллари, а настоящий.

Джет сел на постели и потер виски кончиками пальцев.

– Ну, вот, мне уже и лучше, – он сделал попытку встать, но Иллари бесцеремонно запихал его обратно под одеяло.

– Лежи уж! Если я хоть что-то понимаю, тебе предстоит такая работенка, что надо отлежаться и набраться сил.

– Это верно, – согласился джет, блаженно потягиваясь, как сонный котенок. – Как бы вам не пришлось меня потом волоком тащить.

– И почему Госпожа не совершает изменения сама, а заставляет тебя? – негодовал Иллари. Он был возмущен посягательством на силы и здоровье джета, пусть даже и со стороны сверхъестественных созданий.

– Это как раз справедливо, – возразил джет. – Видишь ли, просил я хоть и не для себя, но в своих интересах, а Голосу Просителя это строго-настрого запрещено. Госпожа могла и не принять нашей просьбы. Редкая милость с ее стороны, что она вообще согласилась. Но с оговоркой: раз уж вам так нужно, расхлебывайте сами.

– А когда ты будешь... расхлебывать? – с жадным интересом спросила Тайхай.

– Не терпится? – улыбнулся джет. – А когда ты сможешь привести нам принца?

– Послезавтра мое дежурство. Ждите вечером у ограды в беседке. Устроит?

– Вполне, – отозвался джет. – Кстати, мне действительно нужно отдохнуть и собраться с силами. Можешь как-то освободить нас до послезавтра от службы? Внешний круг подчиняется внутреннему, и тебя послушаются.

– Могу, – поразмыслив, ответила Тайхай. – Отправлю вас выслеживать каких-нибудь несуществующих заговорщиков.

– Прекрасно, – рассеянно отозвался джет, обдумывая дальнейшие планы. – Значит, послезавтра...

Чтоб не маяться бесплодным ожиданием, Иллари и джет пришли в беседку, когда уже основательно стемнело. Их позднее появление никого не удивило: с личным докладом к капитану Тайхай являлись в любое время суток. Их присутствие было мельком замечено и тотчас забыто. Однако Иллари места себе не находил от беспокойства.

– Перестань метаться, – урезонивал его джет. – Этим делу не поможешь.

– А если она не придет? – тревожно вглядывался в ночь Иллари.

– Придет, – успокаивал джет.

– Нет, но а если? Может, она передумала? Может, она с самого начала тебя обманывала, чтобы вынудить раскрыться?

– Вот об этом не беспокойся. Меня она могла бы обмануть, но Госпожу – просто не посмеет.

– Тише! – Иллари напрягся, заслышав приглушенные голоса, затем вздохнул с явным облегчением.

– Окажите любезность, капитан Тайхай, – в мужском голосе звучала явная ирония, – сообщите мне, почему я должен идти на прогулку именно здесь и сейчас?

– Потому, что именно здесь и сейчас, Ваше Высочество, Вам очень полезен свежий воздух, – отпарировала Тайхай.

– Покоряюсь неизбежному. Но касательно целебных свойств свежего воздуха во втором часу пополудни...

– Да, и наиболее полезен для Вас воздух вот этой беседки. Извольте войти, Ваше Высочество.

Когда принц отодвинул побеги пестрого плюща, прикрывающие вход, Иллари шепотом издал ликующий вопль, втащил принца в беседку и сгреб его в объятия.

– Акарени, дружище! – шепотом взвыл он.

– Иллари! – радостно изумился принц. – Откуда?

– Я исполнила свое обещание, – заметила Тайхай, входя в беседку.

– Я свое тоже исполню, не беспокойся, – в тон ей ответил джет.

Иллари разжал дружеские объятия и отступил на шаг.

– Акарени, позволь тебе представить моего друга и вассала, – в этой фразе Иллари внимание к правилам этикета причудливо смешалось с полным к ним пренебрежением.

– Ваше Высочество! – Джет поклонился.

– Джет нам поможет, – пояснил Иллари.

– Праведные солнца! – принц был изумлен видом разумного джета не меньше, чем Иллари в первый раз. – А как его зовут?

Джет закусил губу.

– Меня зовут никак, – сообщил он. – И ради всего святого, не мешайте мне работать.

– Лучше делай, как он скажет, – посоветовал Иллари, пряча улыбку. – Мальчишка командует, как заправский генерал, но уверяю тебя, Акарени – он знает, что говорит.

– Здесь я привык подчиняться, – флегматично заметил принц.

Джет взглянул на него с улыбкой. Он уже почти сожалел о своем выпаде. Принц вызывал симпатию. Он был очень похож на Императора, чью физиономию джет достаточно часто видел на монетах, но все, что в Императорском облике вызывало

отвращение, в лице принца Акарени привлекало: и тяжеловатые веки, и унылый, чуть вислый нос, и необычно длинные брови. Принц, несомненно, обладал обаянием.

– Прошу простить меня, Ваше Высочество, но мне сейчас нельзя отвлекаться. Тайхай, стань в центре беседки.

– Может, нам лучше выйти? – предложил Иллари.

– Ни в коем случае! – запротестовал джет. – Снаружи бывшее изменится на небывшее. Почему я знаю, где вы оба в этом небывшем окажетесь? Ищи потом по всей Иматраве!

Тайхай послушно встала посреди беседки. Джет положил ей руки на плечи.

– Именем и силой Атэа-те, Госпожи семи времен и пяти состояний, – произнес он, глубоко вздохнув. – Именем и силой Джетевена. Именем и силой просьбы женщины Тайхай...

Джет сильнее сжал плечи Тайхай и произнес что-то непонятное. Форменная куртка Тайхай лопнула под его пальцами по шву. Ткань истлевала мгновенно, лохмотья сползали, стекали вниз и рассыпались прахом, не успев упасть. Под ними завиднелась ткань совсем другого наряда. Иллари сглотнул и отвел взгляд. В окошко беседки светила луна. Иллари на какое-то мгновение готов был поклясться, что лун две, хотя они и занимают на небе каким-то непонятным образом одно и то же место. Иллари уж и не знал, на что смотреть менее жутко: на меняющуюся одежду Тайхай или на невидимое глазу, но несомненное двоение небосвода. Принц рядом с ним приглушенно охнул: в отличие от Иллари, привыкшего в обществе джета к необычному, принц никогда ничего волшебного в жизни не видел. Чудо, творящееся у него на глазах, потрясло его до безъязычия.

– Готово, – хрипло объявил джет.

Иллари обернулся. Тайхай была одета в платье, перехваченное в талии широким темным поясом с вышивкой. Джет по-прежнему держал ее за плечи, и для Иллари не составило труда догадаться, почему.

– Акарени, помоги парню!

Вдвоем с принцем они разжали побелевшие пальцы джета и помогли ему сесть на пол.

– Идти можешь? – заботливо спросил его Иллари.

Джет покачал головой.

– Не очень. Я сейчас слаб, как котенок. Совсем ноги не держат.

– Ничего, ты предупреждал, что так будет. Мы тебя понесем.

– Конечно, – кивнул Акарени. – Тяжесть невелика.

– Идти уже можно? – осведомился Иллари, подымая джета на

руки.

– Можно, – ответил джет.

Иллари невольно взглянул на небо. Луна в окошке была честь-честью одна, и небо тоже одно.

– Все уже кончилось, – слабо улыбнулся джет.

Тайхай до сих пор пребывала в оцепенении.

– Идем, – поторопил ее Иллари.

– С-сейчас, – с трудом отозвалась Тайхай. Руки ее задвигались по платью, разглаживая несуществующие складки.

– Идем скорее, – прикрикнул Иллари, чувствуя, как тело джета тяжелеет, безвольно обмякает. – Парень того и гляди сознание теряет. Его надо накормить, и побыстрее.

– Что это с ним? – тихо спросил принц.

– Цена твоей свободы, – ответил Иллари. – Кто-нибудь пойдет со мной или нет?

Принц взял под руку Тайхай.

– Разрешите проводить вас, госпожа... – он замялся: слово «капитан» отчего-то не хотело покидать его уста.

Четверо беглецов покинули беседку гораздо осторожнее, чем вошли в нее: теперь никому не известная девушка не может их защитить, как могла бы капитан Тайхай. До ограды добрались молча. Тайхай перелезла первой. Принц забрался на ограду, принял из рук Иллари полубесчувственного джета и передал его Тайхай. Лишь затем он спустился сам. Иллари мигом последовал его примеру.

– Вот и все! – тихо и весело произнес он.

– Не совсем, – прошептал джет. – Погоди немного.

Из последних сил он поднял руку и коснулся дрожащими пальцами лица принца.

– Теперь не узнают, – почти неразборчиво произнес он. Голова его бессильно поникла.

– Это никуда не годится, – озабоченно сказал Иллари. – Давай-ка его сюда.

Вдвоем с принцем они подхватили джета под мышки, словно пьяного тащат. Тайхай шла сзади и время от времени переставляла джету ноги, когда у него не хватало сил волочить их самостоятельно. По счастью, до ближайшего трактира было рукой подать. Им оказался «Древний клинок» – заведение, где обычно было полным-полно стражей и Внешнего, и Внутреннего круга. Даже сейчас, поздней ночью, там наверняка кто-нибудь из них восседает над кружкой. При виде вывески – меча, наполовину вынутого из ножен – Тайхай слегка попятилась. Иллари и сам не хотел бы заходить сюда, но тревога за джета заставила его пренебречь опасениями.

– А, господин стражник пожаловали! – приветствовал Иллари добродушный хозяин. Хозяин «Клинка» всегда благоволил к Иллари: он никогда не пьянел, а значит, никогда не бесчинствовал, что изредка случалось с любым стражником. Официально за пьяное буйство полагалось суровое наказание, но на практике все, кроме капитана Тайхай, смотрели на подобные случаи сквозь пальцы.

– А что с вашим другом? – поинтересовался хозяин, имея в виду джета. – В переделке побывали?

– Не без того, – согласился Иллари. – Накорми нас побыстрее.

– Видно, жаркое было дело?.. Вина и мяса господам из Внешнего круга! Да поживей!.. Сейчас будет, потерпите маленько. А какая с вами девушка хорошенькая, господин стражник, не в обиду будь сказано.

Тайхай едва удержала вскрик. Этот хозяин подавал ей еду и вино дважды в день!

– Сестра моего приятеля, – небрежно бросил Иллари. – С женихом.

Бормоча «для дорогих гостей», хозяин собственноручно обмахнул полотенцем небольшой стол и удалился за жарким.

– Сейчас тебя покормят, и тебе полегчает, – прошептал Иллари джету.

– Все в порядке, – тоже шепотом ответил джет. – Вот только поем, и опять смогу идти.

– Не могу поверить... – бормотала Тайхай.

Едва перед ними появилось долгожданное жаркое, едва только беглецы принялись расправляться с ним, как дверь трактира распахнулась. Вошли несколько высоких девушек в форме стражи Внутреннего Круга. Некоторых из них Иллари знал, других – нет, но и эти другие здоровались с ним и джетом, как со знакомыми. Впереди шла широкоплечая девушка в форме, какую столь недавно носила Тайхай. Почему-то именно эта форма и убедила Тайхай в подлинности происходящего. Форма, да еще, пожалуй, то, что форма оказалась поношенной, а капитанские нашивки на плаще – чуть выцветшими.

Хозяин, согнувшись в три погибели, бросился к девушке.

– Чего угодно, госпожа капитан? – почти пропел он.

Тайхай рвано вздохнула. Только что она чуть не брякнула: «Что это еще за самозванка?!» Она глаз не могла отвести от потертого капитанского плаща.

– А, это ты! – высокая девица в капитанской форме хлопнула Иллари по плечу. – Пересаживайтесь к нам!

– В другой раз, госпожа капитан, – ответил Иллари. – Ко мне родня приехала.

– Гони их в шею! – жизнерадостно посоветовала девица.

– И рад бы, – развел руками Иллари, – да они сами дорогу не найдут. Вот сейчас наедятся, я их баиньки отведу и вернусь.

– Ладно, – великодушно уступила девица, – все равно мы сегодня недолго. Как сплaviшь свою родню, так и приходите к нам оба.

– Непременно, – Иллари кивнул новоявленному капитану самым учтивым образом.

Девица не спросила Иллари, что случилось с джетом: нужды в вопросе уже не было. Силы джета восстанавливались с каждым проглоченным куском. Потускневшие от усталости глаза осмысленно заблестели, на скулах появился слабый румянец. Всегда такой умеренный в еде, джет наворачивал за троих.

– Ну, как? – вполголоса осведомился Иллари, когда девица отошла.

– Вполне, – улыбнулся джет, запивая жаркое целой кружкой вина. – Уже могу двигаться. Если остальные поели, можно идти.

– Можно, – кивнул Иллари.

Принц тоже кивнул и оставил пустую тарелку.

– А ты? – обратился Иллари к Тайхай. Содержимое ее тарелки осталось почти нетронутым.

– Пойдем отсюда, – попросила Тайхай. Взгляд ее по-прежнему был прикован к незнакомой девушке в капитанской форме.

– Хозяин, получи с меня! – Иллари, как часто делали стражники, швырнул монету через всю комнату. Хозяин подхватил монету на лету, попробовал ее на зуб и кивнул.

Снаружи было пусто и тихо: тот предрассветный час, когда и воры, и стража, и честные обыватели еще и уже спят (сидящие по кабакам, разумеется, не в счет). Оказавшись на улице, Тайхай несколько раз вдохнула предутреннюю прохладу, а потом неожиданно заплакала.

– Что с тобой, сестричка? – шутливо обратился к ней джет, памятуя о недавних словах Иллари.

Тайхай обняла джета за плечи и попыталась уткнуться лицом в его плечо. Поскольку она была выше ростом, ее нос угодил джету как раз в макушку.

– Знаешь, братец, – в отличие от джета Тайхай была совершенно серьезна, – я собираюсь иметь много детей. Скажем, четверых. И если ты не придешь, как дядюшке положено, поздравить с появлением на свет хоть одного из своих четверых племянников, я тебя найду и отлуплю.

– Пятерых, – с улыбкой поправил ее джет. – Пятерых, и все останутся живы.

Тайхай перестала плакать и с изумлением воззрилась на

джета. Иллари тоже слегка выпучил глаза: способностей к ясновидению за джетом до сих пор не водилось. О принце и говорить нечего: он смотрел на джета так, словно он плевался горящими факелами, бриллиантами и живыми лягушками.

– К рождению старшего сына я не успею тебя поздравить, – беспечно продолжал джет, – а вот со вторым ребенком, пожалуй, и успею.

– Ты это всерьез? – поинтересовался Иллари.

– Серьезнее не бывает, – заверил его джет.

– Откуда знаешь? – замирающим от восхитительной надежды голосом спросила Тайхай.

– Знаю, и все тут. Раньше я так не умел, а сейчас отчего-то получается. Думаю, это ненадолго. Тень силы Госпожи Атэа-те. Она ведь властна над будущим и небудущим, вот и я пока их вижу.

– Может, скажешь что-нибудь и про нас? – предложил принц.

Джет вздохнул.

– Наше будущее еще не определилось из небудущего. Их слишком много. Всех и не разобрать. Есть у меня смутное предчувствие, что именно я буду называть детское имя ребенка Тайхай, но очень уж смутное. Так что останемся ли мы живы – пока не сказано.

– Спасибо и на том, – вздохнул принц.

– Только попробуй умереть! – накинулась на джета Тайхай. – Ты мне обещал прийти? Обещал.

– Ладно, – ухмыльнулся джет. – Приду. Слезы вытри, сестричка.

– Что-то я часто начала плакать, – заметила Тайхай, послушно утирая лицо.

– А это за всю прежнюю жизнь, когда ты не плакала.

– Скорей бы уже рассвело, – поежилась от предутреннего холода Тайхай. – Откроют ворота, и можно будет уйти. Насовсем.

– А пока предлагаю пойти к мосту, – сказал Иллари. – Вроде там были лавки, которые и по ночам открыты. Купим себе еды и прочего в дорогу. Пока до моста дойдем, пока обратно, как раз и рассветет.

Так они и сделали.

Тайхай покинула их за городскими воротами, еще раз облобызав названного брата и повторно взяв с него обещание повидать ее будущих детей. Джет не беспокоился за нее: постоять за себя бывший капитан Внутренней стражи сумеет, да и денег у нее достаточно. Иллари щедро одарил ее из своих почти не востребованных дорожных запасов. Не только в пути не придется

голодать, но еще и на первое обзаведение останется. А если она купит лошадь и доберется до места верхом, нужда в обзаведении возникнет очень скоро. Куда именно она направляется, Тайхай отказалась сообщить наотрез, но у Иллари на этот счет были кое-какие соображения. Нет, судьба Тайхай ни джета, ни его спутников совершенно не заботила. Куда больше их волновало, чем их встретит Джетевен, ибо будущее совершенно не желало открываться. После нескольких неудачных попыток джет заявил, что не собирается впредь тратить силы на то, чтоб узнавать будущее – уж лучше сохранить их для того, чтоб его делать. По взаимному согласию, все трое путников дружно выкинули из головы возможные последствия, после чего их путешествие сделалось очень приятным, особенно для джета. Принц оказался замечательным дорожным товарищем. Невзгоды он переносил с привычной легкостью, никогда не жаловался, от дела не отлынивал. С джетом они сошлись коротко, едва успев немного узнать друг друга. Все-таки обаяния у принца было немало. А кроме обаяния, еще и природное, неподдельное величие. Даже, когда от собирал хворост, потрошил рыбу или чинил плащ, величие не покидало его. Джет недоумевал, как это на кривом императорском древе могла появиться столь прямая ветвь. Иллари, заметив сомнения джета, растолковал ему, что это Император – кривой сук, а в принце кровь его предков течет со всем их достоинством. Вот если бы Император воспитывал сына в соответствии со своими вкусами... но, по счастью, он этого не сделал. Иллари рассказывал о принце долго и охотно, когда тот отлучался: после спасения друга он находился в самом радужном настроении и жаждал поведать о нем кому угодно, а уж тем более джету. Равно как и принцу о его спасителе.

Иллари обладал редкостным дарованием хвалить, не смущая похвалой. Джет не ощущал не малейшей неловкости, покуда Иллари красочно повествовал принцу о талантах, достоинствах и заслугах джета. Неловкость возникла позже, когда потрясенный услышанным до глубины души принц пожелал обращаться к нему на «Вы». Джет от подобной чести отказался наотрез, принц же не мог себя заставить принимать знаки почтения от волшебника. Поладили на том, что раз джет отказывается от «Вы» из уст особы императорской крови, ему вменяется в обязанность обращаться к принцу на «ты». Против этого джет не возражал, и дело утряслось к их обоюдной радости. Джет нередко именовал принца «Твое высочество», и Иллари перенял у него эту беззлобную подначку. Принц изредка возражал: мол, Высочеством он был во дворце, а здесь они все друзья, и держаться надо соответственно.

– Что поделать, – смеялся Иллари, – этикет у тебя в крови.

– В печенках у меня этот твой этикет, вот где, – шутливо огрызнулся принц.

– А по-моему, этикет – неплохая штука, – невинным тоном заметил джет.

Принц и Иллари обрушились на него с такими убедительными доводами, что джет волей-неволей сдался.

– Ладно, ладно, я неправ. Но вы мне оба вот что скажите: например, сейчас нам надо решать, что делать дальше. Будь у нас этикет в ходу, мы бы живо определили, кто тут главный и кому решать. А сейчас что?

– А что тут решать? – удивился Иллари. – По-моему, все ясно. Мы идем в Джетевен.

Джет не ответил.

– Кажется, я тебя понял, – сказал принц. – У тебя какое-то предчувствие, и ты не знаешь, доверять ему или нет. Или вообще не можешь его определить. Растерялся, одним словом. Я угадал?

Джет кивнул и подбросил хворост в костер.

– Я действительно не знаю. Чувствую, что в Джетевен идти надо, надо обязательно – и в то же время меня что-то не пускает. Перед колдовским замком я чувствовал что-то похожее, но другое. Там настолько тянуло вперед, что я насторожился. А здесь меня ничто не тянет, но я знаю, что должен быть там. А не пускает.

– Не пускает... – принц задумался. – А другая дорога в Джетевен есть?

– Есть, но очень окольная. Много времени потратим, если в обход.

– Может, все-таки лучше в обход? – предложил принц. – Может, твое предчувствие не пускает тебя не в Джетевен, а на эту дорогу?

– И верно, – поддержал принца Иллари. – Если здесь самый короткий путь из Вейдо в Джетевен, то Мастер Керавар тебя на нем караулит, не сомневайся.

– Уговорили, – джет развел руками. – Скорей всего, вы правы. Вот через полдня и свернем на окольный путь.

– Костер догорает, – заметил Иллари. – Чья очередь идти за хворостом?

– Моя, – принц надел сапоги и встал.

– Ты смотри, осторожнее, – предупредил его Иллари. – Самое змеиное время.

– Здесь нет змей, – возразил джет.

– О чем ты думаешь? – спросил Иллари, когда принц удалился.

В это самое мгновение в доме посреди Джетевенской долины

Мастер Керавар плеснул воды на зеркало.

– О том, что ты скоро увидишь горы, – ответил джет. – До сих пор ты их видел только в моей памяти.

Прочитав эти слова по его губам, Мастер Керавар зашипел от злости.

– Я так долго хотел вернуться домой, – тихо говорил джет, – и теперь не могу поверить. Мне даже страшно немного. И будущее еще не решено. Все зависит от такой мелочи...

Он замолчал и принялся ворошить угли веточкой.

– От какой? – не выдержал Иллари. – Перестань загадки загадывать.

– Это не загадка, – возразил джет, – это тайна. Но одно я тебе могу сказать. Иллари... когда мы будем в Джетевене...

Он снова умолк.

– Да? – подбодрил его Иллари.

– Когда мы туда придем... – джет с трудом подбирал слова. – Если тебе там чего-нибудь захочется... все равно чего... каким бы диким тебе не показалось это желание... дурным, неуместным... все, что придет в голову... любая глупость... обещай, что ты так и сделаешь.

– Любое желание? – усмехнулся Иллари. – Даже, если мне вдруг взбредет снять штаны посреди главной площади или выкрасить тебя в зеленый цвет?

– Значит, ты снимешь штаны и выкрасишь меня в зеленый цвет. Обещай.

– Да пожалуйста, – Иллари равнодушно пожал плечами. – Подумаешь, великое дело. Никогда в жизни я еще не следовал целиком и полностью своим желаниям. Очень интересно будет попробовать.

– Надеюсь, – ответил джет.

Из-за дерева показался принц с охапкой валежника.

– Эй вы, лежебоки! – заявил он. – Мое дело – принести хворост, а огонь поддерживать – уже ваше.

– Вот зануда! – восхитился Иллари.

По счастью, принца Мастер Керавар уже не видел, как не видел он просьбы, слетевшей с уст джета. Зеркало начало высыхать, затуманиваться, изображение сделалось нечетким, и слова на губах было невозможно разобрать. Что и предопределило ошибку Мастера Керавара – не первую и не последнюю.

Так, значит, эта парочка все же идет в Джетевен! А поход в Вейдо, очевидно, был предпринят, чтобы замести следы. Ну уж нет, голубчики! Плохо вы еще знаете Мастера Керавара. Он предвидел такую возможность и приготовил вам подарок. А

потом, когда вы попадетесь, я знаю, в чьи руки вас отдать – разумеется, под моим присмотром. Мастер Боли совсем спятил. Сейчас он находит удовлетворение, пытаясь мучить грабли, скамейки, дверные косяки и прочие неодушевленные предметы. Вот его безумные руки вами и займутся.

– Иди сюда, – окликнул он, высунувшись из окна, первого попавшегося наемника.

Когда наемник вошел в комнату, Керавар уже успел спрятать чашу и занавесить зеркало.

– Помнишь того мальчишку, которого мы изгнали? – спросил он.

Наемник почтительно кивнул.

– Дурной пример заразителен. По его стопам хочет направиться еще один Нарушитель Закона о Трех ремеслах. Я слежу за ним уже давно. А теперь мы его возьмем.

– Все будет сделано тихо, Мастер Слов, – заверил его наемник.

– Наоборот, – велел Керавар. – Братъ мы его будем послезавтра. Нет, даже через три дня. Очень шумно и очень неуклюже. Так, чтоб он успел удрать. Гоните его по направлению к дороге на Вейдо. Все ясно? Можешь идти.

Когда растерянный наемник вышел, Керавар сухо рассмеялся. Все рассчитано. Мальчишка хочет войти в Джетевен незамеченным? Не получится! Его встретит всеобщая облава. А если даже и нет, если преследуемый соплук сумеет настолько опередить погоню, что встретит его первым – тоже худа не будет. Мальчишка непременно захочет его выручить и попадется сам. Заодно со своим стихоплетом.

Так всегда бывает, когда принимаешь желаемое за действительное. У Мастера Керавара и в мыслях не было, что у мальчишки и рифмоплета появился третий спутник, и этот третий вполне способен дать разумный совет. Керавару и в дурном сне не могло присниться, что соплук, так стремящийся в Джетевен, выберет окольный путь и потеряет на этом время. Он делал все, что мог, для поимки джета. И не догадывался, что на самом деле он убирает с его дороги все препятствия, расчищая ненавистному врагу путь в Джетевен.

Дорога в обход оказалась неожиданно легкой. Их никто не ждал и никто не встретил. Из-за придорожных кустов никто не выпрыгивал, с деревьев никто не падал на голову, ничто не претерпевало превращений. Джет изо всех сил сдерживал сначала нетерпение, потом напряжение, а потом и вовсе начал нервно рассуждать вслух.

– Не нравится мне все это, – заявил он. – Можно подумать, что с нашего пути нарочно убрали все препятствия, чтобы мы ненароком не поскользнулись.

– Возможно, так оно и есть, – улыбнулся Акарени, и джет невольно улыбнулся ему в ответ: улыбка принца была слишком заразительной.

– В каком смысле? – спросил он.

– Видишь ли, этот твой... Керавар, кажется? Думаю, он полагает, что ты так и рвешься в Джетевен. Конечно же, тебя ждут. На более короткой дороге. Так что нам неплохо бы поторопиться, пока он не осознал свою ошибку. А как ты считаешь, Иллари?

Вместо ответа Иллари задумчиво плюнул в придорожные заросли. В последнее время джет так приставал к нему с требованием делать только то, что хочется, что замороженный Иллари повиновался. Отвечать на вопрос ему не хотелось: лениво. Он и не ответил.

Однако существовала возможность того, что принц был прав, и все трое значительно прибавили шагу. В Джетевен они вступили незадолго до рассвета, когда все нормальные люди еще спят или только-только продирают глаза. Поэтому безлюдье их поначалу не удивило. Но по мере дальнейшего продвижения лицо джета мало-помалу исполнялось мрачного изумления.

– Никого нет, – бормотал он себе под нос. – Ничего хорошего.

Казалось, ему полегчало бы, если скрытая за домом засада напала бы на них. Он словно даже ожидал нападения и мрачнел все больше, не встречая никакого сопротивления.

К дому Керавара дорога вела через площадь. Джет пересек ее нарочито неторопливым, размеренным шагом. Иллари был заворожен красотой этого зрелища: косо лежащиеся на площади полосы утренней зари и пересекающий их худой настороженный юноша, почти мальчик. Он сел прямо посреди площади, уставившись в джетову спину, и принялся подбирать строки, столь же стройные, как эта спина и ударяющий в нее солнечный свет. Акарени достаточно хорошо знал своего друга и мгновенно понял, чем тот занимается.

– Ну, не время же! – возопил он.

– Пусть делает, что хочет, – повелительно бросил джет через плечо.

– Уже не хочу, – подумав, сказал Иллари, встал и отряхнул штаны. – Настроение ушло.

Он догнал джета и зашагал вровень с ним.

Трудно сказать, чего ожидал джет, но ожидания его в любом случае оказались обмануты. Дом Керавара был пуст.

– Ничего не понимаю, – шептал бледный от волнения джет. – Ничего.

– Похоже, Акарени был прав, – флегматично заметил Иллари. В преддверии боя речь его всегда делалась медлительной и спокойной.

– А вот это мы сейчас узнаем, – внезапно оживился джет, едва войдя в одну из пустых комнат.

– Каким образом? – любопытствовал Иллари.

Вместо ответа джет сунул принцу в руки чашу.

– Поищи воду, – отрывисто произнес он. – Где-то здесь, в доме, обязательно должна быть вода.

Когда принц вернулся с водой, джет раздвинул занавесь в конце комнаты. У Иллари и принца дух захватило: никогда они еще не видели нефритового монолита такой величины. Джет нетерпеливо выхватил из рук принца чашу и, бормоча что-то, выплеснул воду на матовую нефритовую поверхность.

– Занятная штука, – восторженно произнес принц, невольно касаясь нефрита кончиками пальцев.

– Нет! – вскрикнул джет, но было поздно: в зеркале показались дома и люди, но ни один из них не был мастером Кераваром.

– Что это? – изумленно воскликнул принц: он редко выходил из дворца, и его нельзя винить за то, что он не сразу узнал Белый город. Иллари тоже вскрикнул от изумления – оттого, что узнал увиденное.

– Ты коснулся зеркала, – с досадой объяснил джет, – так что картинку оно показывает для тебя.

– Смотри-ка, вот Шокар! – воскликнул Иллари, узнав своего недавнего преследователя. – Живой!

– И Тайхай рядом! – удивился принц.

Иллари расхохотался.

– Времени она даром не теряла. Интересно, помнит ли Шокар, кто она? Во всяком случае, за талию он ее обнимает так, что завидки берут. Но почему они для Акарени? Вот бы узнать, о чем они разговаривают.

Джет, неотрывно следивший за движениями их губ, не отвлекаясь на остальные детали зрелища, отозвался без промедления.

– Император свергнут, – сообщил он.

– Быть не может! – ахнул Иллари.

– Очень даже может. Весь отряд вернулся домой в целости и сохранности. Столько живых свидетелей... армия, кажется, в тебе души не чает? – внезапно обратился он к принцу.

Акарени подавленно кивнул.

– Непростительная промашка со стороны Императора, – ухмыльнулся Иллари.

Изображение в зеркале тускло, и счастливая улыбка, озарившая лицо Тайхай перед поцелуем, была едва различима.

– Тебе надо вернуться, – без обиняков сказал джет. – Были распушены слухи о твоей смерти, но Тайхай доказала, что ты жив и свободен.

– Не очень-то охота, – поморщился принц, вспомнив унижения, претерпеваемые им от придворных лизоблюдов ежечасно.

– Кто тебя спросит! – фыркнул Иллари. – Если твоя задница не сядет на трон, война с Вейдо неизбежна.

– К сожалению, ты прав, – вздохнул принц. – Но с каким удовольствием я бы отослал в столицу только свою задницу!

– Меня не интересует твое удовольствие, – возразил Иллари. – Вот что меня сейчас интересует, так это – где Керавар?

– Придется подождать, пока зеркало не высохнет, – вздохнул джет.

– А вытереть его нельзя? – виноватым голосом предложил принц.

Джет издал короткий натянутый смешок.

– К сожалению, нет. И если вы действительно хотите знать, где Керавар, постарайтесь зеркало больше не лапать.

– А если очень захочется? – невинно поинтересовался Иллари.

Джет обратил к нему усталый взгляд без признаков улыбки.

– Тебе – можно, – коротко ответил он.

Пока зеркало высыхало, он ходил из угла в угол, нервно сжимая и разжимая кулаки. Едва лишь зеркалом вновь стало возможно воспользоваться вторично, джет схватил чашу и выплеснул воду, жадно вглядываясь в него даже раньше, чем появилось изображение.

Возникшая в зеркале картинка заставила его отступить на шаг. Как ни странно, на сей раз именно Акарени понял первым, что происходит.

– Посмотри, какую приманку организовал для тебя Керавар, – сказал он.

– Вижу, – глухо отозвался джет.

– Хитрая скотина! – яростно выпалил Иллари. – Но как он подбил всех на эту травлю? Он что здесь, хозяин?

– Нет, – с усилием произнес джет. – Но он – самый сильный Мастер Слов в Джетевене. И все же – как?

Он тронул зеркало, словно желая вырвать из него ненавистного мучителя. Изображение на краткий миг

поменялось, потом стало прежним. Но джету было достаточно увиденного. Теперь он знал.

Они не могли оторвать взгляд от зеркала, в котором отчетливо были видны все подробности облавы.

Танаэр не мог бы сказать, отчего он дрожит: от страха или от холода. За последние пару дней он замерз, как никогда в жизни. Когда грохот сапог наемников раздался у него под окном, он еще спал. Его разбудил повелительный голос, требующий нарушителя Закона о Трех Ремеслах, и он выпрыгнул в окно, в чем был – в одних подштанниках. Блуждания по зарослям камыша, по кустам и лесным тропинкам сделали свое дело: обрывки ткани едва прикрывали его наготу. Он не ел все это время, но голод почти не мучил его. Есть ему не хотелось. Лишь изредка голодные спазмы в желудке напоминали ему, что нужно бы подкрепить силы.

К сожалению, ни на поиски съестного, ни вообще на еду времени у него не было. Его гнали вперед, умело и усердно. Он почти не останавливался. Только страх не позволял ему почувствовать, насколько он ослабел. Ему некогда было даже думать. Вообще-то нужно уйти из Джетевена, уйти навсегда – все равно дело кончится изгнанием. Но отчего-то при одной мысли об уходе все существо Танаэра восставало. И он вновь бежал, охваченный паникой, и вновь возвращался, так и не успев дойти до границ Джетевена. В его воспаленном от голода и страха мозгу от всех нормальных человеческих мыслей и чувств осталось лишь удивление: почему его еще не поймали? Сейчас, когда ему выдались редкие минуты передышки, удивление овладело им с новой силой.

Неясный звук едва не заставил его немедленно вскочить и бежать, очертя голову. Он заставил себя сдержаться и прислушаться. Да ведь это просто ручей журчит! Танаэр обвел кончиком сухого языка растрескавшиеся губы. Кровь на них уже запеклась и не сочилась тонкой струйкой. Журчание воды где-то совсем неподалеку вызвало невыносимую жажду. Спотыкаясь и пошатываясь, Танаэр побрел на звук.

Неожиданное сверканье воды ослепило его. Он опустился на колени и нагнулся, чтобы зачерпнуть воды, но не успел. У него мучительно закружилась голова, мгновенная тошнота подкатила к пересохшему горлу, и он повалился в обмороке на влажную от росы траву.

В чувство его привела вода: кто-то выплеснул ему в лицо целую пригоршню. Какое блаженство! Танаэр осторожно слизнул с губ драгоценные капли.

– Пить, – шипло попросил он.

Ему дали пить, и с каждым глотком к нему возвращалась жизнь, а вместе с ней – страх. Что с ним теперь сделают?

К нему подошел Мастер Керавар. Лежащему навзничь Танаэру он казался огромным, голова его словно упиралась в поднебесье.

– Мерзавец! – выдохнул Керавар и яростно пнул его в бок.

От резкой боли Танаэр едва вновь не потерял сознание. Но сильнее боли его пронзило изумление, настолько необычным для Керавара было подобное проявление гнева. Такая бешеная ярость не могла быть вызвана только его проступком: случались нарушители закона и до него.

Танаэра подняли на ноги и сноровисто связали ему руки за спиной. Предосторожность совершенно излишняя: едва сделав шаг, Танаэр споткнулся и едва не упал.

– Он не может идти, – воскликнул кто-то.

– Ничего, пойдет, – сквозь зубы процедил Керавар.

Танаэра била крупная дрожь. Один из наемников набросил на его посиневшие голые плечи свой плащ. Керавар зло пробормотал что-то, потом пребольно ухватил мальчика за плечо.

– Иди, – велел он, сопроводив свои слова толчком.

И Танаэр пошел.

Каждый шаг давался с огромным трудом. Босые ноги горели. Раньше, в горячке побега Танаэр не замечал, насколько они изранены. Теперь возбуждение схлынуло, и он еле мог идти. Рука Керавара обжигала и гнула к земле, словно раскаленный жернов. Танаэр шел, ничего не замечая вокруг себя. Он заметил, что находится уже на улице, лишь почувствовав под ногами прохладные камни мостовой. Его ступням немного полегчало, и он почувствовал, как немилосердно зудит под плащом искусанное комарами тело. Но руки его были связаны за спиной, а дергаться и извиваться он не посмел: мертвая хватка Керавара вселяла ужас. Улица вдруг вытянулась у него перед глазами, и ему подумалось, что так они никогда не дойдут до площади. Площадь – это хорошо, это просто замечательно: там его заставят взойти на ступени на всеобщее обозрение, а потом сунут в камеру до объявления приговора, и он сможет лечь и отдохнуть. Хотя зачем его показывать? Ведь его, похоже, ловили всем миром. И так его все видели. Но можно не сомневаться: его выставят на погляд. Керавар все сделает, как положено.

Наконец, двоясь и сливаясь вновь воедино, перед ним замаячила площадь. Танаэр на краткий миг пришел в себя. Теперь только надо подняться по ступенькам и посмотреть в глаза толпе, а потом его оставят в покое. Ничего на свете он не хотел сейчас больше, чем этого жгучего позора.

Но ступени, на которые его должны были возвести, дабы показать народу, не были пусты. На них стояли трое: обаятельный молодой человек с удивительно унылым носом, худощавый и гибкий светловолосый парень со взглядом одновременно рассеянным и сосредоточенным, и джет ненамного старше его самого. Из уст Керавара вырвался полувздых-полушипение, и рука его на плече юного нарушителя разжалась сама собой.

Увидев выражение лица Керавара, Иллари непроизвольно шагнул вперед, чтобы заслонить джета собой. Но джет тоже сделал шаг и каким-то образом оказался впереди Иллари.

– Я вернулся, Керавар, – спокойно сказал он.

Возможно, без этих слов Керавар сразу перешел бы к делу, но тут он малость оцепенел. Обращение по имени, без привычного «Мастер» содержало в себе вызов и прямую угрозу. Он остолбенел от наглости, от неслыханной дерзости изгнанного мальчишки, посмеявшегося остаться живым и в своем уме. И эта краткая пауза дала возможность джету сказать то, что он хотел сказать прежде, чем ему заткнут рот.

– Закон о Трех Ремеслах, Керавар. В архиве записан его подлинный текст.

Этого было достаточно: вся толпа, собравшаяся на площади, слышала эти слова. Со всеми сразу не справиться даже Керавару. Но обезумевший от ярости Керавар этого не осознавал. Ему все еще казалось, что мальчишку можно заставить замолчать навсегда, а сказанное им перетолковать каким-нибудь удобным образом. И он в гневе решился на то, что обличало его с головой: он решил уничтожить врага публично. Толпа джетов отхлынула, когда раздались магические слова:

– Шелл алшенни наараотте...

– Шел волшебник на работу, – вполголоса переиначил Иллари.

С самого детства Иллари усвоил один нехитрый прием: во время драки, а впоследствии и дуэли, он мгновенно сочинял и выкрикивал нелепые дразнилки. Они не отличались не только гениальностью, но даже какой бы то ни было красотой формы. Они были попросту дурацкими. Но дело свое они делали: выводили противника из себя. Иллари ничего не понимал в магии, в Мастерстве Слов, но в поединках он очень даже разбирался. А происходящее на площади он и воспринимал, как поединок. Чувства его обострились, словно он держал в руке меч, тугой напор крови в жилах звал к бою, воскрешал к жизни привычное и инстинктивное. И Иллари, очарованный шелестящим звучанием: «шшелл... аллшшшенни...» – попросту

издательски вывернул заклинание.

Ничего не произошло. Керавар замолк на мгновение, затем ухмыльнулся уверенно и продолжил.

– Селми эшши касуоте.

– Сел на ежика в субботу, – ехидно парировал Иллари.

Громовой хохот потряс толпу: всей неимоверной силой собственного заклинания Керавар грянулся задницей на неизвестно откуда взявшегося ежика. Ошеломленный Иллари по инерции выпалил окончание дразнилки:

– Слопал яблочный пирог, На затылке вырос рог!

Керавар, приземлившись на ежа, открыл рот – то ли завопить хотел, то ли превозмог себя и пытался продолжить заклинание. У него не вышло ни того, ни другого. Кусок яблочного пирога заткнул ему рот, и челюсти его мрачно задвигались. Волосы на затылке раздвинуло нечто белое и блестящее. Через одно-два мгновения стало ясно, что рог на затылке Керавара не ветвится, но зато он очень длинный и загнутый.

Иллари обалдел, и не только от результатов дразнилки. Джет совершил то, чего никогда не делал, даже будучи его вассалом. Гордый мальчишка, на самого принца прикрикнувший, чтоб не мешал работать, поклонился ему – и как! Джет преклонил левое колено, коснулся ступени у ног Иллари правой рукой и произнес тихо и отчетливо: «Спасибо, Мастер!»

Когда Танаэр пришел в себя, лечение было почти окончено. Один из лучших Мастеров Исцеления касался его висков. Незнакомый джет, бросивший вызов самому Мастеру Керавару, занимался его ногами. Светловолосый Мастер Смысла сидел рядом и смотрел на него со странным выражением во взгляде. Их темноволосый спутник, во время схватки не проронивший ни слова, варил суп. Запах был настолько притягательным, что Танаэр невольно приподнялся.

– Не торопись, – улыбнулся Мастер Исцеления, – все равно еда еще не готова. Когда ты сможешь есть, как раз сварится.

– Праведные солнца! – яростно выпалил Мастер Смысла. – Совсем еще ребенок.

– Не отвлекайся, Иллари, – прервал его джет. – Мне нужно полотенце, а у меня руки заняты.

– Сейчас, – Иллари встал и снова оглянулся на Танаэра.

Джет засмеялся.

– Что, привык уже делать только то, что хочется? Нет, дружище, эти времена прошли.

– Ничего, я и сейчас сделаю то, что хочется, – Иллари, подавая джету полотенце, ухитрился слегка стукнуть того по шее.

– Потом поговорим, – пообещал джет. – Когда я не буду занят.

– Что со мной будет? – хрипло спросил Танаэр: наблюдать спокойную шутливую дружескую перепалку, не зная своей участи, было невыносимо.

– Да ничего, – пожал плечами джет. – Ты ведь ничего на самом деле не нарушил. Конечно, в Зеркало Выбора тебе посмотреть надо.

Танаэр немного оживился: во-первых, относительно своей дальнейшей судьбы он мог быть спокоен, а во-вторых, легенды о Зеркале Выбора были достаточно старыми и туманными, чтоб возбудить его любопытство.

– А оно существует на самом деле? – жадно поинтересовался он.

– И еще как! – скривился Иллари.

Джет отчего-то засмеялся.

– И вы уже смотрели в него?

– Было дело, – темноволосый улыбнулся и снял котелок с супом с огня.

– Ну вот, я закончил, – Мастер Исцелений отпустил виски Танаэра и встал.

– Самая пора подкрепиться, – и джет поставил на стол тарелки.

– А что вы видели в Зеркале? – спросил Танаэр, с восторгом поглощая суп.

Иллари отчего-то снова скривился, их друг тяжело вздохнул, а джет и Мастер откровенно засмеялись.

– Ничего, привыкнешь, – подбодрил джет недовольного Иллари. – Как видишь, Акарени уже смирился.

– Ему проще, он принц, – строптиво ответил Иллари.

Танаэр едва не поперхнулся супом.

– Е... его высочество варил мне суп? – заикаясь, спросил Танаэр.

Принц взглянул на него ясным взглядом.

– А тебе больше хотелось каши? – озабоченно спросил он.

Лишь потом – и не от своих теперешних собеседников – узнал он, что произошло после ошеломляющего падения Мастера Керавара. Пришельцы извне знали, где находится Зеркало Выбора и вынесли его на площадь. Зеркало не предсказывало судьбы. Оно показывало истинный облик выбирающего и правильный на данный момент выбор и его очередность. А также в нем можно было проверить правильность уже сделанного выбора и его последствия. Трое путников хотели взглянуть на результаты выбора, сделанного когда-то Мастером Кераваром. То, что предстало в Зеркале, когда его поднесли к побежденному

Керавару, заставило содрогнуться всех собравшихся. Но в Зеркале отразились и его победители. О Кераваре никто Танаэру не рассказал. Говорили лишь, что ничего человеческого в нем не было. Зато об остальных отражениях рассказывали охотно. Неожданность увиденного произвела большое впечатление на всех троих, и их реакция на свою сущность была впоследствии темой для множества джетских анекдотов.

Джет принял свой облик спокойно. Черты его лица сохранились неизменными, но выглядел он на несколько лет старше и облачен был в одежды Хранителя Архива и Зеркала – Хранителя Закона. Акарени увидел себя на троне своих предков и долго нес околесицу, то заявляя, что это гнусное сидение недостойно его задницы, то – что он недостойн этого сидения. Разобраться в этой белиберде не представилось возможности, ибо его сетования перекрыл мощный рык Иллари. Новоиспеченный Мастер Смысла узрел себя избранным королем Джетевена. К тому же Зеркало отразило его совсем юным – лет пятнадцати от силы – и наделило его черты большей красотой, чем обладал его телесный облик. Иллари самым забавным образом возмущался на весь Джетевен так, что будущие его подданные помирали со смеху, но отпереться от отражения не мог, ибо не он один был ему свидетелем. Проказливое выражение юного лица в зеркале заставило его исторгнуть из себя такие выражения, что даже Мастера Проклятий внимали в благоговейном молчании.

Всего этого Танаэр, понятное дело, еще не знал, ибо потерял сознание сразу после поражения Керавара. Он понятия не имел, что сидит за одним столом с такими важными особами, и почтение к кому-либо, кроме Акарени, не сковывало его язык. Он приставал с расспросами ко всем подряд.

– А что теперь будет с Кераваром? – осведомился он.

– Что заслужил, – жестко ответил Иллари. – В Джетевене ему делать нечего. Пусть погуляет где-нибудь еще. Без талисмана, конечно.

– Какого талисмана? – спросил сбитый с толку Танаэр. Когда ему все объяснили, он едва не выскочил в ужасе из-за стола.

– Но ведь это же опасно! Мастер Слов, да впридачу обезумевший....

– Он больше не Мастер, – произнес джет. – Я не знаю, что с ним случилось – может, это потому, что над ним еще и смеялись. Или из-за Зеркала. Я видел в Зеркале... Он призвал через него силу со Дна Мира, запретную силу. И, похоже она, через Зеркало вернулась обратно, прихватив с собой его собственную. Не знаю. Но он больше ничего не может. Он все утратил.

Спустя довольно долгое время, когда Акарени не только отбыл на трон своих предков, но и благополучно занял его, подписав мирный договор с Вейдо, король Джетевена и Хранитель Закона развлекались вином и музыкой. Такая передышка выпадала им не часто, и они всю наслаждались ею.

– Я думал, мы успеем поздравить Тайхай с первенцем, – произнес Иллари, откладывая лютню, – а тут столько дел навалилось.

– Ничего, к рождению второго ребенка время у нас будет, – улыбнулся джет. – Я же обещал дать ему имя.

– Мы бы и к первому успели, если бы не мое избрание, – пожаловался Иллари. – Неужели никого лучше не нашлось?

– Опять ты за свое, – вздохнул джет. – Не нашлось. Человек со стороны и вдобавок Мастер Смысла. Самый лучший король. Кто еще может добиться, чтобы второй раз такого не случилось? Я думаю, и впредь королями будут Мастера Смысла. Надеюсь, твои дети унаследуют твой дар.

Иллари отчаянно покраснел: в течение последнего месяца он всерьез помышлял о женитьбе, но о детях думать пока не осмеливался.

– Ты мне вот что скажи, – произнес он, безуспешно стараясь скрыть смущение, – а ты не думаешь, что такой король может стать Мастером Смысла и Слов зараз?

– Не думаю, – спокойно возразил джет. – На себя посмотри. Ты научился зажигать огонь, лечить собак и чинить свою лютню с помощью Слов – но и все. А ведь у тебя есть способности. Похоже, дар Смысла и дар Слов противоположны и сочетаются редко.

– Это хорошо, – поразмыслив, сказал Иллари.

– Еще бы. Только это и может спасти Джетевен. Помнишь старую сказку про злого короля? И что сказал мудрец?

– Не очень, – признался Иллари.

– «Чтобы припас не гнил, его надо пропитать солью. Но что делать, если и соль начнет гнить?»

– Понимаю, – кивнул Иллари. – Послушай, я все время забываю спросить тебя. Вот я – Мастер Смысла. Можешь ты мне, наконец, сказать, кто такие эти самые Мастера Смысла, которых даже маги боятся?!

Глаза джета широко распахнулись.

– Ты все еще не понял? – медленно спросил он. – Я думал, ты знаешь. Мастера Смысла – это поэты.